

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

LOMONOSOV
PHILOLOGY
JOURNAL

Lomonosov Philology Journal

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER FOUR

JULY - AUGUST

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2023

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 4

ИЮЛЬ – АВГУСТ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — **РЕМНЁВА Марина Леонтьевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой русского языка, президент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по лингвистике — **КОБОЗЕВА Ирина Михайловна**, д.ф.н., проф. кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по литературоведению — **ТОЛМАЧЁВ Василий Михайлович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Отв. секретарь по лингвистике — **РАЗЛЮГОВА Елена Эмильевна**, д.ф.н., профессор кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Отв. секретарь по литературоведению — **ЗЫКОВА Галина Владимировна**, д.ф.н., проф. кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Оргсекретарь — **БЕЛАВИНА Екатерина Михайловна**, к.ф.н., доц. кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Викторовна, д.ф.н., проф., зав. кафедрой английского языкознания, зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по научной работе; **БЕЛИКОВ Александр Евгеньевич**, к.ф.н., доц. кафедры классической филологии, председатель Совета молодых ученых филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ВЕНЕДИКТОВА Татьяна Дмитриевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИВИНСКИЙ Дмитрий Павлович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИЗОТОВ Андрей Иванович**, д.ф.н., проф. кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **КОРОВИН Владимир Леонидович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПАХСАРЬЯН Наталья Тиграновна**, д.ф.н., проф. кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПЕТРУХИНА Елена Васильевна**, д.ф.н., проф. кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **СОЛОПОВ Алексей Иванович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ТАТЕВОСОВ Сергей Георгиевич**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АМАТУЦЦИ Антонелла (Antonella AmatuZZi), PhD, профессор (Италия, Туринский ун-т); **БАКЕС Жан-Луи (Jean-Louis Backès)**, д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Ун-т Париж IV); **ВРАНЕШ Бранко (Branko Vraneš)**, д.ф.н. профессор (Сербия, Белградский ун-т); **ДАЙ Гуйцзюй (Dai Guiju)**, PhD, профессор (КНР, Пекинский ун-т иностранных языков); **ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич**, д.ф.н., профессор (Россия, ИЯ РАН); **ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна (Olga Inkova-Manzotti)**, д.ф.н., профессор (Швейцария, Женевский ун-т); **КОЛЛАРОВА Эва (Eva Kollárová)**, PhD, профессор (Словакия, «Русский язык в центре Европы»); **ЛЕВЕРС Даниэль (Daniel Leuwers)**, д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, ун-т г. Тур); **МИРЧЕВСКА-БОШЕВА Биляна (Biljana Mirchevska Bosheva)**, д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия); **МИРКУРБАНОВ Насирулла Мирсултанович (Nasirulla Mirkurbanov)**, к.ф.н. профессор (Узбекистан, Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбек); **ПЕНЧЕВА Антония Иванова**, д.ф.н., доцент (Болгария, УНСС); **ПЕТРУХИНА Наталья Михайловна**, д.ф.н., профессор (Узбекистан, Узбекский государственный ун-т мировых языков); **ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович**, д.ф.н., профессор, чл.-корр. РАН (Россия, ИМЛИ РАН); **РОВДО Иван Семенович (Ivan Rovdo)**, д.ф.н., профессор (Белоруссия, БГУ); **РЫЧКОВА Людмила Васильевна**, к.ф.н., профессор (Гродненский ГУ, Белоруссия); **СОКОЛОГОРСКАЯ Ирен (Irène Sokologorsky)**, д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Париж VIII); **СУВАЙДЖИЧ Бошко (Boško Suvajdzic)**, д.ф.н., профессор (Сербия, Белградский ун-т); **СУЛЕЙМЕНОВА Элеонара Дюсеновна**, д.ф.н., профессор (Казахстан, президент Казахстанской ассоциации рус. яз. и лит.); **ТЕРКУЛОВ Вячеслав Исаевич**, д.ф.н., профессор (Донецкий национальный университет); **УХЛИК Младен (Mladen Uhlík)**, PhD, доцент (Словения, ун-т Любляны); **ЦРВЕНКОВСКА Эмилия (Emilija Crvenkovska)**, д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия)

Редактор *Т.А. Пирусская*

© Издательство Московского университета, 2023
© «Вестник Московского университета», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Конурбаев М.Э., Ганеева Э.Р.</i> Лингвистика спонтанной устной речи: сопоставительно-когнитивная трансформация	9
<i>Крейдлини Г.Е., Козеренко А.Д.</i> Фразеология молчания: <i>держать язык за зубами</i>	21
<i>Антоньева Д.А., Дымарский М.Я.</i> Позиция <i>опять</i> и <i>твой</i> в линейной структуре предложения в «Пиковой даме»	37
<i>Дедова О.В., Мао Юйянь.</i> Анализ существительных в пределах лексико-семантического поля «персональные компьютерные устройства»	50
<i>Синицына Ю.В.</i> Конструкции с маркером <i>kad'jos</i> в татышлинском говоре удмуртского языка	62
<i>Германова Н.Н.</i> Дж. Хикс и формирование германистики в Великобритании конца XVII — начала XVIII веков	72
<i>Архипова И.В.</i> Немецкие девербативы: от таксисных функций к их актуализации	82
<i>Падерина Т.С.</i> Изучение языковой личности писателя-билингва (на примере текстообразующей деятельности В. Каминера)	94
<i>Преснова Н.В.</i> Латинские ренессансные переводы «Эдипа в Колоне» Софокла: <i>ad verbum</i> и <i>ad sensum</i>	103
<i>Рощина О.С., Фарафонова О.А.</i> Беллетризация сюжета автобиографии в русской мемуаристике XVIII века	113
<i>Ранчин А.М.</i> Автор, повествователь, герой в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: поэтика наррации	123
<i>Черепанов Д.Д.</i> Несостоявшееся странствие: осмысление романтизма в новелле «Морское путешествие» Й. фон Эйхендорфа	135
<i>Печерская Т.И.</i> «Бывают странные сближения»: «общие места» в мемуарах о Чернышевском и Писареве	145
<i>Полилова В.С., Белоусова А.С.</i> К проблеме внутри- и межъязыкового ритмического влияния: Пушкин (песни «Пира во время чумы») и Блок («В этой жизни слишком темной...»)	157

<i>Ли Ли, Чжан Лися.</i> Лингвокультурологическое поле женского сознания в романе Дины Рубиной «Синдром Петрушки»	172
<i>Черникова Н.А.</i> Пути репрезентации русской литературы в Болгарии XXI века	185
<i>Рыбакова Н.В.</i> Лонгитюдные исследования рабочей памяти у студентов-синхронистов	194

РЕЦЕНЗИИ

<i>Исаченко Т.А.</i> Кузьминова Е.А., Инь Сюй. Грамматический словарь Буковница 1592 г.: издание и исследование / Под науч. ред. Е.А. Кузьминовой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2022, 654, [2] с.	208
<i>Михайлова М.В.</i> Рец. на кн.: Литературное наследство. Т. 107. В двух книгах. Журнал «Русское богатство» Н.К. Михайловского. Из переписки членов редакции, авторов и современников. Книга первая: 1890–1899. Книга вторая: 1900–1903. М.: ИМЛИ РАН, 2022. 680 с., илл.; 658 с., илл.	211
<i>Суровцева Е.В.</i> Рец. на: Шешкен А.Г. Македонская литература XX — начала XXI века. Очерки истории. М.: Индрик, 2022. 478 с.	221

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Школьникова О.Ю., Бибикова А.М.</i> VII Международная конференция «Алисовские чтения» (МГУ, 20 февраля 2023)	227
---	-----

CONTENTS

ARTICLES

- Konurbaev M.E., Ganeeva E.R.* Linguistics of Spontaneous Speech: Comparative Cognitive Transformation 9
- Kozerenko A.D., Krejdlin G.E.* The phraseology of silence: *to hold one's tongue behind teeth* 21
- Antonyeva D.A., Dymarsky M.Ya.* Position of *Opyat'* and *Tvoj* in the Clause Linear Structure in *The Queen of Spades* 37
- Dedova O.V., Mao Yuyan.* Analysis of Nouns Within the Lexical-Semantic Field 'Personal Computing Devices' 50
- Sinitsyna J.V.* Constructions with Marker *Kad' jos* in Tatyshly Udmurt . . . 62
- Guermanova N.N.* G. Hickee and the Development of Germanic Studies in Great Britain at the End of the 17th and the Beginning of the 18th Centuries 72
- Arkhipova I.V.* German Deverbatives: From Taxis Functions to Their Actualization 82
- Paderina T.S.* Studying the Linguistic Personality of a Bilingual Writer (Based on W. Kaminer's Textual Activities) 94
- Presnova N.V.* Latin Renaissance Translations of Sophocles' *Oedipus at Colonus*: Ad verbum and ad sensum 103
- Roshchina O.S., Farafonova O.A.* Autobiographies Based on Models of Fiction Literature Plots in Russian Memoiristics of the 18th Century . 113
- Ranchin A.M.* Author, Narrator, Hero in M.Yu. Lermontov's Novel *A Hero of Our Time*: Narrative Poetics 123
- Cherepanov D.D.* An Abortive Voyage: J. von Eichendorff's *Eine Meerfahrt* as a History of the Romantic Movement 135
- Pecherskaya T.I.* "There Are Strange Approaches": 'Common Places' in the Memoirs about Chernyshevskii and Pisarev 145
- Polilova V.S., Belousova A.S.* To the Problem of Intra- and Interlinguistic Rhythmical Influence: Pushkin (the Songs from *Pir vo vremya chumy*) and Blok (*V etoj zhizni slishkom tjomnoj...*) 157

<i>Li Li, Zhang Lixia. Linguoculturological Field of Female Consciousness in Dina Rubina's Novel <i>Punch Syndrome</i></i>	172
<i>Chernikova N. The Ways of Presenting Russian Literature in the 21st-century Bulgaria</i>	185
<i>Rybakova N.V. Longitudinal Studies of Working Memory Capacity in Simultaneous Interpreting Students</i>	194

REVIEWS

<i>Isachenko T.A. Kuzminova E.A., Yin Xu. Grammatical Dictionary of Bukovnica 1592: Publication and Research / Ed. by E.A. Kuzminova. Moscow: Moscow University Press, 2022. 654 pp.</i>	208
<i>Mikhailova M.V. Review of the Book: Literary Heritage. Vol. 107. In two books. The magazine <i>Russian Wealth</i> by N.K. Mikhailovsky. From the correspondence of editorial board members, authors and contemporaries. 1890–1903. Book one: 1890–1899. Book two: 1900–1903. Moscow: IMLI RAN, 2022. 680 p., ill.; 658 p., ill.</i>	211
<i>Surovtseva E.V. Review of the Book: Sheshken A.G. Macedonian Literature of the 20th — Early 21st Centuries. Essays on History. Moscow: Indric, 2022. 478 p.</i>	221

ACADEMIC LIFE

<i>Shkolnikova O., Bibikova A. 7th International Conference <i>Alisova's Readings</i> (MSU, February 20, 2023)</i>	227
---	-----

СТАТЬИ

ЛИНГВИСТИКА СПОНТАННОЙ УСТНОЙ РЕЧИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНО-КОГНИТИВНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

М.Э. Конурбаев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; marklen@konurbaev.ru

Э.Р. Ганеева

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия; ellevira.ganeeva@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена анализу теоретических подходов к синхронному переводу спонтанной устной речи и формированию модели сопоставительно-когнитивной трансформации. Объектом исследования является спонтанная устная речь с ее характерными особенностями, которые могут стать преградой для успешной коммуникации. Предметом исследования является синхронный перевод спонтанной устной речи на разных уровнях понимания оригинала. Новизна исследования определяется применением компрессии как способа анализа в рамках предложенной авторами модели сопоставительно-когнитивной трансформации спонтанной устной речи, которая позволяет детально рассмотреть формирование основной идеи сообщения в потоке спонтанной устной речи и ее восприятие реципиентом. Переводчик может осуществлять синхронный перевод на разных уровнях понимания оригинала в рамках разрабатываемой концепции трех кругов понимания.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; устная речь; синхронный перевод; алгоритм; концепт; компрессия устной речи

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-1

Для цитирования: Конурбаев М.Э., Ганеева Э.Р. Лингвистика спонтанной устной речи: сопоставительно-когнитивная трансформация // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 4. С. 9–20.

LINGUISTICS OF SPONTANEOUS SPEECH: COMPARATIVE COGNITIVE TRANSFORMATION

Marklen Konurbaev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; marklen@konurbaev.ru

Elvira Ganeeva

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia; ellevira.ganeeva@gmail.com

Abstract: The article analyses theoretical approaches to simultaneous interpreting of spontaneous speech and proposes a model of comparative cognitive transformation. The object of the research is spontaneous speech with its characteristic features, which can become an obstacle to successful communication. The subject of the research is simultaneous interpretation of spontaneous speech at different levels of understanding the original. Compression as a technique of comparative cognitive transformation is applied for the first time to interpreting oral speech. It allows us to examine in detail how the sense of the source message is formed in the flow of spontaneous speech and perceived by the recipient within the model of comparative cognitive transformation developed by the authors. Interpretation can be performed at different levels of understanding the original through the concept of three circles of understanding proposed in the article.

Keywords: cognitive linguistics; oral speech; simultaneous interpreting; algorithm; concept; compression of oral speech

For citation: Konurbaev M.E., Ganeeva E.R. (2023) Linguistics of Spontaneous Speech: Comparative Cognitive Transformation. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 9–20.

Введение

Синхронный переводчик в своей профессиональной деятельности, как правило, имеет дело со спонтанной устной речью, которая отличается многообразием форм и зачастую плохо структурирована, что усложняет задачу восприятия и интерпретации основного содержания оригинала.

В ходе исследования мы представляем процесс трансформации смысла исходного сообщения в когнитивную структуру, существующую на уровне ментального языка, и ее дальнейшее преобразование в вербальное сообщение на языке перевода в рамках разрабатываемой модели сопоставительно-когнитивной трансформации (СКТ). Применение компрессии исходного сообщения в качестве конденсированного представления процессов восприятия и анализа неподготовленного речевого сообщения позволяет детально рас-

смотреть формирование и определение идеи сообщения в потоке речи.

Компрессия в устном переводе зачастую исследуется как ряд лингвистических операций над исходным сообщением, в результате которых текст «на выходе» становится короче оригинала. При этом остается неизученным вопрос о том, каким образом ситуационно обусловленная спонтанная речь воспринимается реципиентом-переводчиком, трансформируется в его сознании и преобразуется в спонтанную устную речь на языке перевода, которая имеет сжатый характер в целях экономии времени.

Характерные особенности устной речи

С психолингвистической точки зрения речь рассматривается как процесс, как определенный вид деятельности — система речевых действий, которая состоит из определенных этапов, включающих мотив или замысел и внутреннюю речь как механизм, превращающий «внутренние субъективные смыслы в систему внешних развернутых речевых значений» [Леонтьев 1997: 110–111].

Отличительным свойством спонтанной устной речи является ее неподготовленность со всеми вытекающими последствиями, такими как повторы, нарушения синтаксического строя и логики, паузы, оговорки и др. Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая, Н.И. Гейльман полагают, что при изучении спонтанной речи необходимо учитывать не только лингвистические факторы, но также экстралингвистические (внешняя обстановка, индивидуальные особенности голоса и манеры речи собеседников) и паралингвистические (жесты, мимика, неречевые звуки) [Бондарко и др. 1988: 6–7]. Среди лингвистических характеристик авторы выделяют фонетические (темп, ритмика, паузация, гезитации, оговорки и др.), которые зависят от сложности синтаксических конструкций и выбора лексики [там же]. В силу необратимости речевого потока спонтанная устная речь также характеризуется рядом синтаксических особенностей: самоперебивы как следствие коррекции, уточнения речевого замысла в процессе говорения, повторы и обыгрывание слов, слова-паразиты [Касаева 2014: 63–64].

Вышеперечисленные свойства спонтанной устной речи усложняют работу синхронного переводчика, вынуждая его тратить аналитические ресурсы на расшифровку временами запутанного исходного сообщения и постоянное корректирование сложившегося мысленного образа оригинала.

От концепта к когнитивной сущности

Одним из ключевых понятий когнитивной лингвистики является концепт. Исследователи выделяют три подхода к пониманию концепта: лингвистический (А.С. Аскольдов-Алексеев, Д.С. Лихачев, В.Н. Телия и др.), когнитивный (Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.) и культурологический (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин).

Д.С. Лихачев полагает, что концепт существует не для самого слова, а для каждого основного (словарного) значения слова отдельно, и подчеркивает его «заместительную» функцию, позволяющую преодолевать несущественные различия в понимании слов и их толковании [Лихачев 1999: 150].

В рамках когнитивного подхода Е.С. Кубрякова определяет концепт как «оперативную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 90–92]. Более подробное определение концепта предлагают З.Д. Попова и И.А. Стернин: «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин 2007: 24]. В данном определении подчеркивается упорядоченный характер внутренней структуры концепта, что говорит о его статической природе по сравнению с динамической сущностью.

Рассматривая концепт как единицу культуры, С.Г. Воркачев дает следующую дефиницию понятию концепта: оперативная единица мысли, ментальная сущность, в которой отражается «дух народа», это единица коллективного знания, которая имеет языковое выражение и отмечена этнокультурной спецификой [Воркачев 2004: 51–52].

Мнения ученых расходятся при определении соотношения концепта и понятия. Вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным полагаем, что концепт шире понятия, поскольку понятие «отражает наиболее общие, существенные признаки предмета или явления, результат их рационального отражения и осмысления» [Попова, Стернин 2007: 83].

При условии достаточной подготовленности переводчик может осуществлять компрессию на уровне имен, понятий, концептов

и доменов. Так, под именем, или словом-репрезентантом концепта, понимается языковая единица, выражающая концепт в наиболее полном объеме и общей форме [Попова, Стернин 2007: 125]. Наиболее общими когнитивными структурами являются домены, или когнитивные области (cognitive domains) в терминах Р. Лангакера [Langacker 2008: 31]. При этом вышеперечисленные понятия обладают статическим характером в противовес динамической структуре.

При рассмотрении концептов некоторые ученые подчеркивают необходимость разграничения терминов «концептосфера» и «семантическое пространство языка». Так, З.Д. Попова и И.А. Стернин определяют концептосферу как область мыслительных образов, единиц универсального предметного кода, представляющих собой структурированное знание людей, их информационную базу, а семантическое пространство языка — как часть концептосферы, получившую выражение (вербализацию, объективацию) в системе языковых знаков (слов, фразеосочетаний, синтаксических структур) и образуемую значениями языковых единиц [Попова, Стернин 2007: 43–45]. В данной трактовке термин «семантическое пространство языка» синонимичен термину «языковая картина мира». Таким образом, концептосфера включает в себя концепты, которые существуют в виде мыслительных картинок, схем, понятий, фреймов (многокомпонентных представлений стандартных знаний о предмете), сценариев (последовательности нескольких эпизодов во времени), гештальтов (целостных образов, совмещающих чувственные и рациональные элементы, а также объединяющих динамические и статические аспекты отображаемого объекта или явления) и других абстрактных сущностей, отражающих признаки внешнего мира [там же].

Существует определенная иерархия когнитивных структур в рамках концептосферы. Когнитивная структура, по определению В.В. Красных, представляет собой содержательную форму кодирования и хранения информации, то есть когнитивную единицу, в которой содержится «свернутое» знание и/или представление [Красных 2003: 64]. Полагаем, что человек обращается к концептуальной сфере, содержащей смыслы в наиболее сжатом виде, чтобы обеспечить возможность компрессии исходного сообщения в потоке спонтанной устной речи.

В рамках разрабатываемой модели сопоставительно-когнитивная трансформация (СКТ) осуществляется на основе ключевых слов, которые соотносятся с определенной когнитивной структурой — когнитивной сущностью, чтобы затем преобразовать данную мысль в спонтанную устную речь на языке перевода.

А. Вежбицкая говорит о ключевых словах как об особенно важных и показательных для отдельно взятой культуры. Ключевые слова должны быть общеупотребительными, часто использоваться в определенной семантической сфере, «находиться в центре целого фразеологического семейства» [Вежбицкая 2001: 35–38].

Поскольку мысль существует в развитии, полагаем, что основу спонтанной устной речи составляет не статичная единица, а динамически раскрывающийся в речи образ, или когнитивная сущность. С точки зрения феноменологии когнитивные сущности — это когнитивные обобщения, которые формируются членами настоящего коллектива как некий набор когнитивных гештальтов. При этом под когнитивным гештальтом мы понимаем «структурную, семантическую и экспрессивную иерархию речевых элементов, использованных в коммуникативном акте», которая следует законам грамматики, синтаксиса, логики и композиции [Konurbaev 2018: 25]. Когнитивные гештальты легко узнаваемы и потому служат основой для порождения речи, задавая алгоритмы изложения информации, которые будут уместны в данном языковом сообществе [Konurbaev 2018: 25–26]. Когнитивная сущность — понятие феноменологическое, поскольку представляет собой некий образ, существующий как метаявление, которое формируется в сознании за счет контекстуального сближения смыслообразующих элементов, или герменевтического сближения. В речи «один элемент определяется множеством других в рамках сложного процесса феноменологического пробуждения» [Konurbaev 2018: 141–142].

Как отмечает О.С. Ахманова, «наиболее естественным условием для объединения элементов частей речевого потока в одну более крупную единицу» является «близость их друг к другу (во времени или пространстве), общность (возникают те группировки, в которых объединяются однородные части) и непрерывность (внутренняя сопринадлежность частей)» [Ахманова 1957: 59]. Благодаря этому у реципиента есть возможность понять смысл сообщения, даже при наличии фонетических искажений или шумовых помех в спонтанной устной речи.

Налицо дилемма между статикой и динамикой, с которой сталкивается переводчик: как бы он ни старался уловить когнитивную сущность, ему удастся «схватить» (в терминах М. Хайдеггера) только статический срез в определенный момент ее развития, при этом образ продолжает развиваться и видоизменяться, а значит, «схваченная» статическая картина уже не соответствует самой когнитивной сущности.

Когнитивная сущность предмета проявляется в его раскрытии: с добавлением элементов образ становится все более объемным

и подвижным. Реципиенту спонтанной устной речи приходится постоянно сверяться с изменениями в образе этой морфирующей структуры по мере поступления новой информации и трансформации его понимания.

Если устный переводчик схватывает динамическую сущность за счет того, что он настолько хорошо владеет информацией и понимает раскрываемый докладчиком образ, что в состоянии увидеть движение в плотной череде состояний, то есть развитие процессуальной когнитивной сущности, то он может затем воссоздать данную схему движения в своем переводе. Напротив, без превосходного владения материалом переводчик может подменить исходный образ своей схемой развития образа.

Компрессия как способ анализа СКТ в процессе синхронного перевода предполагает, что реципиент должен моментально сориентироваться и отнести элемент спонтанной устной речи к одной из групп в зависимости от степени владения материалом: к именам, понятиям, концептам или доменам.

Таким образом, в нашем понимании концепт представляет собой результат коллективной работы множества алгоритмов (последовательности действий или шагов для достижения определенной цели). Устный переводчик в процессе СКТ должен уловить когнитивную сущность в спонтанной устной речи, а также возможные алгоритмы ее выражения. Достижение данной цели возможно при условии понимания исходной спонтанной устной речи на достаточно высоком когнитивном уровне.

Концепция трех кругов понимания

Устный перевод спонтанной устной речи осуществляется на разных уровнях понимания оригинала в рамках разрабатываемой нами концепции трех кругов понимания. На первом круге понимания перевод языковых единиц осуществляется путем подбора соответствий в языке перевода. На втором уровне понимания переводчик идентифицирует статические сущности, то есть определенные константы, концепты, понятия и другие когнитивные структуры, зафиксированные в концептосфере языка оригинала. На третьем круге понимания переводчик учитывает процессуальный характер ментального образа, который формируется в устной речи говорящего в данный момент времени, ориентируется на логику раскрытия мысли и анализирует, насколько данный алгоритм изложения смысла будет понятен в рамках существующей коммуникативной ситуации определенным реципиентам перевода.

Если соотнести концепцию трех кругов понимания с результатами перевода, согласно терминологии В.Н. Комиссарова, то перевод

спонтанной устной речи на уровне языковых сущностей может сводиться к буквальному переводу, под которым ученый понимал перевод, воспроизводящий «коммуникативно нерелевантные (формальные) элементы» исходного текста, что приводит к нарушению узуса языка перевода или искажению смысла оригинала [Комиссаров 1990: 234]. Перевод на уровне статических сущностей можно соотнести с эквивалентным переводом, то есть это перевод, «воспроизводящий содержание иноязычного оригинала на одном из уровней эквивалентности» [Комиссаров 1990: 234]. Тогда как перевод на высшем уровне понимания представляет собой полноценную коммуникацию, обеспечивая тем самым адекватный перевод спонтанной устной речи с учетом прагматики сообщения, а именно перевод, который решает «прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности, не допуская нарушения норм или узуса» языка перевода с учетом жанрово-стилистических требований и конвенциональных норм перевода [Комиссаров 1990: 233].

Умение «схватить» динамическую сущность переводимого объекта характеризует работу опытных и талантливых переводчиков, которые настолько владеют тематикой, алгоритмами обоих языков и знаниями о культуре двух стран, что могут предугадать когнитивную сущность, лежащую в основе спонтанной устной речи, и возможные алгоритмы ее развития. Таким образом, адекватный перевод на высшем уровне понимания динамической сущности в речи говорящего предполагает знание не только лингвистических, но и прагматических аспектов коммуникации, которые предопределяются в том числе языковой картиной мира носителей языка оригинала.

В английском языке концепт «оптимизм» связан с такими выражениями, как *Is the glass half empty or half full?* («Стакан наполовину пуст или наполовину полон?»), *When life gives you lemons, make lemonade* («Когда жизнь подкидывает лимоны, сделай лимонад»), которых нет в русской культуре.

Исследователи концепта «позитивное мировоззрение» в русском языке отмечают, что «для русских характерен оптимизм в прогнозе будущего, связанный с верой в то, что негативные события обойдут стороной» (ср. русскую поговорку: *Что ни делается — все к лучшему*), а настоящее видится как пессимистичное. Таким образом, при переводе фрагмента устной спонтанной речи, посвященной оптимизму, с английского на русский язык у переводчика есть как минимум три пути решения данной проблемы на основе концепции трех кругов понимания.

На первом круге понимания осуществляется перевод языковых единиц путем подбора соответствий в языке перевода:

the glass was half full — стакан наполовину полон;
turn life's lemons into lemonade — сделать из лимонов, которые подбрасывает жизнь, лимонад.

На втором круге понимания — на уровне статических сущностей — в переводе используются концепты, зафиксированные в культурах двух языков; в случае различия между концептами переводчик заменяет концепт оригинала на схожий концепт культуры языка перевода. Так, в силу различий между концептами оптимизма и пессимизма в английском и русском языках, вероятно, следовало бы подобрать в переводе концепты и средства их выражения, связанные с позитивным взглядом на мир в русскоязычной среде:

the glass was half full — что ни делается — все к лучшему;
turn life's lemons into lemonade — всё перемелется.

При этом стоит отметить, что в условиях синхронного перевода не всегда представляется возможным подобрать эквивалент в языке перевода.

На третьем круге понимания — на уровне когнитивных сущностей — перевод осуществляется на основе динамически развивающегося образа, который формируется в процессе спонтанной устной речи, с учетом прагматической ориентированности исходного сообщения и других коммуникативных факторов, которые способствуют достижению адекватности перевода. Если в аудитории преобладают люди более молодого и среднего возраста, которые достаточно хорошо знакомы с американской культурой, то для них можно предложить следующий вариант перевода:

Оригинал: *I was raised in an environment that promoted optimism and convinced me that I was one. Whenever prompted, I said the glass was half full and that yes, I would turn life's lemons into lemonade.*

Возможный вариант синхронного перевода: *Я выросла в обстановке оптимизма и была убеждена, что и я оптимистка. И если меня спросить, я скажу, что стакан наполовину полон и что надо искать выход из любой ситуации.*

Полагаем, что в первом случае (*the glass was half full*) допустимо заимствовать средства выражения концепта позитивного мировоззрения из языка оригинала, поскольку в русском языке уже встречается калька с английской поговорки (*стакан наполовину полон*), и люди среднего возраста, не говоря уже о более молодом поколении, скорее всего слышали эту фразу в кино и сериалах. В случае с вариантом известной поговорки (*turn life's lemons into lemonade*) у пере-

водчика есть два пути. Можно сохранить тот же образ — «превратить лимоны в лимонад», а можно передать смысл с помощью более крупного концепта — «искать выход из негативной ситуации». Когда не удастся найти соответствие между концептами одного уровня в двух языках, переводчик может использовать более крупную когнитивную структуру для передачи общего смысла исходной речи. При наличии достаточного контекста переводчик может выйти на самый высокий уровень понимания — уровень когнитивной сущности, которая раскрывается постепенно в процессе спонтанной устной речи с опорой на ключевые слова.

Заключение

Устный перевод представляет собой когнитивный процесс особого типа, который заключается не в подборе эквивалентов для каждого языкового элемента, а в воссоздании на другом языке целостного образа, или когнитивной сущности. В центре данного когнитивного процесса лежит преобразование мысли, то есть трансформация метасущностей в схожие метасущности, на основании которых строится спонтанная устная речь на другом языке. Поскольку задача преобразования спонтанной устной речи в спонтанную речь на языке перевода представляет немало сложностей, возникает вопрос о существовании определенного внутреннего механизма структурирования спонтанной речи.

Адекватный перевод спонтанной устной речи возможен в процессе сопоставительно-когнитивной трансформации, которая предполагает три этапа: 1) преобразование потока спонтанной устной речи в когнитивную структуру на основе ключевых смыслообразующих слов за счет герменевтического сближения; 2) прогнозирование возможных вариантов развития когнитивной структуры согласно существующим алгоритмам изложения мысли в речи; 3) перекодирование когнитивной структуры оригинала с некоего ментального языка, языка мышления, на вербальный язык перевода с применением компрессии как инструмента экономии времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
2. Бондарко Л.В. и др. Фонетика спонтанной речи / Под ред. Светозаровой Н.Д. Л., 1988.
3. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
4. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный компонент. М., 2004.
5. Касаева З.В. Об основных чертах устной спонтанной речи (общие замечания) // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2014. № 2. С. 60–68.
6. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М., 1990.
7. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.

8. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996.
9. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1997.
10. Лихачев Д.С. Очерки по философии художественного творчества. СПб., 1999.
11. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: монография. М., 2007.
12. Konurbaev M. *Ontology and Phenomenology of Speech: An Existential Theory of Speech*. Palgrave Macmillan, 2018.
13. Langacker R.W. *Cognitive Grammar: A Basic Introduction*. Oxford University Press, 2008.

REFERENCES

1. Akhmanova O.S. *Ocherki po obshchei i russkoi leksikologii* [Essays on general and Russian lexicology]. Moscow, *Uchpedgiz Publ.*, 1957. 295 p. (In Russ.)
2. Bondarko L.V. et al. *Fonetika spontannoi rechi* [Phonetics of spontaneous speech]. Edited by Svetozarova N.D. Leningrad, *Izd-vo Leningr. un-ta Publ.*, 1988. 248 p. (In Russ.)
3. Vezhbitskaya A. *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding cultures through key words]. Moscow, *Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ.*, 2001. 288 p. (In Russ.)
4. Vorkachev S.G. *Schast'e kak lingvokul'turnyi component* [Happiness as a linguacultural component]. Moscow, *ITDGT Gnozis Publ.*, 2004. 192 p. (In Russ.)
5. Kasaeva Z.V. *Ob osnovnykh chertakh ustnoi spontannoi rechi (obshchie zamechaniya)* [On key aspects of spontaneous speech]. *Vestnik MGOU. Seriya «Russkaya filologiya»*. 2014, no. 2, pp. 60–68. (In Russ.)
6. Komissarov V.N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Theory of translation (linguistic aspects)]. Moscow, *Vyshsh. shk. Publ.*, 1990. 253 p. (In Russ.)
7. Krasnykh V.V. «Svoi» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? [“Foreign native”: a myth or reality?] Moscow, *ITDGT Gnozis Publ.*, 2003. 375 p. (In Russ.)
8. *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* [Concise dictionary of cognitive terms]. Edited by E.S. Kubryakova. Moscow, *Filol. fak. MGU Publ.*, 1996. 245 p. (In Russ.)
9. Leont'ev A.A. *Osnovy psikholingvistiki* [Basics of psycholinguistics]. Moscow, *NPF Smysl Publ.*, 1997. 287 p. (In Russ.)
10. Likhachev D.S. *Ocherki po filosofii khudozhestvennogo tvorchestva* [Articles on philosophy of literary art]. Saint Petersburg, *BLITS Publ.*, 1999. 191 p. (In Russ.)
11. Popova Z.D., Sternin I.A. *Kognitivnaya lingvistika: monografiya* [Cognitive linguistics: monograph]. Moscow, *AST Vostok-Zapad Publ.*, 2007. 314 p. (In Russ.)
12. Konurbaev M. *Ontology and Phenomenology of Speech: An Existential Theory of Speech*. Palgrave Macmillan, 2018.
13. Langacker R.W. *Cognitive Grammar: A Basic Introduction*. Oxford University Press, 2008.

Поступила в редакцию 10.03.2023

Принята к публикации 16.04.2023

Отредактирована 10.05.2023

Received 10.03.2023

Accepted 16.04.2023

Revised 10.05.2023

ОБ АВТОРАХ

Конурбаев Марклен Эрикович — доктор филологических наук, профессор кафедры английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, научный руководитель Департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия; marklen@konurbaev.ru

Ганеева Эльвира Рустемовна — кандидат филологических наук, доцент Департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия; ellevira.ganeeva@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Marklen Konurbaev — Prof. Dr., Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Research Supervisor for the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; marklen@konurbaev.ru

Elvira Ganeeva — PhD, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; ellevira.ganeeva@gmail.com

ФРАЗЕОЛОГИЯ МОЛЧАНИЯ: ДЕРЖАТЬ ЯЗЫК ЗА ЗУБАМИ

А.Д. Козеренко

*Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия;
akozerenko@mail.ru*

Г.Е. Крейдлин

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
gekr@iitp.ru*

Аннотация: Коммуникация между людьми — это не только говорение, но и молчание, поэтому концепт молчания и отражающие его языковые единицы заслуживают самого пристального изучения. Настоящая статья является одной из немногих работ, посвященных фразеологии молчания. Среди единиц, относящихся к этой области исследования, выделяются фразеологические соматизмы. Это обороты, в состав которых входят имена телесных объектов или их признаков. Основное содержание данной статьи составляет семантический анализ одного из русских фразеологических соматизмов молчания — *держат язык за зубами*. В отличие от того, как эта единица описывается в существующих объяснительных фразеологических словарях, мы выделяем не одно, а три значения в ее семантической структуре. Отмечается, что эти значения распределены по разным семантическим полям. Два из них обслуживают поля ТАЙНЫ и СПЛЕТНИ, а третье — семантическое поле диалогического общения, описывая поведение одного из участников диалога в актуальной коммуникативной ситуации. При формулировке толкований особое внимание уделяется внутренней форме фразеологизма. Вводятся теоретически важные понятия метафорической и неметафорической внутренней формы. Показано, что у рассматриваемого фразеологического соматизма молчания внутренняя форма всех трех значений является метафорической.

Ключевые слова: фразеологизм; фразема; молчание; толкование; внутренняя форма; метафора

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-2

Для цитирования: Крейдлин Г.Е., Козеренко А.Д. Фразеология молчания: *держат язык за зубами* // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 4. С. 21–36.

THE PHRASEOLOGY OF SILENCE: *TO HOLD ONE'S TONGUE BEHIND TEETH*

G.E. Krejdlin

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; gekr@iitp.ru

A.D. Kozerenko

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; akozerenko@mail.ru

Abstract: The process of communication between people consists of speaking and non-speaking. Thus the concept of non-speaking, or silence, as well as the semantics of language units representing the concept, should be examined as thoroughly as the ones of speaking. Nonetheless, the words and idioms of silence are still not in the center of linguistic investigations. Among the phraseological units of silence one can distinguish phraseological somatisms. These are the combinations that include the names of somatic objects or the names of their features. The object of the article is the semantics of the Russian phraseological unit of silence — *derzhat' jazyk za zubami* (Eng. lit. *to hold one's tongue behind teeth*). Contrary to the existing explanatory phraseological descriptions, we postulate not one but three meanings of the unit. These meanings are distributed among three semantic fields. The two of them are **SECRECY** and **GOSSIP** and the third one describes the behavior of the participant in an actual communicative situation. In the explication of phraseological units, the specific attention is paid to the inner form of the phraseological unit described. The concepts of metaphoric and nonmetaphoric inner forms of the phraseme are formulated and discussed. It is affirmed that the inner form of *derzhat' jazyk za zubami* in all three meanings is a metaphoric one.

Keywords: phraseologism; phraseme; silence; explication; inner form; metaphor

For citation: Kozerenko A.D., Krejdlin G.E. (2023) The Phraseology of Silence: *To Hold One's Tongue Behind Teeth*. *Lomonosov Philology Journal*. Series 9. *Philology*, no. 4, pp. 21–36.

Введение. Общая характеристика фразеологических соматизмов молчания

В русском языке и в языке русских жестов есть много лексических единиц, обозначающих молчание. Из вербальных единиц назовем глагол *молчать* и производные от него, а также глаголы *сдерживаться*, *заткнуть(ся)* и др., существительные *немота*, *безмолвие*, *тишина* и под., прилагательные *безмолвный*, *скрытный*, *безъязыкий* и т. п. Из невербальных единиц укажем такие конвенциональные русские

жесты, как **приложить палец к губам**¹, **сжать губы**, **закрыть рот рукой**, **прикрыть рот рукой** и др.

На базе некоторых русских жестов и значимых действий, связанных с молчанием, образуются особые фразеологические единицы — так называемые **жестовые** и **акциональные фразеологизмы молчания**, которым мы посвятили ряд работ, см., например, [Козеренко, Крейдлин 1999, 2011]. Кроме того, некоторые фразеологические соматизмы были проанализированы в коллективной монографии [Крейдлин и др. 2020]. Об акциональных фразеологизмах молчания, в основе которых лежат культурно или социально значимые действия, см. [Козеренко, Крейдлин 2022].

Настоящая работа посвящена концепту «молчание» и его отражению в одном фразеологическом соматизме русского языка. Под **фразеологическими соматизмами** мы имеем в виду фразеологические обороты с именами телесных объектов, именами признаков объектов или значений этих признаков. К фразеологическим соматизмам молчания относятся, например, такие единицы, как *заткнуть глотку* (соматический объект — глотка), *язык прилип к нёбу* (значение признака «местоположение языка»). Фразеологические соматизмы молчания в своей основе имеют жестовую или акциональную природу.

Фразеологические соматизмы молчания обслуживают разные семантические поля. Это, например, поля ТАЙНЫ, ПАТОЛОГИИ РЕЧИ (актуальной патологии как состояния или постоянной патологии как свойства человека) и ПАТОЛОГИИ КОММУНИКАЦИИ.

Семантическое поле ТАЙНЫ связано с нежеланием субъекта выдать некоторую известную ему информацию или высказать мнение по некоторому вопросу. Вследствие этого он хранит молчание — несмотря на то, что какие-то люди хотят или даже требуют, чтобы он выдал тайну. С тайной связан и разбираемый в данной работе фразеологизм *держат язык за зубами*. Кроме того, с концептом тайны связан и ряд других фразеологизмов, таких как *держат рот на замке*, *прикусить язык*, а также упомянутые выше жесты **приложить палец к губам** и **сжать губы**.

К семантическому полю ПАТОЛОГИИ РЕЧИ относятся фразеологические соматизмы *язык отнялся*, *язык отсох*, *язык присох к нёбу*, *проглотить язык*.

К семантическому полю ПАТОЛОГИИ КОММУНИКАЦИИ принадлежат такие фразеологические соматизмы молчания, как *не сметь рта раскрыть*, и *рта не раскрыть*, *воды в рот набрать*.

¹ Как это принято в работах по невербальной семиотике, в названиях жестов используется жирный шрифт.

Патология коммуникации относится к прагматике и состоит в нарушении условий успешности коммуникативного акта, например, когда отсутствует нужная реплика в диалоге или имеет место несогласованность ответной реплики адресата с инициальной репликой адресанта.

Молчание как 'неговорение' противопоставлено речи как 'говорению'. Существуют коммуникативные ситуации, когда нарушением нормы этикетного поведения является молчание, и существуют коммуникативные ситуации, когда нарушением нормы такого поведения является речь. Типология ситуаций, в которых молчание является этикетным, а также конкретные примеры этикетных ситуаций, была представлена в [Козеренко, Крейдлин 2021].

Молчание, описываемое во фразеологических соматизмах, может быть **неконтролируемым** и **контролируемым**.

Неконтролируемое молчание связано с физической или психической невозможностью человека говорить. Оно по большей части является патологическим. Например, фразеологизмы *перехватить горло*, *ком застрял в горле* обозначают актуальное отсутствие речи из-за невозможности говорить.

Контролируемое молчание связано с решением человека не говорить чего-то по какой-то причине. В частности, такой причиной может быть желание человека не выдавать тайну, которой он владеет.

Судя по собранным нами фразеологическим соматизмам молчания², контролируемое молчание связано, главным образом, с таким соматическим объектом, как язык, и с целым рядом его признаков и признаков его языковых обозначений (см. о слове *язык* и о разных его значениях в статье [Демьянков 2000]).

Ниже мы приведем результаты анализа фразеологического соматизма *держат язык за зубами*. Мы покажем, что эта единица имеет несколько значений и что структура ее полисемии представляет достаточный интерес, поскольку каждое из значений связано с одним из указанных выше семантических полей.

Каждая из описываемых фразем³ имеет свой круг синонимов и других семантически связанных с ней единиц. Тему синонимических связей фразеологизма и других языковых единиц мы оставляем в стороне.

Анализируемая нами единица представлена едва ли не во всех толковых и переводных фразеологических словарях. Кроме того, ее

² Список фразеологизмов молчания был собран нами на основе [Тезауруса 2018] и дополнен примерами из текстов русской литературы.

³ Термин «фразаема» используется нами аналогично тому, как обычно используется термин «лексема». Фразаема — это фразеологическая единица, взятая в одном из ее значений.

функционирование в разных языках подробно описывается в статье [Мокиенко, Никитина 2017]. Однако ее семантические описания в этих источниках представляются нам недостаточными.

Во-первых, все упомянутые словари выделяют у этого фразеологизма только одно значение, хотя и контексты употребления, и наша интуиция показывают, что у него есть три отдельных значения и три типа употребления. Во-вторых, в толкованиях отсутствует явно выраженный компонент оценки, который, на наш взгляд, несомненно присутствует во всех значениях фразеологизма. В-третьих, толкования в этих словарях не структурированы, например, не выделены как отдельные составляющие ассерция и пресуппозиция. Наконец, метаязык, который используется лексикографами в текстах толкований, сложный и неоднозначный, зачастую он сложнее самого толкуемого выражения (ср. использование таких смысловых компонентов, как *помалкивать*, *неосторожные слова* в [Телия 2006], или *не говорить лишнего* в [Фёдоров 2008]).

Анализ фразеологизма *держат язык за зубами*

1. Предварительные замечания

В единице *держат язык за зубами* присутствуют два соматических объекта с разными функциями — язык и зубы.

Язык — это орган говорения, он относительно свободен (корень языка прикреплен к нижней челюсти и подъязычной кости), подвижен, и говорение возможно именно благодаря свободному движению языка. Функция зубов, которая актуализована в рассматриваемом фразеологизме, — служить преградой, мешающей нормальному движению языка; ясно, что говорение крайне затруднительно при сомкнутых зубах. В других фразеологических соматизмах молчания тоже выражена ограниченность движения языка, вызванная разными причинами, ср. единицы *язык отсох*, *язык прилип к гортани*, *проглотить язык*.

Если во фразеологизмах *язык отсох* и *язык прилип к гортани* отчетливо выражена дисфункция языка, не зависящая от воли субъекта, то фразеологизм *держат язык за зубами* передает действие или состояние, контролируемое субъектом. Человек держит язык за зубами, потому что по разным причинам не хочет говорить. У фразеологизмов, описывающих физиологическую дисфункцию языка, природа причин иная.

Прежде чем перейти к толкованию и обсудить семантические особенности фразеологизма *держат язык за зубами*, обсудим два концепта, связанные с передаваемой им идеей молчания. Речь пойдет о тайне и сплетне.

2. Тайна

Молчание, связанное с неразглашением тайны, — это молчание, нарушение которого приводит к отрицательным последствиям не только для одного хранителя тайны, но и для целой группы лиц. Именно наличие этой группы лиц делает тайну **общей**, или **разделенной**.

Ситуация разделенной тайны предполагает наличие ряда участников, связанных определенными отношениями. Один из участников ситуации — хранитель тайны — знает, что существуют другие люди, которые тоже знают эту тайну. Тем самым, у хранителя тайны и этих людей, тоже участников рассматриваемой ситуации, есть общая тайна, то есть информация, принципиально не подлежащая разглашению. Эти люди не хотят, чтобы хранитель тайны ее разгласил, потому что, если он ее разгласит, от этого будет плохо как ему самому, так и другим людям. При этом есть третья группа людей (третий участник ситуации), которая хочет узнать эту тайну у ее хранителя.

Описываемая ситуация соответствует первому значению фразеологизма, то есть фраземе *держат язык за зубами* 1.

Х держит язык за зубами 1

Пресуппозиция:

человек X знает некоторую информацию P и считает ее важной;
человек X знает, что есть люди Y, которые знают, что X владеет P и которые хотят узнать P у X;

есть другие люди Z, которые тоже знают информацию P и тоже считают ее важной;

люди Z также знают, что X обладает информацией P, и не хотят, чтобы X сообщил P людям Y, потому что если X скажет P людям Y, то людям Z и, возможно, X-у будет от этого плохо;

Ассерция: человек X не говорит P людям Y, что оценивается говорящим позитивно и описывается так, как будто X удерживает некое живое существо за преградой, мешая ему действовать как обычно.

Комментарии

1. Отметим роль людей Y в ситуации тайны: Y хотят, чтобы X разгласил информацию, не подлежащую разглашению.

2. Во внутренней форме фразеологизма используется метафорическое описание действия субъекта X — хранителя информации. Действие *держат язык за зубами* уподобляется действию человека, который пытается удержать некое активное живое существо, находящееся за преградой и рвущееся выполнять одну из своих основных функций — говорить. Зубы же здесь препятствуют выполнению этой функции. Ср. фразеологизмы *держат рот на замке*,

держат на привязи (кого-л.), *держат руки по швам* — все эти единицы объединяет идея ограничения свободы действий.

3. Хранение тайны оценивается положительно, поскольку ее разглашение причинило бы ущерб другим людям и, возможно, самому хранителю тайны.

Типичным примером ситуации, когда человек держит язык за зубами, является следующая ситуация. Командир партизанского отряда посылает разведчика в город и говорит ему: *попадешься — не выдавай нас, держи язык за зубами!* Предполагается, что враг, к которому может попасть в руки хранитель тайны, будет совершать насилие над ним с целью узнать информацию об отряде. Этой информацией владеет и разведчик, и некоторые другие люди в партизанском отряде, в частности командир. Если разведчик выдаст тайну врагу, то не только ему, но и всем людям в отряде может быть от этого плохо.

Приведем пример текста с фразеологизмом в рассматриваемом значении⁴:

(1) Перед тем как войти в особняк, полковник сказал мне: — Запомни, ты в моей тройке. Я поручился за тебя. Еще раз напоминаю: *держи язык за зубами*. Проболтаешься — «группа товарищей» (так чаще всего подписываются некрологи в «Красной звезде»). [В. Баранец. Генштаб без тайн]

Человек, обозначенный в толковании как X, в приводимом тексте является повествователем и одновременно адресатом, к которому обращены слова полковника. Повествователь знает некоторую информацию, которую не должен выболтать. Если он ее выболтает, то его ждет смерть, на что намекает слово *некролог* в тексте. Повествователь входит в группу лиц, обозначенных в толковании как Z, наряду с полковником и его тройкой. Они тоже знают эту информацию и крайне заинтересованы в том, чтобы X не сообщал ее другим людям (в тексте толкования обозначенным как Y).

Та же фраза представлена и в примере (2):

(2) Хуже всего был строжайший приказ *держат язык за зубами*, даже и Дубельту не открываться. [Ю. Давыдов. Синие тюльпаны]

3. Сплетня

Фразеологизм *держат язык за зубами* используется также в ситуации сплетни, а точнее, возможного ее возникновения. Ситуация сплетни⁵ характеризуется следующими участниками: некий человек

⁴ Здесь и далее примеры на употребление фразеологизмов в текстах взяты из НКРЯ или (редко) из сети Интернет.

⁵ О нефразеологических реализациях понятия сплетни, а также слуха и молвы, см. в работе [Крейдли, Самохин 2003].

владеет информацией, которую считает важной, и не хочет, чтобы ее знали еще какие-то люди, потому что те могут воспользоваться ею в нехороших целях. Эти люди могут распространить эту информацию в обществе, так что ее узнают люди, которым она не предназначена. В случае, если информация распространится в обществе дальше, людям, которых затрагивает данная информация, будет плохо.

Ситуация возможной сплетни описывается в примере (3):

(3) Всю жизнь я знал, что у соседа есть любовница, но *держал язык за зубами*.

Ситуация сплетни соответствует второму значению фразеологизма, то есть фраземе *держать язык за зубами* 2.

Х держит язык за зубами 2

Пресуппозиция:

человек X знает некоторую информацию P про некоторых людей Z;

X понимает, что если он сообщит P каким-то людям Y, то люди Y могут распространить P дальше, отчего людям Z и, возможно, X-у, будет плохо;

Ассерция: X не говорит P никому, что оценивается говорящим позитивно и описывается так, как будто X удерживает некое живое существо за преградой, мешая ему действовать как обычно.

Комментарии

1. Мы используем в пресуппозиции семантический элемент 'распространить' как общий для всех глаголов сплетни. 'X распространяет сплетню' означает что 'X передает ее лицу Y, Y лицу Z и т. д.'. В этой цепочке X — первое лицо, передающее сплетню далее, а адресаты сплетни становятся ее распространителями. При этом и распространяемая информация, и люди, которые ее распространяют, оцениваются говорящим отрицательно.

2. Действия лица X, которое не хочет распространять сплетню, оцениваются говорящим положительно, потому что распространение сплетни, как и распространение тайны, может нанести вред каким-то людям.

Вот еще пример на употребление этой фраземы:

(4) Все же знают, как было дело! Все! Милиция, соседи, врачи, мои сослуживцы! Думаешь, Ирке хватило ума *язык за зубами держать*? [Н. Нестерова. Отелло в юбке]

В контексте, предшествующем примеру (4), описывается ситуация неудавшегося убийства женой мужа. Муж крайне недоволен тем, что его жена Ирка разболтала подробности происшествия, и теперь все о нем знают. Это недовольство выражено в форме риторического вопроса, означающего, что Ирка не молчала.

Описываемые значения представляют собой редкий случай полисемии языковых единиц, значения которых различаются предсуппозициями при почти полном совпадении ассерций. Эти предсуппозиции эксплицируют, казалось бы, неочевидную связь двух упомянутых концептов — тайны и сплетни, и связующим звеном для них является идея молчания. Однако тайна — это информация, не подлежащая разглашению, а сплетня — информация, подвергаемая разглашению. При этом человек в обеих ситуациях понимает, что разглашение информации приведет к чему-то плохому для каких-то людей.

Хотя две описанные фраземы объединяет отношение человека к хранимой информации, приводимые толкования показывают, что хранение тайны оказывается более трудным и более важным для человека, чем нераспространение сплетни. Действительно, в ситуации тайны обязательно есть люди, которые оказывают давление на ее хранителя с тем, чтобы он ее выдал (об этом говорит вторая предсуппозиция в тексте толкования фраземы *держат язык за зубами* 1). В случае сплетни помимо хранителя информации вообще может не быть никаких людей, которые бы ее знали, или, в случае если такие люди есть, никакого давления с их стороны на хранителя информации может не оказываться. В этом и состоит отличие концепта тайны от концепта сплетни.

4. Фразеологизм *держат язык за зубами* и его модификации в составе разного рода речевых актов

Входами в толкования двух значений фразеологизма *держат язык за зубами* является сентенциальная форма в индикативе, а именно *Х держит язык за зубами*. Однако, по нашим наблюдениям и по данным НКРЯ, единица *держат язык за зубами* в обоих значениях чаще встречается в составе императивных речевых актов, таких как совет, требование или просьба⁶. Обычно вершина поверхностно-синтаксической структуры таких речевых актов — это глагол в форме императива, см. (1). Между тем многие случаи употребления фразеологизма представляют собой семантически эквивалентную императиву косвенную форму императивного речевого акта, см. (5) и (6):

(5) Запомни одно, только одно: с этой минуты ты *держишь язык за зубами*, молчишь как рыба. [О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней]

⁶ Среди 335 примеров на употребление этой идиомы, найденных нами в НКРЯ (дата обращения — 01.06.2022), в 84 примерах идиома выступает в форме императива или инфинитива повеления, совета или требования.

(6) Антон перехватил обиженный взгляд Сашка и сказал: — Они ребята надежные, не трепачи. — Ну ладно! Только глядите, ребятаки, — *язык держать за зубами*. А то им будет худо, а все мое дело — пропащее... [Н. Дубов. Небо с овчинку]

И нарративные, и императивные речевые акты с фразеологизмом *держат язык за зубами* также часто встречаются в предложениях с разного вида модальностями — главным образом, синтаксически подчиняясь таким глаголам, как *уметь*, *мочь*, *быть должным* или существительным *умение*, *возможность*, *необходимость* и др.⁷, ср. пример с глаголом *должен*:

(7) Отныне простолоудин *должен держать язык за зубами*, если не хочет вывешивать его на виселице! [А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Трудно быть богом]

Заметим, что рассматриваемый фразеологизм в императивном употреблении не может входить в сферу действия отрицательной частицы *не*: нельзя сказать **не держи язык за зубами!*, хотя можно *не молчи!*⁸ В индикативном же контексте фразеологизм вполне может стоять после *не*, ср.:

(8) — Раньше ты сам *не держал язык за зубами*. [Г. Садулаев. Шалинский рейд]

Впрочем, часто в сферу действия отрицания в индикативных актах рассматриваемый фразеологизм попадает вместе с сопровождающими его предикатами *уметь*, *мочь*, *хотеть* и под., ср.:

(9) Сократ погиб не оттого, что столкнулись два порядка идей, а потому что *не умел* или *не хотел держать язык за зубами*. [Л.И. Шестов. Афины и Иерусалим]

Последний пример представляет собой случай сочинительного сокращения, причем в сферу действия первого вхождения отрицания попадает модальность 'умение', а в сферу действия второго — модальность 'желание'.

Наконец, отметим, что сам фразеологизм допускает ряд модификаций. Так, возможно расширение его компонентного состава с добавлением слов — атрибутивных характеристик языка, т. е. сочетания типа *держи свой грязный/длинный/вонючий язык за зубами*. Глагол *держат* в составе фразеологизма может также подвергаться морфологической модификации: ср. *придержат/попридержат язык за зубами*, ср.:

⁷ 106 из 335 примеров приходятся на разнообразные модальные формы, из них 68 примеров содержат глагол *уметь* или существительное *умение*.

⁸ По-видимому, использование частицы *не* перед любым глагольным сочетанием, семантика которого содержит положительную оценку действия, в изолированном употреблении затруднительно.

(10) Воистину, шептались по углам патриоты Кароссы, Иезибальду стоило бы *придерживать свой язык за зубами*, дабы не пускать вразнос свой народ. [С. Осипов. Страсти по Фоме]

Проблемы, связанные с модификациями фразеологизмов, весьма разнообразны и интересны, однако ограничения объема работы не позволяют нам здесь обсудить их подробно. О различных модификациях фразеологизмов см. [Добровольский 2007; Баранов, Добровольский 2012].

5. Коммуникативная аномалия

У фразеологизма *держат язык за зубами* есть еще одно значение, не связанное ни с тайной, ни со сплетней. Речь идет о фраземе *держат язык за зубами* 3, которая встречается в текстах достаточно редко⁹. Эта фразема обозначает молчание, причинами которого являются либо нежелание человека нарушить принципы дружеского общения, либо следование ограничениям, накладываемым социумом на коммуникативное поведение участников общения.

Приведем примеры, в которых выступает данная фразема:

(11) Раньше ты *держала язык за зубами*, чтобы не нагрубить, теперь терзаешься, что не сказала ни одного доброго слова. [Н. Нестерова. Конфликт хорошего с лучшим]

(12) От вокзала до дома мы ехали молча, отношений не выясняли, хотя меня подмывало. *Держала язык за зубами*, потому что Олег выглядел жутко. [Е. Колина. Дневник измены]

В примере (11) сказанные грубые слова могут нарушить правила коммуникативного поведения, а потому человек молчит, чтобы не нагрубить. Выяснение отношений между собеседниками, о котором говорится в примере (12), тоже нарушает условия дружеского общения и приводит к конфликтной ситуации.

Как мы видим, *держат язык за зубами* 3 указывает на молчание, вызванное прагматическими причинами, и потому такое молчание можно назвать **прагматическим молчанием**. Оно не связано с сокрытием информации, а объясняется исключительно желанием или необходимостью соблюсти условия дружеской коммуникации, а также использовать в диалоге только хорошую, нормативную речь.

Есть много видов прагматически аномального диалогического поведения, например проявление грубости по отношению к собеседнику, затрагивание неприятных собеседнику или неуместных тем, использование слов, неприятных адресату, несанкционированное вторжение в его личную сферу, выяснение в актуальном диа-

⁹ Точного количественного анализа употреблений фраземы *держат язык за зубами* 3 по данным НКРЯ не проводилось, однако беглый просмотр 335 примеров, в которых содержится фразеологизм *держат язык за зубами*, показывает, что эта фразема встречается не более чем в 10% случаев.

логе отношений и др., и человек, который держит язык за зубами, не хочет вести себя подобным образом.

Существуют разные виды стилистически аномальной речи. Если человек постоянно произносит грубые слова, и не только в диалоге, если он привычно чертыхается или ругается, ему могут сказать, например: *Идешь в приличный дом, держи язык за зубами!*

Приведем толкование рассматриваемой здесь фраземы.

Х держит язык за зубами 3

Пресуппозиция:

человек Х понимает, что, говоря Р, он в диалоге с адресатом Y нарушает нормы коммуникативного поведения, что может привести к конфликту между Х и Y;

Х также понимает, что конфликт между ним и Y может возникнуть, если Х будет использовать в диалоге слова Q, которые люди считают плохими;

человек Х не хочет возникновения конфликта;

Ассерция: человек Х не говорит Р и не использует в диалоге слова Q, что оценивается людьми позитивно и описывается так, как будто Х удерживает некое живое существо за преградой, мешая ему действовать как обычно.

Фразема *держат язык за зубами* 3, по данным НКРЯ, чаще используется с глаголом в форме индикатива в прошедшем времени, см. выше примеры (11) и (12). Хотя в НКРЯ мы не встретили примеров употребления этой фраземы с глаголом в императиве, ситуацию, когда эта форма употребляется, легко себе представить, ср., например, напутствие, просьбу или совет:

(13) Я знаю, как ты можешь вести себя в гостях. Так вот — в этот раз *держи язык за зубами*.

Результаты и выводы из проведенного анализа

Мы утверждаем, что фразеологизм *держат язык за зубами* имеет три значения (соответственно, выделяются три фраземы). Первые два значения являются контекстно обусловленными и соотносятся с актуальными ситуациями тайны и сплетни. Третье, коммуникативное значение, связано, прежде всего, не с актуальными аспектами разворачивающейся ситуации, а с существующими в данном обществе правилами диалогического и речевого поведения.

Общими для всех трех фразем являются, во-первых, оценка молчания, точнее, неговорения, как положительного акта, а во-вторых, метафорическое представление внутренней формы.

Первые две фраземы семантически связаны между собой более тесно, чем они обе с третьей. О тесной связи первых двух фразем говорит почти полное совпадение ассерций в их толкованиях.

Отметим наличие единичных случаев совмещения всех трех значений в одном контексте. Так, в примере (14) фразеологизм *держат язык за зубами* может быть понят сразу во всех трех значениях:

(14) Англичане считают, что у Кейт есть все данные, чтобы стать будущей королевой. Она хороша собой, умна, образованна и тактична, и — что очень важно — умеет *держат язык за зубами* [«Знание — сила», 2006].

Одним из итогов проведенного выше анализа является гипотеза, согласно которой все фразеологизмы делятся на две большие группы по характеру внутренней формы.

Первую образуют фразеологизмы, у которых внутренняя форма отдельных фразем носит **метафорический** характер, то есть в основе такой внутренней формы лежит метафора, переводящая, используя термины когнитивной теории метафор Лакоффа и Джонсона (см., например, [Lakoff 1987]), одну семантическую область описания языковой единицы (*область источника*, ср. англ. термин *source domain*) в другую (*область цели*, или *target domain*).

Вторую образуют фразеологизмы с **неметафорическим** устройством внутренней формы. Например, у фразеологизмов *хлопнуть дверью* и *чесать в голове*, проанализированных, соответственно, в [Козеренко, Крейдлин 1999] и [Крейдлин и др. 2020], внутренняя форма соответствующих фразем не является метафорической (см. толкования, приводимые в указанных работах). У фразем, разобранных в статье, внутренняя форма — метафорическая, что передается в толковании маркером внутренней формы *как будто*¹⁰.

Отметим, что по внешнему виду фразеологизма бывает трудно определить, каков характер его внутренней формы. Он устанавливается при семантическом анализе фразеологизма и затем фиксируется в тексте толкования с помощью конкретного маркера.

Скажем несколько слов о языковых маркерах внутренней формы.

Только в одном фразеологическом словаре русского языка [АСРФ 2020]¹¹ используется понятие внутренней формы. Между тем, ни в одном вспомогательном тексте этого словаря нет списка всех

¹⁰ Вообще говоря, между лексическим маркером внутренней формы и ее метафорическим характером нет взаимно однозначного соответствия. Так, маркера может не быть (или, иначе, маркер может быть нулевым), а внутренняя форма является метафорической.

¹¹ По-видимому, первым словарем, который использовал лексикографические средства, похожие на маркеры внутренней формы, был словарь Михельсона [Михельсон 1912]. В нем в текст, описывающий семантику фразеологизма, вводится в конструкции уподобления.

маркеров внутренней формы, которые в нем используются. Авторы словаря достаточно свободно употребляют для представления внутренней формы фразеологизмов кажущиеся синонимичными выражения *будто* и *как будто*, а также более сложные сочетания *что описывается* или *что представляется*. В то же время общих принципов, по которым при составлении толкования выбираются те или иные маркеры, или конкретных правил употребления того или иного маркера в словаре не формулируется. Помимо указанного словаря, есть также книга [Баранов, Добровольский 2008]¹², содержащая специальный раздел, посвященный маркерам внутренней формы, но и в ней полный список маркеров отсутствует.

При составлении полного списка маркеров внутренней формы нам представляется важным отделить группу маркеров, вводящих неметафорическую внутреннюю форму фразем, от маркеров, вводящих метафорическую внутреннюю форму. Первая группа маркеров сопоставляет семантические области одного и того же типа, а вторая группа действует на двух или более семантических областях, причем область прибытия часто бывает воображаемой, нереальной. Впрочем, являются ли эти группы маркеров пересекающимися или нет, нам неизвестно.

Составление полного списка маркеров внутренней формы, определение их структуры и содержания — это важные проблемы, еще ожидающие своего решения¹³.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Н., Вознесенская М.М., Добровольский Д.О., Киселева К.Л., Козеренко А.Д. Академический словарь русской фразеологии (АСРФ). М., 2020.
2. Баранов А.Н., Вознесенская М.М., Добровольский Д.О., Киселева К.Л., Козеренко А.Д. Тезаурус русских идиом: семантические группы и контексты / Под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. 2-е изд., испр. и доп. М., 2018.
3. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М., 2008.
4. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Авторская фразеология и проблема варьирования // Вариативность в языке и коммуникации. М., 2012. С. 343–360.
5. Демьянков В.З. Семантические роли и образы языка // Язык о языке / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М., 2000. С. 193–270.
6. Добровольский Д.О. Лексико-синтаксическое варьирование во фразеологии: ввод определения в структуру идиомы // Русский язык в научном освещении. М., 2007. № 2 (14). С. 18–47.
7. Козеренко А., Крейдлин Г. Русские жесты и русские фразеологизмы II (тело как объект природы и тело как объект культуры) // Фразеология в контексте культуры: Сб. работ / Ред. В. Телия. М., 1999. С. 269–277.

¹² В [АСРФ 2020] и многих других работах А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского вместо термина *маркер внутренней формы* используется термин *оператор внутренней формы*.

¹³ Авторы приносят благодарность К.Л. Киселевой и Л.А. Хесед за ценные советы и замечания.

8. Козеренко А.Д., Крейдлин Г.Е. Фразеологические соматизмы и семиотическая концептуализация тела // Вопросы языкознания. 2011. № 6. С. 54–67.
9. Козеренко А.Д., Крейдлин Г.Е. Этикетное молчание // Русский язык за рубежом. 2021. № 2. С. 25–31.
10. Козеренко А.Д., Крейдлин Г.Е. Фразеология молчания I: горло и глотка в русских фразеологических соматизмах // Wiener Slawistischer Almanach. 2022. Band 88. S. 253–284.
11. Крейдлин Г.Е., Самохин М.В. Слухи, сплетни, молва — гармония и беспорядок // Логический анализ языка: Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка. М., 2003. С. 117–157.
12. Крейдлин и др. Язык и семиотика тела / Коллективная монография в 2 т. Т. 1: Тело и телесность в естественном языке и языке жестов / Г.Е. Крейдлин (отв. рук.), П.М. Аркадьев, А.Б. Летучий, С.И. Переверзева, Л.А. Хесед. М., 2020.
13. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Т. 1–2, СПб., 1912.
14. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Венгерско-славянские фразеологические параллели (диахронический аспект) // Studia Slavica Hung. 2017. 62/2. С. 247–275.
15. Телия В.Н. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 2006.
16. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 2008.
17. Lakoff G. Women, fire, and dangerous things. What categories reveal about the mind. Chicago, 1987.
18. НКРЯ — Национальный корпус русского языка: ruscorpora.ru

REFERENCES

1. Baranov A.N., Voznesenskaja M.M., Dobrovol'skij D.O., Kiseleva K.L., Kozerenko A.D. Akademicheskij slovar' russkoj frazeologii [Academic Dictionary of Russian Phraseology]. Moscow, LEXRUS, 2020. 896 p.
2. Baranov A.N., Voznesenskaja M.M., Dobrovol'skij D.O., Kiseleva K.L., Kozerenko A.D. Tezaurus russkikh idiom: semanticheskie gruppy i konteksty [Thesaurus of Russian Idioms: semantic groups and contexts]. Moscow, LEXRUS, 2018. 533 p.
3. Baranov A.N., Dobrovol'skij D.O. Aspekty teorii frazeologii [Aspects of phraseological theory]. Moscow, Znak, 2008. 656 p.
4. Baranov A.N., Dobrovol'skij D.O. Avtorskaja frazeologija i problema var'irovanija [Author phraseology and the problem of variants]. *Variativnost' v jazyke i kommunikacii* [Variability in language and communication]. Moscow, 2012, pp. 343–360. (In Russ.)
5. Dem'jankov V.Z. Semanticheskie roli i obrazy jazyka [Semantic roles and images of language]. *Jazyk o jazyke*. Pod red. N.D. Arutjunovoj. 2000. S. 193–270. (In Russ.)
6. Dobrovol'skij D.O. Leksiko-sintaksicheskoe var'irovanie vo frazeologii: vvod opredelenija v strukturu idiomu [Lexico-syntactic variants in phraseology: definitions in the structure of idioms]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii* [Russian Language and Linguistic Theory]. 2007, № 2 (14), pp. 18–47. (In Russ.)
7. Kozerenko A., Krejdlin G. Russkie zhesty i russkie frazeologizmy II (telo kak ob'ekt prirody i telo kak ob'ekt kul'tury) [Russian gestures and Russian phraseology (body as an object of nature and as an object of a culture)]. *Frazeologija v kontekste kul'tury*: Sb. rabot / Red. V. Telija. 1999, pp. 269–277. (In Russ.)
8. Kozerenko A.D., Krejdlin G.E. Frazеологические соматизмы и семиотическая концептуализация тела [Phraseological somatizms and semiotic conceptualisation of the

- human body]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the Study of language], 2011, № 6, pp. 54–67 (In Russ.)
9. Kozerenko A.D., Krejdlin G.E. Etiketnoe molchanie [Ethical silence]. *Russkij jazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], 2021, № 2, pp. 25–31. (In Russ.) DOI: 10.37632/PI.2021.285.2.004
 10. Kozerenko A.D., Krejdlin G.E. Frazeologija molchanija I: gorlo i glotka v russkikh frazeologicheskikh somatizmah [The phraseology of silence: gorlo and glotka in Russian phraseological somatisms]. *Wiener Slawistischer Almanach*. 2022. Band 88, S. 253–284. (In Russ.)
 11. Krejdlin G.E., Samohin M.V. Sluhi, spletni, molva — garmonija i besporjadok [Rumors and gossip — harmony and mess]. *Logicheskij analiz jazyka: Kosmos i haos: Konceptual'nye polja porjadka i besporjadka*. 2003, pp. 117–157. (In Russ.)
 12. Krejdlin i dr. *Jazyk i semiotika tela* [language and semiotics of body] / Kollektivnaja monografija / G.E. Krejdlin (otv. ruk.), P.M. Arkad'ev, A.B. Letuchij, S.I. Pereverzeva, L.A. Hesed. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2020. 672 p.
 13. Mihel'son M.I. *Russkaja mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoj frazeologii* [The Russian mind and The Russian Speech. Own and alien. The problem of the Russian phraseology]. Saint Petersburg, *Tipografija Imperatorskoj akademii nauk*, 1912. 704 p.
 14. Mokienko V.M., Nikitina T.G. Vengersko-slavyanskije frazeologicheskie paralleli (diachronicheskij aspekt) [Hungarian-Slavic phraseological parallels (diachronic aspect)]. *Studia Slavica Hung*. 2017, 62/2, pp. 247–275. DOI: 10.1556/060.2017.62.2.1
 15. Teliya V.N. Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskij kommentarij [Large Dictionary of Russian Idioms. Meaning, Usage. Cultural Commentary] / Otv. red. V.N. Teliya. Moscow: *AST-Press Kniga Publ.*, 2006.
 16. Fyodorov A.I. Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka [Dictionary of Idiomatic Literary Russian]. Moscow: *Astrel', AST Publ.*, 2008.
 17. Lakoff G. *Women, fire, and dangerous things. What categories reveal about the mind*. Chicago, *University of Chicago Press*, 1987. 614 p. (In Russ.)
 18. RNC — Russian National Corpus: ruscorpora.ru

Поступила в редакцию 11.02.2023

Принята к публикации 16.04.2023

Отредактирована 15.05.2023

Received 11.02.2023

Accepted 16.04.2023

Revised 15.05.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Козеренко Анастасия Дмитриевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН; akozerenko@mail.ru

Крейдлин Григорий Ефимович — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; gekr@iitp.ru

ABOUT THE AUTHORS

Anastassia Kozerenko — PhD, Senior Researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences; akozerenko@mail.ru

Grigory Krejdlin — Prof. Dr., Department of Theoretical and Applied Linguistics, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities; gekr@iitp.ru

ПОЗИЦИЯ *ОПЯТЬ* И *ТВОЙ* В ЛИНЕЙНОЙ СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В «ПИКОВОЙ ДАМЕ»

Д.А. Антоньева

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия; daria.antonyeva@gmail.com*

М.Я. Дымарский

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена;
Институт лингвистических исследований Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия; dym2005@list.ru*

Аннотация: Исследована линейная структура именных словосочетаний с притяжательным местоимением и глагольных словосочетаний с наречием *опять* в тексте «Пиковой дамы» в сопоставлении с материалом повести Н.М. Карамзина «Остров Борнгольм» и выборки из НКРЯ, ограниченной 1738–1840 гг. Показано, что изменения в строе именных и глагольных синтагм в пушкинской прозе заключались не только в «сокращении форм качественной оценки» и «сжатии» строя синтагм, как писал В.В. Виноградов, но и в перестройке их линейной структуры. Тенденция к постепенному превращению препозиции притяжательного местоимения в нейтральную, немаркированную, которая только намечена у Н.М. Карамзина, в пушкинской прозе приобретает характер завершенного процесса. Абсолютно преобладавшая в предшествующие эпохи постпозиция слова *опять* к спрягаемой форме глагола в текстах А.С. Пушкина явно начинает уступать место препозиции; в пушкинской прозе зафиксирован переломный момент того процесса, который привел к полному господству препозиции *опять* в современном русском языке.

В «Пиковой даме» обнаружена тенденция к влиянию семантического фактора на выбор препозиции/постпозиции *опять*: в предложениях с агентивным субъектом, реализующих перспективу повествователя, наблюдающего за персонажем, *опять* оказывается в постпозиции к спрягаемой форме глагола; в предложениях с неагентивным субъектом, реализующих перспективу персонажа, — в препозиции. Другие пушкинские тексты, как и современная речь, действия подобной тенденции не демонстрируют.

Ключевые слова: нормы порядка слов; проза А.С. Пушкина; притяжательное местоимение; наречие *опять*; повествовательные перспективы

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-3

Для цитирования: Антоньева Д.А., Дымарский М.Я. Позиция *опять* и *твой* в линейной структуре предложения в «Пиковой даме» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 4. С. 37–49.

POSITION OF *OPYAT'* AND *TVOJ* IN THE CLAUSE LINEAR STRUCTURE IN *THE QUEEN OF SPADES*

D. A. Antonyeva

The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia; daria.antonyeva@gmail.com

M. Ya. Dymarsky

The Herzen State Pedagogical University of Russia; Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; dym2005@list.ru

Abstract: The linear structure of nominal phrases with a possessive pronoun and verbal phrases with an adverb *opyat'* 'again' in the text of *The Queen of Spades* by A.S. Pushkin is studied in comparison with the material of N.M. Karamzin's story *Island of Bornholm* and a sample from the RNC, limited to 1738–1840. It is shown that changes in the structure of nominal and verbal phrases in Pushkin's prose consisted not only in the "reduction of forms of qualitative assessment" and "compression" of the syntagma structure, as V.V. Vinogradov wrote, but also in the restructuring of their linear structure. The tendency towards the gradual transformation of the preposition of a possessive pronoun into a neutral, unmarked one, which is only outlined by Karamzin, in Pushkin's prose gets the character of a completed process. The postposition of the word *opyat'* to the finite verb, which was absolutely predominant in previous eras, in the texts of A.S. Pushkin clearly begins to give way to preposition; in Pushkin's prose, a turning point of the process that led to the complete dominance of preposition *opyat'* in modern Russian is recorded.

In *The Queen of Spades*, there is also a tendency for the semantic factor to influence the choice of preposition/postposition of *opyat'*: in sentences with an agentive subject, realizing the perspective of the narrator observing the character, *opyat'* appears in postposition to the finite verb; in sentences with a non-agent subject, realizing the perspective of the character, it appears in preposition. Other Pushkin's texts, as well as modern speech, do not demonstrate such a tendency.

Keywords: word order norms; A.S. Pushkin's prose; possessive pronoun; adverb *opyat'*; perspectives of narration

For citation: Antonyeva D.A., Dymarsky M.Ya. (2023) Position of *Opyat'* and *Tvoj* in the Clause Linear Structure in *The Queen of Spades*. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 37–49.

0. Постановка задачи

В.В. Виноградов, говоря в «Стиле “Пиковой дамы”» о «тенденции к нормализации форм повествовательной прозы», касался и вопроса о структуре «синтаксических форм речи», среди которых считал существенными «синтагмы»; «от структуры синтагм, — замечал он, — зависит ритм прозы» [Виноградов 1936: 132]. Важнейшая составляющая в данном случае — «сокращение форм качественной оценки»: «Резкое уменьшение количества <...> форм качественного

пояснения придало пушкинской синтагме необыкновенную логическую прозрачность <...>. Нормы порядка слов были строго закреплены. Типические формы синтагм оказались вполне сложившимися. Пушкин сжал, сконденсировал строй синтагм “французского слога” конца XVIII — начала XIX вв., сохранив между основными членами предрешенные традицией порядок и соотношение...» [Там же: 133].

Итак, В.В. Виноградов считает, что Пушкин сохранил строго закреплённые до него нормы порядка слов, нашедшие «ясную формулировку в статье И.И. Давыдова “Опыт о порядке слов”» [Там же] (статья Давыдова была напечатана в 4-х выпусках «Трудов Общества любителей российской словесности» в 1816–1819 гг. [Кузнецова 1992]). Задача нашей статьи состоит в уточнении этого пункта концепции В.В. Виноградова: на материале синтагм (словосочетаний) с притяжательными местоимениями и наречием *опять* будет показано, что в тексте «Пиковой дамы» наблюдаются явные изменения не только в количественном составе словосочетания, но и в порядке его компонентов.

0.1. Материал

Выбор словосочетаний с указанными распространителями объясняется тем, что, во-первых, таким образом в сфере внимания оказываются как глагольные, так и именные группы. Во-вторых, притяжательные местоимения и наречие *опять* по-разному соотносятся с коммуникативной структурой предложения: если первые в общем случае безударны и нерематичны (отклонения здесь не рассматриваем), то вторые, наоборот, тяготеют к реме. Функциональные различия между притяжательными местоимениями и наречием *опять* сказываются и на их морфологической характеристике. Первые в этом отношении прозрачны и стандартно используются в атрибутивной (редко — предикативной) функции. Второе же, хотя и квалифицируется словарями как наречие, в современном языке используется в функции маркера итеративности, не охватываемой кругом обстоятельственных значений, и причисляется к наречиям отчасти по инерции, отчасти — потому, что неизвестно, к какому лексико-грамматическому классу его причислить. Не случайно А.А. Кибрик включает *опять* в класс дискурсивных слов со значением «реализации» наряду с наречием *наоборот* [Кибрик 2016]; ср. предусмотренный в [Киселева, Пайар 1998] класс «слов, вводящих в рассмотрение несколько реализаций одного положения вещей» [Tsoi 2014: 402]. Но если для таких дискурсивных слов, как частицы или вводно-модальные слова, вопрос об их морфологической природе имеет общеизвестное решение, то для бывших наречий такого

решения нет. Таким образом, в сфере внимания оказываются словосочетания, существенно различающиеся как главными, так и зависимыми компонентами.

Наконец, в-третьих, выбор именно данных распространителей объясняется их устойчивым расположением в линейной структуре предложения в современном языке: стандартна и нейтральна их препозиция по отношению к вершине группы. Это служит хорошим фоном для исследования диахронических изменений.

В качестве источников материала, помимо текста «Пиковой дамы», были использованы: 1) текст повести Н.М. Карамзина «Остров Борнгольм» (1793), из которого были выбраны все предложения с притяжательными местоимениями; 2) выборка из Основного подкорпуса Национального корпуса русского языка по запросу «опять» с 1738 по 1840 гг.

1. Позиция притяжательного местоимения

В современном русском языке стандартной и нейтральной является препозиция притяжательного местоимения к имени:

(1) *А братья Райт несколько лет строили **свой** биплан, чтоб пролететь несколько сотен метров или ярдов* [Е. Гришковец. Одно-врЕмЕнно (2004)];

(2) *Впрочем, предполагается, что члены комиссии читали **мой диплом** взахлёб и хорошо представляют себе, о чём идёт речь* [Запись LiveJournal (2004)].

Постпозиция же является маркированной, за исключением устойчивых формул, к которым следует отнести обращения типа *друзья мои*:

(3) [agd-ardin (nick)] *Почему пугаю? **Почту свою** дай* [Переписка в icq между agd-ardin и Колючий друг (16.01.2008)];

(4) *Сирота, многократно и несчастно влюблявшийся в красоток королевских родов, он единственным и верным **другом своим** имел кусок разумного мха с Денеба-8 по кличке Аристотель* [Запись LiveJournal (2004)].

Применительно к современному русскому языку возможно исчисление оттенков, которые эксплицируются в постпозиции притяжательного местоимения [Бонно 2008: 460–463]. Однако результаты К. Бонно не могут быть применены к текстам XVIII в., когда нормы словопорядка были другими.

Ф.И. Буслаев делал вывод о свободном положении местоимения в древнерусском предложении по отношению к определяемому слову, добавляя, что препозиция атрибута более характерна для поэтической формы повествования [Буслаев 1881: 372]. В.З. Санников, по подсчетам которого постпозитивные и препозитивные употре-

блениа в древнерусских памятниках соотносятся как 52 % / 48 %, полагает, что такое соотношение не позволяет выделить один из вариантов как нейтральный. Позиция местоименного атрибута, по его мнению, зависит не от формы повествования, а от разряда: для притяжательных местоимений характерна постпозиция, для определительных и указательных — препозиция [Санников 1968: 62]. О влиянии разряда местоимения на его позицию в словосочетании писал ранее и С.П. Обнорский [Обнорский 1946: 26, 113].

Известны попытки связать позицию притяжательного местоимения с семантическими свойствами имени: Дин Ворт доказывал, что при одушевленных существительных притяжательное местоимение занимало постпозицию, а при неодушевленных — препозицию [Worth 1985]. Ф.Р. Минлос уточняет, что постпозиции притяжательного местоимения требовали «в особенности термины родства» [Minlos 2011: 54]. Он же предполагал, что положение атрибута в какой-то степени продиктовано ритмическими требованиями [Минлос 2010: 287].

Абсолютное преобладание постпозиции притяжательных местоимений является доказанным фактом как для древнерусского, так и для старорусского языка вплоть до XVIII в., см. также [Улитова 2015: 204]. Показательно утверждение А.Х. Востокова: «Опредѣлительныя слова, состоящія <...> изъ притяжательныхъ именъ или мѣстоименій <...> слѣдуютъ за опредѣляемыми словами; напр. <...> *Отъць мой самъ воспитывалъ дѣтей своихъ*» [Востоков 1831: 336–337]. Это опубликовано в 1831 г., когда реальное положение дел было уже далеко не столь однозначным; но автор родился в 1781 г. и считал нормативным то, что было воспринято им в детстве и отрочестве.

В конце XVIII в. старая норма уже обнаруживает неустойчивость. В табл. 1 приведены данные по тексту повести Н.М. Карамзина «Остров Борнгольм», демонстрирующие этот факт.

Таблица 1

Позиция притяжательных местоимений в повести «Остров Борнгольм»

	всего	препозиция	постпозиция
<i>мой</i>	45	11 (24 %)	34 (76 %)
<i>наш</i>	9	3 (33,3 %)	6 (66,6 %)
<i>твой</i>	18	8 (44 %)	10 (56 %)
<i>ваш</i>	2	1 (50 %)	1 (50 %)
<i>его, ее, их</i>	35	14 (40 %)	21 (60 %)
<i>свой</i>	26	11 (42 %)	15 (58 %)
Всего	135	48 (36 %)	87 (64 %)

Преобладает старая норма: из 135 употреблений притяжательных местоимений постпозиция фиксируется в 87 случаях (64%). Однако абсолютным господством такое преобладание назвать нельзя. Можно сказать, что текст повести Н.М. Карамзина свидетельствует о лишь начавшемся разрушении старой нормы.

В тексте же «Пиковой дамы» картина иная (табл. 2).

Таблица 2

Позиция притяжательных местоимений в «Пиковой даме»

	всего	препозиция	постпозиция
<i>мой</i>	25	16 (64%)	9 (36%)
<i>наш</i>	2	1 (50%)	1 (50%)
<i>твой</i>	2	1 (50%)	1 (50%)
<i>ваш</i>	18	12 (66,7%)	6 (33,3%)
<i>его, ее, их</i>	91	76 (83,5%)	15 (16,5%)
<i>свой</i>	67	63 (94,03%)	4 (5,97%)
Всего	205	169 (82,4%)	36 (17,6%)

Общее соотношение препозитивных и постпозитивных употреблений свидетельствует о формировании новой нормы — препозитивности в условиях немаркированной притяжательности.

Особенно выразительны данные по местоимению *свой*. Применительно к древнерусскому периоду была верна формула Т.М. Николаевой: «Подчеркнутое выражение притяжательности, обладания, окрашенное дополнительной семантикой ‘свой, а не чужой’, ‘свой собственный’, ‘каждому свое’, выражается препозицией ПМ (притяжательного местоимения. — *Авт.*). Нейтральное, немаркированное выражение притяжательности выражается постпозицией *свой*» [Николаева 1986: 168]. В пушкинском же тексте абсолютное большинство атрибутивных словосочетаний (94%!) фиксирует *свой* в препозиции: она окончательно становится нейтральной. То, что у Карамзина может быть интерпретировано как тенденция, заметная только на фоне сопоставления с текстами предыдущих веков, через 40 лет у Пушкина становится свершившимся фактом.

2. Позиция слова *опять*

По запросу «опять» с ограничением с 1738 по 1840 гг. в Основном подкорпусе НКРЯ была получена выборка, насчитывающая 2443 вхождения (дата обращения 30.11.2022). Из них были проанализированы 446; в 26 из них фиксируется препозиция *опять* к глаголу (в том числе связочному), что составляет 6% от 446.

В незначительном количестве употреблений постпозиция *опять* может быть объяснена использованием наречия в исконном значении 'вспять, обратно' (ср. [Черных 1994: 601; Фасмер 1987: 147]) при глаголах движения. В этом случае наречие занимает постпозицию, типичную для направительного обстоятельства и в современном языке (*вернуться назад, свернуть направо, посмотреть вверх* и т. п.):

(5) *Оттуда **возвратился** Его Величество **опять** въ Воронежъ <...>* [И.К. Таубертъ. Краткое описание <...> (1738)].

Следующий пример, однако, показывает, что исконное значение в наречии *опять* для многих носителей языка в середине века уже стерто и вытеснено значением 'снова, повторно', иначе *назад* после *опять* было бы невозможно:

(6) *Вывытую землю **отвозят опять назад** в сарай и приуготовляют вышепоказанным образом к будущему употреблению* [М.В. Ломоносов. О варении селитры (перевод) (1741)].

В большинстве вхождений наблюдается именно современное значение *опять*:

(7) *Потом, как оделся, возобновил **опять** прежнюю материю и спрашивал меня, можно ли ему будет на любезной своей жениться?* [С.А. Порошин. Семена Порошина записки <...> (1764–1765)].

Следовательно, предположение, что постпозиция *опять* в примерах типа (5) мотивирована использованием наречия в исконном направительном значении, следует оценить как слабое. Главный же вывод состоит в том, что в языке прозы XVIII в. абсолютно доминирует постпозитивное употребление *опять*.

В «Пиковой даме» слово *опять* встречается 13 раз, из них в постпозиции — 7 (54%), в препозиции — 6 (46%). Такое соотношение позволяет предположить, что выбор между двумя возможными позициями подчиняется у А.С. Пушкина некоторой закономерности. Такую — семантическую — закономерность можно видеть в корреляции между выбором позиции *опять* и агентивностью субъекта. При таких предикатах, как *приняться (за работу), взглянуть, войти*, субъект агентивен, и его действие поддается наблюдению со стороны. В этом случае можно говорить, что повествование реализует перспективу повествователя, наблюдающего действия персонажа; *опять* при этом постпозитивно (в примерах подчеркнуты компоненты, называющие наблюдаемые со стороны действия/положения персонажа):

(8) *Лизавета Ивановна осталась одна: она оставила работу и стала глядеть в окно. Вскоре на одной стороне улицы из-за угольного дома показался молодой офицер. Румянец покрыл ее щеки: она принялась **опять** за работу и наклонила голову над самой канвою;*

(9) Она опустила голову и снова занялась работой; через пять минут взглянула опять — молодой офицер стоял на том же месте;

(10) Только Лизавета Ивановна успела снять капот и шляпу, как уже графиня послала за нею и велела опять подавать карету. Они пошли садиться;

(11) Германн пожал ее холодную, безответную руку, поцеловал ее наклоненную голову и вышел. Он спустился вниз по витой лестнице и вошел опять в спальню графини;

(12) Проснувшись уже поздно, он вздыхнул о потере своего фантастического богатства, пошел опять бродить по городу;

(13) Все ахнули. Чекалинский видимо смутился. Он отсчитал девяноста четыре тысячи и передал Германну. Германн принял их с хладнокровием и в ту же минуту удалился. В следующий вечер Германн явился опять у стола.

В ряде случаев опять оказывается в позиции, разрывающей сочетания глагола с объектными (9, 10) или обстоятельственными (11–13) комплементарными; но зависимости опять от последних при этом не возникает¹: очевидны связи опять велела, а не *опять подавать, опять пошел, а не *опять бродить, опять явился, а не *опять у стола, и т. д.

При других же предикатах — таких как увидеть, очутиться, осветиться, субъект не может быть охарактеризован как агентивный: это экспериенцер или пациенс. В этом случае повествование реализует перспективу персонажа, восприятие которого внешнему наблюдению не поддается. Опять при этом препозитивно (подчеркнуты компоненты, связанные с восприятием персонажа):

(14) Она встала, начала убирать свои пальцы и, взглянув нечаянно на улицу, опять увидела офицера. Это показалось ей довольно странным;

(15) Дня через два, выходя с графиней садиться в карету, она опять его увидела. Он стоял у самого подъезда, закрыв лицо бровным воротником: черные глаза его сверкали из-под шляпы. Лизавета Ивановна испугалась, сама не зная чего, и села в карету с трепетом неизъяснимым;

(16) ...пошел опять бродить по городу и опять очутился перед домом графини ***. Неведомая сила, казалось, привлекала его к нему. Он остановился и стал смотреть на окна. В одном увидел он черноволосую головку, наклоненную, вероятно, над книгой или над работой;

(17) Свечи вынесли, комната опять осветилась одною лампадою. Графиня сидела вся желтая, шевеля отвислыми губами, качаясь на-

¹ Необходимость этого уточнения подсказана замечаниями анонимных рецензентов, которых авторы искренне благодарят.

право и налево. В мутных глазах ее изображалось совершенное отсутствие мысли; смотря на нее, можно было бы подумать, что качание страшной старухи происходило не от ее воли, но по действию скрытого гальванизма;

(18) ... и Германн узнал графиню! <...> Германн слышал, как хлопнула дверь в сенях, и увидел, что кто-то опять поглядел к нему в окошко. Германн долго не мог опомниться.

Лишь два из 13 употреблений — одно с постпозитивным и одно с препозитивным опять — не вполне отвечают намеченной закономерности:

(19) В гостиной пробило двенадцать; по всем комнатам часы одни за другими прозвонили двенадцать, — все умолкло опять;

(20) На другой день вечером он опять явился у Чекалинского.

В (19) нет действий персонажей. Можно, конечно, утверждать, что (19) все же реализует перспективу повествователя, наблюдающего за Германном и попутно — за изменениями окружающей героя обстановки. Однако такое утверждение, как кажется, не поддерживается контекстом:

(19.1) *Время шло медленно. Все было тихо. В гостиной пробило двенадцать; по всем комнатам часы одни за другими прозвонили двенадцать, — все умолкло опять.*

Медленный ход времени — это не констатация факта, а оценка, следовательно — субъективное восприятие, принадлежащее скорее персонажу, нежели повествователю. Субъективность персонажного восприятия, очевидная в первом предложении (19.1), безусловно распространяется и на остальные. Таким образом, (19) не отвечает обнаруженной нами тенденции.

Предложения (20) и (13) рисуют одну и ту же ситуацию. Маловероятно предположение, что эта ситуация изображена в них в двух разных перспективах. Следовательно, перед нами не закон, а тенденция, действующая не вполне регулярно и оставляющая место для случайности.

Дополнительную пищу для размышлений дают тексты «Повестей Белкина» (написанных раньше) и «Капитанской дочки» (написанной позже). В «Повестях Белкина» насчитывается 13 употреблений опять, из них до финитной формы — 8, после нее — 5. В «Капитанской дочке» 23 употребления опять, из них до финитной формы — 9, после нее — 14. Если применительно к «Повестям Белкина» можно говорить о сменах повествовательной перспективы, то в «Капитанской дочке», в соответствии с жанром, повествовательная перспектива едина на протяжении всего текста. Значит, по меньшей мере в «Капитанской дочке» намеченная нами тенденция, опирающаяся на семантический фактор, не работает.

Из сказанного вытекают два вывода.

Первый. Корреляция позиции *опять* с характером повествовательной перспективы и агентивностью/неагентивностью субъекта, обнаруживаемая в тексте «Пиковой дамы», могла носить характер эксперимента и, видимо, не имела сколько-нибудь значимого продолжения.

Второй. Суммарные данные по трем прозаическим произведениям А.С. Пушкина (постпозиция — 26, препозиция — 23) позволяют утверждать, что абсолютное преобладание постпозиции *опять* в пушкинской прозе сменяется приблизительно паритетным соотношением, что знаменовало перелом, приведший к безоговорочному доминированию в современном русском языке препозиции *опять* к глаголу.

3. Заключение

Изменения в строе именных и глагольных синтагм в пушкинской прозе заключались не только в «сокращении форм качественной оценки» и «сжатию» строя синтагм, но и в перестройке их линейной структуры. Тенденция к постепенному превращению препозиции притяжательного местоимения в нейтральную, немаркированную в пушкинской прозе приобретает характер заверщенного процесса. Абсолютно преобладавшая постпозиция *опять* к спрягаемой форме глагола в текстах А.С. Пушкина явно начинает уступать место препозиции; в пушкинской прозе зафиксирован переломный момент того процесса, который привел к полному господству препозиции *опять* в современном русском языке.

Помимо прочего, в «Пиковой даме» обнаружилась тенденция к влиянию семантического фактора на выбор препозиции/постпозиции *опять*. Имеет смысл проверить, не имела ли эта тенденция продолжения в более поздних текстах, тем более что связь словоупотребления с той или иной повествовательной перспективой может трактоваться как одно из проявлений «смещения субъектно-повествовательных сфер», о котором писал В.В. Виноградов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. Прага, 1966. 96 с.
2. Бонно К. Отождествление через проекцию: О постпозиции безударных определений в атрибутивных синтагмах // Фонетика и Нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М., 2008. С. 457–468.
3. Бонно К. Постпозиция притяжательного местоимения в именной синтагме: от построения синтагмы к построению текста // Языковые значения: методы исследования и принципы описания (памяти О.Н. Селиверстовой). М., 2004. С. 67–86.
4. Буславев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. 5-е изд. М., 1881. 390 с.

5. *Востоков А.Х.* Русская грамматика, СПб., 1831. 449 с.
6. *Кибрик А.А.* Дискурс. Тема IV-14. Дискурсивные маркеры. 2016 [Электронный ресурс: <https://ppt-online.org/497094>. Дата обращения 10.02.2023].
7. *Киселева К., Пайар Д.* (ред.). Дискурсивные слова русского языка: Опыт контекстно-семантического описания. М., 1998. 446 с.
8. *Кузнецова Н.В.* Давыдов Иван Иванович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992 [Электронный ресурс: http://az.lib.ru/d/dawydow_i_i/text_1992_bio.shtml. Дата обращения 10.02.2023].
9. *Лантвева О.А.* Расположение одиночного качественного прилагательного в составе атрибутивных словосочетаний в русских текстах XI–XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1963. 24 с.
10. *Минлос Ф.Р.* Что притягивает притяжательные местоимения? Или линейная позиция атрибутов // Вопросы русского языкознания. Вып. XIII. Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее: к 50-летию научной деятельности С.К. Пожарникова. М., 2010. С. 279–290.
11. *Николаева Т.М.* Средства различения посессивных значений: языковая эволюция и ее лингвистическая интерпретация // Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии. Категория посессивности. М., 1986. С. 167–179.
12. *Обнорский С.П.* Очерки по истории русского литературного языка. М., 1946. 199 с.
13. Русская грамматика: В 2 т. — Т. 2. Синтаксис / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980. 709 с.
14. *Санников В.З.* Согласованное определение // Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Члены предложения. М., 1968. С. 47–95.
15. *Улитова А. С.* О зависимости положения притяжательных местоимений от одушевленности определяемого существительного в русской деловой письменности XVII в. // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2015, № 3. С. 226–240.
16. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Изд. 2-е. Т. 3. М., 1987. 832 с.
17. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I–II. 2-е изд. М., 1994. 624 с.
18. *Minlos, P. R.* Some controversies concerning possessive noun placement in Old Russian [Электронный ресурс] / P. R. Minlos // Сборник Матице Српске за филологию и лингвистику, LIV / 2. Нови Сад, 2011. P. 53–59 (дата обращения: 08.01.2023).
19. *Tsoi A.* Результаты анализа словарей дискурсивных слов // *Slowo we wspólczesnych dyskursach*, Red. Jachimowska K., Kudra B., Szukdlarek-Śmiechowicz E., Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego. Łódź, 2014. S. 397–403.
20. *Worth Dean S.* Animacy and adjective order: the case of новгородскѣ. An explanatory microanalysis // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. XXXI–XXXII. 1985. P. 533–554.

REFERENCES

1. Adamets P. Poryadok slov v sovremennom rusском yazyke [Word order in modern Russian language]. Praga, 1966. 96 p. (In Russ.)
2. Bonno Ch. Otozhdestvlenie cherez proekciyu: O postpozicii bezudarnyh opredelenij v atributivnyh sintagmah [Identification through projection: On the postposition of unstressed attributes in attributive phrases]. *Fonetika i Nefonetika. K 70-letiyu San-*

- dro V. Kodzasova [Phonetics and non-phonetics: For the 70th birthday of Sandro V. Kodzasov]. Moscow, *Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ.*, 2008. P. 457–468. (In Russ.)
3. Bonno Ch. Postpoziciya prityazhatel'nogo mestoimeniya v imennoj sintagme: ot postroeniya sintagmy k postroeniyu teksta [Postposition of the possessive pronoun in the nominal syntagm: from syntagmatic construction to text construction]. *Yazykovye znacheniya: metody issledovaniya i principy opisaniya (pamyati O.N. Seliverstovoj)* [Language meanings: research methods and description principles (in memory of O.N. Seliverstov)]. Moscow, *Moscow Pedagogical State University Publ.*, 2004. P. 67–86. (In Russ.)
 4. Buslaev F.I. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka [The historical grammar of the Russian language]. 5th ed. Moscow, 1881. 390 p. (In Russ.)
 5. Chernyh P.Ya. Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennoogo russkogo yazyka [The historical-etymological dictionary of the modern Russian language]. Vol. I–II. 2nd ed. Moscow, 1994. 624 p.
 6. Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. V 4 t. Per. s nem. i dop. O. N. Trubacheva. Izd. 2-e. T. 3 [Etymological dictionary of the Russian language. In 4 vols. Translated from German and supplemented by O. N. Trubachev. 2nd ed. Vol. 3]. Moscow, *Progress*, 1987. 832 p.
 7. Kibrik A.A. *Diskurs. Tema IV-14. Diskursivnye markery* [Discourse. Topic IV-14. Discursive markers]. 2016. URL: <https://ppt-online.org/497094> (accessed 10.02.2023).
 8. Kiseleva K., Pajar D. (eds.). *Diskursivnye slova russkogo yazyka: Opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Russian discourse markers: A contextual-sematic description]. Moscow, *Metatekst*, 1998. 446 p. (In Russ.)
 9. Kuznetsova N.V. Davydov Ivan Ivanovich [Davydov Ivan Ivanovich]. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskij slovar'* [Russian Writers. 1800–1917. Biographical dictionary]. Vol. 2. Moscow, *Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya*, 1992. URL: http://az.lib.ru/d/dawydow_i_i/text_1992_bio.shtml (accessed 10.02.2023). (In Russ.)
 10. Lapteva O.A. Raspolozhenie odinochnogo kachestvennogo prilagatel'nogo v sostave atributivnykh slovosochetaniy v russkikh tekstah XI–XVII vv. [The position of a single adjective in attributive phrases in Russian texts of XI–XVII cc.]: Abstract of the dissertation for the degree of candidate of philological sciences [PhD]. Moscow, 1963. 24 p. (In Russ.)
 11. Minlos F.R. Chto prityagivaet prityazhatel'nye mestoimeniya? Ili linejnaya poziciya atributov [What attracts possessive pronouns? Or the linear position of attributes]. *Voprosy russkogo yazykoznanija. XIII. Fonetika i grammatika: nastoyashchee, proshedshee, budushchee: k 50-letiyu nauchnoj deyatel'nosti S.K. Pozharitskoj* [Issues in Russian linguistics. XIII. Phonetics and grammar: present, past and future: to the 50th anniversary of scientific activity of S.K. Pozharitskaya]. Moscow, *Moscow State University*, 2010. Vol. 2. P. 279–290. (In Russ.)
 12. Minlos P.R. Some controversies concerning possessive noun placement in Old Russian. *Zbornik Matice Srpske za filologiju i lingvistiku, LIV / 2* [Matica Srpska journal of slavic studies, LIV / 2]. Novi Sad, 2011. P. 53–59. URL: http://www.academia.edu/2414293/Some_controversies_concerning_possessive_pronoun_placement_in_Old_Russian (accessed 08.01.2023).
 13. Nikolaeva T.M. Sredstva razlicheniya possessivnykh znachenij: yazykovaya evolyutsiya i ee lingvisticheskaya interpretatsiya [Ways of possessive meanings differentiation: language evolution and its linguistic interpretation]. *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Problemy dialektologii. Kategoriya possessivnosti* [Slavic and Balkan linguistics. Issues in dialectology. The category of possessiveness]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1986. P. 167–179. (In Russ.)

14. Obnorskij S.P. Oчерки po istorii russkogo literaturnogo yazyka [Essays on history of the Russian literary language]. Moscow, 1946. 199 p. (In Russ.)
15. Russkaya grammatika: V 2 t. [Russian grammar: In 2 vols.] Ed. by N.Yu. Shvedova. Vol. 2. *Sintaksis* [Syntax]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1980. 709 p. (In Russ.)
16. Sannikov V.Z. Soglasovannoe opredelenie [Agreed attribute]. Sravnitel'no-istoricheskij sintaksis vostochnoslavyanskikh yazykov. Chleny predlozheniya [Comparative historical syntax of Eastern Slavic languages. Parts of sentence]. Moscow, 1968. P. 47–95. (In Russ.)
17. Ulitova A.S. O zavisimosti polozheniya prityazhatel'nyh mestoimenij ot odushevlyonnosti opredelyaemogo sushchestvitel'nogo v russkoj delovoj pis'mennosti XVII v. [On the dependence of the possessive pronouns position on the animateness of the qualified noun in the 17th century Russian business documentation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya* [Bulletin of Moscow State University. Series 9. Philology]. 2015, no. 3. P. 226–240. (In Russ.)
18. Tsoi A. Rezul'taty analiza slovarej diskursivnykh slov [Results of an analysis of discourse words dictionaries]. *Słowo we współczesnych dyskursach*. Ed. by Jachimowska K., Kudra B., Szkudlarek-Śmiechowicz E. Łódź, *Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego*, 2014. P. 397–403.
19. Vostokov A.H. Russkaya grammatika [Russian grammar]. Saint Petersburg, 1831. 449 p. (In Russ.)
20. Worth Dean S. Animacy and adjective order: the case of nov"gorod'sk". An explanatory microanalysis. *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. XXXI–XXXII. 1985. P. 533–554.

Поступила в редакцию 11.01.2023

Принята к публикации 16.04.2023

Отредактирована 15.05.2023

Received 11.01.2023

Accepted 16.04.2023

Revised 15.05.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антоньева Дарья Андреевна — студентка I курса магистратуры филологического факультета РГПУ им. А. И. Герцена; daria.antonyeva@gmail.com

Дымарский Михаил Яковлевич — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка РГПУ им. А.И. Герцена / старший научный сотрудник ИЛИ РАН; dym2005@list.ru

ABOUT THE AUTHORS

Darya Antonyeva — 1st year master's student, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Herzen State Pedagogical University of Russia; daria.antonyeva@gmail.com

Mikhail Dymarsky — Prof. Dr., Department of Russian Language, Faculty of Philology, Herzen State Pedagogical University of Russia / Senior Researcher, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences; dym2005@list.ru

АНАЛИЗ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ПРЕДЕЛАХ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ПЕРСОНАЛЬНЫЕ КОМПЬЮТЕРНЫЕ УСТРОЙСТВА»

О.В. Дедова, Мао Юйянь

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; ov-dedova@yandex.ru*

Аннотация: В статье уточняется понятие *персональное компьютерное устройство*, устанавливаются границы и описывается структура данного лексико-семантического поля. Материалом исследования послужили лексемы, вышедшие за пределы сугубо профессионального дискурса. На номинации компьютерной сферы большое влияние оказывают англицизмы, и в русском языке наблюдается активная адаптация заимствований: словообразовательная деривация, калькирование, игровая паронимическая аттракция, метафорическое осмысление. Возможна также семантическая деривация русских узальных лексем. Все это свидетельствует о значительном словообразовательном и когнитивном потенциале современного русского языка.

Ключевые слова: персональные компьютерные устройства; неологизмы; заимствование; лексико-семантическое поле; словообразовательная деривация; семантическая деривация; калькирование; паронимическая аттракция

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-4

Для цитирования: Дедова О.В., Мао Юйянь. Анализ существительных в пределах лексико-семантического поля «персональные компьютерные устройства» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 4. С. 50–61.

ANALYSIS OF NOUNS WITHIN THE LEXICAL-SEMANTIC FIELD ‘PERSONAL COMPUTING DEVICES’

O.V. Dedova, Mao Yuyan

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; ov-dedova@yandex.ru

Abstract: This paper clarifies the concept of *personal computing devices*, which establishes boundaries and describes the structure of a given lexical-semantic field. The material of this study is lexemes beyond the pure professional discourse. Anglicisms had a great influence on nominations in the computer field. And the positive adaptations of loanwords were observed in Russian: word-formative derivation, calquing, game paronymic attraction, metaphorical comprehension.

Semantic derivation of Russian usual lexemes is also possible. All this testifies to the significant word-formation and cognitive potential of the modern Russian language.

Keywords: personal computing devices; neologisms; borrowing; lexical-semantic field; word-formative derivation; semantic derivation; calquing; paronymic attraction

For citation: Dedova O.V., Mao Yuyan. (2023) Analysis of Nouns Within the Lexical-Semantic Field 'Personal Computing Devices'. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 50–61.

Введение. Компьютерная сфера развивается стремительно, и это оказывает самое непосредственное влияние на современный русскоязычный узус — язык должен выработать способы обозначения инновационных реалий и соответствующие понятия.

В настоящее время в современном русском языке активно формируется лексико-семантическое поле «персональные компьютерные устройства». Данное поле частично пересекается с полем «интернет»: *модем, роутер* — это и периферийные устройства, и средства, обеспечивающие доступ в интернет; *браузер* — тип компьютерной программы, а также основное средство организации доступа к информации в интернете. Поэтому одной из главных задач исследования являлось определение границ поля «персональные компьютерные устройства». Поскольку поле имеет четкие денотативные границы, анализ осуществлялся в рамках ономаσιологического подхода (т. е. «от вещи к слову»).

Несмотря на свою коммуникативную востребованность, компьютерная лексика фрагментарно и непоследовательно представлена в современных лингвистических словарях, что делает актуальной задачу ее изучения и лексикографического описания.

О понятии *персональное компьютерное устройство*. При обсуждении границ поля «компьютер» важнейшей задачей является определение понятия *персональное компьютерное устройство*. Дело в том, что сейчас существуют различные типы мобильных устройств, использующих компьютерные технологии. Это позволяет рассматривать смартфоны, планшеты, смарт- (или умные) часы как разновидности персональных компьютерных устройств. На вопрос: «Вы бы определили смартфон как компьютер?» — Кен Каррикер (Ken Carriker), специалист компьютерной сферы, ответил: «Да, безусловно. В моем iPhone есть процессор, оперативная память, внутренняя память. Я могу использовать Word, Excel и PowerPoint на нем. Я редактирую фотографии и видео на нем. Я играю в игры. Я просматриваю веб-страницы. Это абсолютно компьютер. И его процессор A12 Bionic более мощный, чем процессоры многих ноутбуков»

и настольных компьютеров» ([https:// www.quora.com/Is-a-cell-phone-a-computer](https://www.quora.com/Is-a-cell-phone-a-computer)).

Определение *смартфона* как компьютера мы находим в современных энциклопедических и лингвистических словарях. Это — «разновидность коммуникатора... построенного на базе и в размерах сотовых телефонов, дополненных функциями КПК» [Воройский 2006]; «устройство, объединяющее в себе функции персонального организатора и мобильного телефона» [ТСРЯ начала XXI в.], а *организатор (персональный)* — это «карманный компьютер с небольшим набором функций; палмтоп» [там же]¹.

С нашей точки зрения, понятие «**персональное компьютерное устройство**» выделяется на основании соответствия следующим критериям: 1) данное устройство позволяет искать, хранить информацию в электронном (цифровом) виде, обрабатывать ее и обмениваться ею; 2) использует определенные типы программ, что обеспечивает совместимость с компьютером и другими компьютерными устройствами; 3) ориентировано на персональное использование, аккумулирует и хранит информацию о конкретном пользователе. Приведенные критерии позволяют конкретизировать понятие «персональное компьютерное устройство». Исходя из них, к этой категории не относится современная техника (бытовые приборы, фитнес-браслеты и т. д.), использующая компьютерные технологии, но не соответствующая первому критерию: работа с информацией и осуществление коммуникативных функций.

Структура ЛСП «персональные компьютерные устройства». Итак, в настоящее время активно используются различные устройства, которые по своим функциям должны быть отнесены к персональным компьютерам. Основу ЛСП «персональные компьютерные устройства» составляет ЛСГ существительных, что можно объяснить предметным, материальным характером самой денотативной сферы. Прилагательные и наречия также представлены, но деривационно (семантически и словообразовательно) они находятся под влиянием субстантивной зоны поля, т. е. прилагательные и наречия образуются преимущественно от именных основ и семантически с ними связаны. Например, *сисадмин* (от *системный администратор*) — *сисадминный* («**сисадминный** перфекционизм»), *сисадминно* («Все дело в попытке очень физично, технологично и **сисадминно** все описать»); *ноутбук* — *ноутбучный* («**ноутбучный** процессор»), *но-*

¹ Хотя словарь вышел относительно недавно (2007 г.), приведенные определения свидетельствуют о том, насколько стремительно развивается данная сфера и лексика, обозначающая ее реалии. *Организатор, палмтоп* — слова, практически вышедшие из русскоязычного обихода.

утбучно («А что, выглядит **ноутбучно**»); спам — спамный («**спамный** трафик на сайт»), спамно («ссылка выглядит **спамно**»). Подобные неузואльные окказионализмы образуются достаточно активно.

Источником глагольных номинаций также может быть словообразовательная деривация от заимствованных существительных: *хак* — *хакнуть* ('получить несанкционированный доступ к какой-либо информации'), *спам* — *спамить* ('массово рассылать нежелательную информацию, чаще всего рекламного характера'), *софт* — *софтить* ('устанавливать программное обеспечение на компьютер'), *ноутбук* — *ноутбучить* ('делать что-л. при использовании ноутбука', «Стал оды и поэмы **ноутбучить**»), но подобное явление представлено в гораздо меньшей степени, чем в лексике интернета (см. об этом [Петрухина, Де Пой 2021]). Есть примеры семантической деривации от узואльных глагольных лексем: скажем, компьютер может *тормозить* ('работать с замедлением по времени, медленно', ср. *тормозить* о человеке 'плохо соображать, медленно думать', разг. [ТСРЯ]), *висеть* ('конкретная программа или операционная система перестают реагировать на действия пользователя') или же, напротив, *летать* ('работать быстро, продуктивно').

Семантическая структура субстантивной зоны ЛСП «персональные компьютерные устройства». В данной статье объектом описания являются существительные указанного поля, так как эта зона — наиболее представительная и функционально востребованная. Компьютерные технологии стали входить в нашу жизнь с начала 80-х годов после «микрокомпьютерной революции» конца 70-х. Новые лексические пласты стихийно формировались в процессе распространения инновационных объектов и понятий, и поэтому семантическая классификация неологизмов компьютерной сферы невозможна без учета структуры самой денотативной сферы. Исходя из анализа названных двух факторов (характеристики «технологических» компьютерных реалий; семантика лексических единиц), в субстантивной зоне поля «персональные компьютерные устройства» нами были выделены шесть основных тематических групп: 1) тип персонального компьютерного устройства (ПКУ²); 2) названия

² В данном случае мы предлагаем аббревиатуру ПКУ (персональное компьютерное устройство) вместо ПК (персональный компьютер), поскольку последняя (ПК) прямо не указывает на мобильные устройства на основе компьютерных технологий (смартфон, планшет, смарт-, или умные часы). Распространенная (до недавнего времени) аббревиатура КПК (карманный персональный компьютер) также не относится к смартфонам, планшетам и умным часам. Еще одно название — *персональная ЭВМ* [Воройский 2006: 178–179] — нам не кажется удачным ввиду неупотребимости этой номинации в современном узусе.

частей и деталей ПКУ; 3) названия носителей информации, ее форматов, единиц измерения, форм организации хранения; 4) основные типы программного обеспечения; 5) пользователи компьютера, средства их персонализации; 6) работа ПКУ и основные сбои в работе. Важным принципом отбора материала являлось то, что в рассмотрение принимались лексемы, вышедшие за пределы сугубо профессионального дискурса. Нам представляется важным при анализе поля учитывать также и жаргонные номинации, поскольку многие из них являются достаточно распространенными в компьютерном дискурсе, а некоторые практически уже утратили жаргонный характер (например, *железо*, *комп* и др.).

Структура указанных тематических групп представляет собой семантическую иерархию, на основании которой могут быть выделены тематические подгруппы. Их названия указывают на семантический инвариант, объединяющий соответствующие лексемы.

Тематическая группа	Тематические подгруппы	Примеры
Тип персонального компьютера и компьютерного устройства³	1. Стационарные компьютеры	<i>стационарный компьютер, настольный компьютер, моноблок, комп</i> (разг.) — ‘то же, что и компьютер’
	2. Мобильные компьютерные устройства	<i>ноутбук, планшет, планшетный компьютер, смартфон, умные (смарт-) часы, ноут</i> (жарг.) — ‘то же, что и ноутбук’, <i>лэптоп</i> (жарг.) — ‘то же, что и ноутбук’, <i>айпад</i> — ‘1. планшетный компьютер фирмы Apple; 2. то же, что и ‘планшетный компьютер’ (разг.)’
Части и детали компьютера и персональных компьютерных устройств	1. Основные компоненты компьютерной системы	<i>дисплей, винчестер, жесткий диск, центральный процессор, кирпич</i> (жарг.) — ‘то же, что и центральный процессор’
	2. Периферийные устройства	<i>клавиатура, мышь, джойстик, кабель, клавиша</i> (жарг.) — ‘то же, что и клавиатура’
	3. Компьютерные аксессуары	<i>гарнитура, микрофон, веб-камера, вебка</i> (жарг.) — ‘то же, что и веб-камера’, <i>подмышка</i> (жарг.) — ‘коврик для мыши’

³ Подробнее об этом см. статью «Лексические способы наименования персонального компьютера в современном русском языке» [Мао Юйянь, Дедова 2021: 534–537].

Тематическая группа	Тематические подгруппы	Примеры
Носители информации, ее форматы, единицы измерения, формы организации хранения	1. Носители информации (встроенные и съемные)	Встроенные: <i>жесткий диск, оперативная память, мозги</i> (жарг.) — ‘то же, что и оперативная память’ Съемные: <i>дискета, флешка, компакт-диск, болванка</i> (жарг.) — ‘чистый компакт-диск’
	2. Формат информации	<i>GIF/гиф, JPEG/ джейпéг/джипéг, DOC/ док, PDF/пэдэф, гифка</i> (жарг.) — ‘файл в формате .gif’, <i>пэдэфка</i> (жарг.) — ‘файл в формате .pdf’
	3. Единицы измерения объема информации	<i>бит, мегабайт, гигабайт, терабайт, гектар</i> (жарг.) — ‘то же, что и гигабайт’
	4. Элементы файловой системы	<i>директория, каталог, папка, корневой каталог, корень</i> (жарг.) — ‘то же, что и корневой каталог’
Программное обеспечение и типы программ	1. Типы программ, их коммерческие названия	<i>операционная система / ОС, драйвер, редактор (текстовый, графический...), вирус, антивирус, фотошоп, ворд</i> (разг.), <i>ось</i> (жарг.) — ‘то же, что и ОС’, <i>дрова</i> (жарг.) — ‘то же, что и драйвер’, <i>фотожаба</i> — ‘то же, что и фотошоп’
	2. Элементы интерфейса	<i>меню, вкладка, кнопка, строка состояния, окно, фрейм, корзина, мусорка</i> (жарг.) — ‘то же, что и корзина’, <i>форточка</i> (жарг.) — ‘то же, что и фрейм’
	3. Помощь пользователю	<i>хелп, справка, ЧаВо</i> (жарг.) — ‘часто задаваемые вопросы’, <i>мануал</i> (жарг.) — ‘то же, что и справка’
Пользователи компьютера, средства их персонализации, их типичные действия	1. Тип пользователя	<i>компьютерщик, айтишник, хакер, чайник</i> (жарг.) — ‘неопытный пользователь’, <i>ламер</i> (жарг.) — ‘неопытный пользователь’
	2. Средства саморепрезентации и идентификации	<i>логин, пароль, аватар (-ка), пассиворд, пасс</i> (жарг.) — ‘то же, что и пассиворд’
Работа персональных компьютерных устройств, сбой в работе; действия пользователя при работе на компьютере		<i>зависание, баг</i> (жарг.) — ‘ошибка, сбой в работе компьютера или программы’, <i>глюк</i> (жарг.) — ‘то же, что и баг’ <i>инсталляция, загрузка, перезагрузка, удаление, аккорд</i> (жарг.) — ‘одновременное нажатие клавиш Ctrl-Alt-Del для перезагрузки’

Лексика указанных тематических групп в своей совокупности объективно отражает реалии компьютерной сферы. Компьютерная лексика — явление достаточно специфичное, в ряде случаев трудно определить стилистические характеристики неологических номинаций. Видимо, в данном вопросе необходимо учитывать функциональные критерии. Например, номинация *железо* ('электронные и механические части компьютерного устройства') воспринимается как стилистически маркированная ввиду своей живой метафоричности. Однако в непрофессиональном русскоязычном узусе данная реалья обозначается именно так, и более ограниченным в употреблении является термин-синоним *аппаратное обеспечение*. Как известно, стилистическая маркированность проявляется лишь на фоне синтагматических корреляций — стилистически нейтрально-го синонима, который в данном случае отсутствует.

Также не представляется простым вопрос о понятийной структуре исследуемого поля. Известны попытки описать структуру поля «компьютер» исходя из его ядра и периферии (см. [Турко 2007], но они не являются обоснованными. Нам кажется неубедительным отнесение к ядру поля «языковых средств репрезентации когнитивного слоя “машина”», к «ближней периферии» — «языковых средств репрезентации когнитивного слоя “информация”», а к «дальней» — «языковых средств репрезентации когнитивного слоя “человек”» [Турко 2007: 2–3]. Назначение компьютера как устройства — хранение, обработка и передача информации, и параметры его работы задаются человеком. Не случайно в современном русскоязычном узусе комплектующие компьютера (его электронные и механические части) без *софта* (программного обеспечения) — это *железо*.

Механизмы формирования жаргонизмов в ЛСП «персональные компьютерные устройства». Как видно из приведенных примеров, существенное влияние на лексический состав субстантивной зоны ЛСП «персональные компьютерные устройства» оказывает английский язык и соответствующие англицизмы. При этом русский язык, адаптируя англоязычную терминологию, использует различные механизмы. Наиболее четко эти тенденции прослеживаются при образовании компьютерных жаргонизмов. Задействованы следующие механизмы:

- **паронимическая аттракция:** *ось* от *операционная система*, *лазарь* от *лазерный принтер*, *фляжка* от *флеш-карта*, *нутыбьяка* от *ноутбук*, *клава* от *клавиатура*, *моня* от *монитор*, *мопед* от *модем*, *баня* от *бан* ('блокировка действий пользователя, запрещение доступа к чему-либо'), *винт* от *винчестер* (англ. *winchester* 'устройство на магнитных дисках для записи, хранения и считывания данных'), *шаровары* от англ. *shareware* ('условно бесплатное про-

граммное обеспечение, предоставляемое на короткий срок'), *батон* от англ. *button* ('клавиша клавиатуры'), *пентюх*, *пень* от англ. *Pentium* (торговая марка микропроцессоров). Паронимической аттракции может сопутствовать калькирование: *мелкоскофт* от англ. *Microsoft*. Некоторые паронимические переносы характеризуются системностью. Так, жаргонные обозначения единиц измерения информации (*метр* от *мегабайт*; *гектар* от *гигабайт*; *кило*, *килограмм* от *килобайт*) берутся из области единиц измерения физических величин (длины, площади, веса). С последним примером (*кило* от *килобайт*) семантически связано представление о размере информации, хранящейся в электронной форме, как о ее *весе*: *тяжелый* файл — файл большого объема.

- **словообразовательная деривация:**

усечение основы: *комп* от *компьютер*, *админ* от *администратор*, *прога* от *программа*, *ноут* от *ноутбук*, *винч* от *винчестер*, *пасс* от *пароль*, *каспер* от *касперский* (в последнем случае можно также увидеть «намеки» на паронимическую аттракцию, *каспер* — популярный герой мультфильмов, впервые появившийся в «Добром призраке»).

универбация: *вебка* от *веб-камера*, *флешка* от *флеш-карта*, *демка* и *демонстралка* от *демонстрационная версия*, *звуковуха* от *звуковая карта*, *струйник* от *струйный принтер*, *оперативка* от *оперативная память*, *лазерник* от *лазерный принтер*, *материнка* от *материнская плата*, *системник* от *системный блок*, *операционка* от *оперативная память*.

аббревиация: *ЧаВо* от *часто задаваемые вопросы* (калька английской аббревиатуры FAQ — 'Frequently Asked Questions').

суффиксация: *пис-юк* от англ. PC [п'ис'и], *дивиди-шк-а* / *дивид-юшк-а* от DVD [д'ив'ид'и], *сиди-шк-а*, *сид-юк* от CD, *компьютерщик* от *компьютер*, *айти-шник* от англ. IT [айт'и], *железяч-ник* ('специалист, занимающийся ремонтом и обслуживанием аппаратного обеспечения компьютера') от *железяка* ('аппаратное обеспечение компьютера'), *яблоч-ник* ('пользователь компьютеров фирмы Apple') от *яблоко*, *виндос-ник* ('пользователь компьютеров фирмы Microsoft') от англ. *Windows*. Суффиксация может предшествовать метафорический перенос: *лечи-лк-а* от *лечить* ('антивирусная программа'), *иска-лк-а* ('браузер') от *искать*. Суффиксация также сопровождает универбацию (см. примеры выше).

префиксация + суффиксация: *на-ладон-ник* ('карманный персональный компьютер, КПК').

усечение основы + суффиксация: *мон-ик* ('монитор').

- **семантическая деривация:** *пурга* — ‘масштабное удаление объектов из памяти компьютера’; *вес* — ‘размер файла в единицах, производных от байта’; *подмышка* — ‘коврик для мышки’; *блин* — ‘компакт-диск’; *мозги* — ‘оперативная память’; *движок* — ‘центральный процессор’; *лекарство* — ‘антивирусная программа’; *форточки* — ‘Windows — операционная система компании Microsoft’ (в данном случае сначала имеет место семантическое калькирование, а затем перенос на основе энантиосемии: *window* — *окно* — *форточка*); *двухголовый* — ‘компьютер с двумя мониторами’; *тазик* — ‘1. низкокачественный корпус ПК, чаще всего от неизвестных производителей. 2. компьютер не фабричной сборки’; *башня* — ‘системный блок’; *морда* — ‘монитор (дисплей)’ (ср. *намордник* — ‘защитный экран монитора’); *хвост* — ‘компьютерный кабель для подключения мыши’.
- **калькирование:** *междумордие* от англ. *interface*, *мелкософт* от *Microsoft* (о наличии в данном случае элементов паронимической аттракции см. выше).

При адаптации англицизмов можно наблюдать достаточно сложные механизмы языковой игры, где задействованы различные приемы. Так, номинация *ось* от *OS/OC* (англ. — *Operating system*; рус. — операционная система) формально представляет собой аббревиатуру, но поскольку конечный согласный произносится мягко [с’], то здесь создается эффект паронимической аттракции: *ось* — ‘стержень, на котором держатся колеса, вращающиеся части машин, механизмов и т. п.’, ‘то, вокруг чего развертываются какие-л. события, действия’ [ТСРЯ]. Исходя из узуальных значений слова *ось*, в данном случае можно усмотреть также и метафору, поскольку *операционная система* — это комплекс программ, управляющих работой компьютера, то есть наиважнейшая часть технологии. Т. о. в компьютерном жаргонизме реализованы семы «центральное положение», «основа, поддержка чего-л.», присутствующие в регулярных значениях. От коммерческого названия операционной системы *OS/2* образовался дериват *полуось*, где паронимически сближается *ось* (т. е. *OC* — *операционная система*) и англоязычная аббревиатура, а затем обыгрывается в виде дроби цифровое обозначение ее версии ($1/2$ = половина), при этом *полуось* — ‘вал, служащий для передачи вращения от двигателя ведущим колесам автомобиля, трактора’ [ТСРЯ].

В результате развития жаргонных и разговорных номинаций активно развивается стилистическая синонимия. С нашей точки зрения, основная причина развития подобных номинаций — стремление пользователей практически освоить элементы компьютерных технологий, а также адаптировать в русскоязычном дискурсе за-

имствуемые англицизмы, их обозначающие. Следует отметить, что в исследуемом поле есть синонимические ряды, где отсутствуют стилистически нейтральные члены. Так, например, в тематическую группу «пользователи компьютера, средства их персонализации, их типичные действия» входят слова, обозначающие уровень пользовательских компетенций, и здесь нет стилистически нейтральных номинаций: *сисадмин*⁴, *хакер*⁵ (жарг.) — ‘опытный пользователь компьютера’, *чайник* — *ламер* — *нуб* (жарг.) — ‘неопытный пользователь компьютера’. Само слово *компьютерицик* — основное лексическое средство, называющее человека, профессионально занимающегося компьютерами и компьютерными технологиями, — также является стилистически маркированным (помета *разг.* в [ТСРЯ начала XXI в.]) и не имеет стилистически нейтральных синонимов.

Выводы. Проведенное исследование показало, что ЛСП «персональные компьютерные устройства» представляет собой структурированную систему, единицы которой обладают рядом взаимосвязанных семантических, стилистических и грамматических признаков. Анализ существительных в пределах поля позволил сделать ряд выводов:

1. В настоящее время активно используются различные мобильные устройства, выполняющие функцию персональных компьютеров. В ЛСП «персональные компьютерные устройства» ЛСГ существительных является наиболее представительной и коммуникативно востребованной, ЛСГ глаголов, прилагательных и наречий находятся под влиянием субстантивной зоны поля. В состав ЛСГ существительных входят шесть тематических групп, большинство из которых делится на подгруппы.

2. В пределах поля наблюдаются активные деривационные процессы. Словообразовательная деривация, где в качестве мотивирующих основ выступают заимствуемые англицизмы, представлена здесь чрезвычайно широко, как и в области интернет-лексики. Помимо этого, наблюдается семантическая деривация русскоязычных узуальных лексем, калькирование, а также игровая паронимическая аттракция. В процессе создания номинаций данной сферы метафорическому осмыслению подвергаются инновационные реалии и понятия, их отражающие. Это свидетельствует об огромном когнитивном и словообразовательном потенциале современного русского языка.

⁴ От *системный администратор*; это не только ‘специалист высокой квалификации, обеспечивающий в организации штатное функционирование компьютерной техники и интернета’, но и ‘опытный пользователь компьютера’ (жарг.).

⁵ Лексема также многозначна в современном русском языке.

3. Состав поля находится в процессе активного формирования. Поскольку это стихийный процесс, многие номинации носят разговорный или жаргонный характер. В ряде случаев практически невозможно выявить степень окказиональности/узуальности того или иного новообразования, т. к. данная лексика в целом очень непоследовательно представлена в современных лингвистических словарях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воройский Ф.С. Информатика. Энциклопедический словарь-справочник: введение в современные информационные и телекоммуникационные технологии в терминах и фактах. М., 2006.
2. Мао Юйянь, Дедова О.В. Лексические способы наименования персонального компьютера в современном русском языке // МНКО. 2021. №3 (88). С. 534–547.
3. Петрухина Е.В., Де Пой М.Э. Глагольные неологизмы в неформальной коммуникации пользователей Рунета: корпусный, количественный и концептуальный анализ // Когнитивные исследования языка. 2021. Т. 47. № 4. С. 361–370.
4. ТСРЯ начала XXI в. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Складневской. М., 2007.
5. ТСРЯ Толковый словарь русского языка в 2 т. / авт.-сост. С.А. Кузнецов. М., 2020.
6. Турко У.И. Лингвокогнитивный анализ компьютерной терминологии русского языка: дисс. ... канд. филол. наук. Елец, 2007.

REFERENCES

1. Voroytsky F.S. *Informatika. Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik: vvedeniye v sovremennyye informatsionnyye i telekommunikatsionnyye tekhnologii v terminakh i faktakh* [Informatics. Encyclopedic dictionary-reference book: an introduction to modern information and telecommunication technologies in terms and facts]. Moscow, *Fizmatlit Publ.*, 2006. 768 p.
2. Mao Yuyan, Dedova O.V. *Leksicheskiye sposoby naimenovaniya personal'nogo komp'yutera v sovremennom russkom yazyke* [Lexical ways of naming a personal computer in modern Russian]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education]. 2021, № 3 (88), pp. 534–547. (In Russ.)
3. Petrukhina Ye.V., De Poy M.E. *Glagol'nyye neologizmy v neformal'noy kommunikatsii pol'zovateley Runeta: korpusnyy, kolichestvennyy i kontseptual'nyy analiz* [Verbal neologisms in informal communication of Runet users: corpus, quantitative and conceptual analysis]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive language studies]. 2021, T. 47, № 4, pp. 361–370. (In Russ.)
4. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka nachala XXI veka. Aktual'naya leksika* [Explanatory dictionary of the Russian language at the beginning of the XXI century. Current vocabulary]. Moscow, *Eksmo Publ.*, 2007. 1136 p.
5. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka v 2 t.* [Explanatory dictionary of the Russian language in 2 volumes]. Moscow, *Russkoye slovo — uchebnyk Publ.*, 2020. 2952 p.
6. Turko U.I. *Lingvokognitivnyy analiz komp'yuternoy terminologii russkogo yazyka*. Diss. kand. filol. nauk [Linguocognitive analysis of computer terminology of the Russian language. Cand. philol. sci. diss.]. Yelets, 2007. 307 p.

Поступила в редакцию 20.05.2023

Принята к публикации 20.06.2023

Отредактирована 10.07.2023

Received 20.05.2023

Accepted 20.06.2023

Revised 10.07.2023

ОБ АВТОРАХ

Дедова Ольга Викторовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ov-dedova@yandex.ru

Мао Юйянь — аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; maoyuyann@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Olga Dedova — Prof. Dr., Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; ov-dedova@yandex.ru

Maо Yuuyan — Ph. D. Student, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; maoyuyann@gmail.com

КОНСТРУКЦИИ С МАРКЕРОМ *KAD'JOS* В ТАТЫШЛИНСКОМ ГОВОРЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

Ю.В. Сеницына

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; jv.sinitsyna@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается один из случаев употребления сравнительного маркера *kad'* в татышлинском говоре удмуртского языка — конструкция вида *N kad'jos*, где *N* — существительное или местоимение, а *kad'jos* — форма сравнительного маркера *kad'* с показателем множественного числа *-jos*, характерным для существительных (например, *pet'a kad'jos* [Петя как-рл] 'такие как Петя'). Данная конструкция зафиксирована в работах по грамматике удмуртского языка, однако в них не указаны морфосинтаксические и семантические ограничения на ее употребление. Согласно нашим полевым данным, собранным в Татышлинском районе Республики Башкортостан, ограничение на зависимое *kad'jos* подчиняется иерархии одушевленности. Носителями однозначно допускаются все личные местоимения, имена собственные, а также одушевленные имена, обозначающие людей; в некоторых идиолектах допустимо и употребление одушевленных имен, не обозначающих людей. В то же время все опрошенные носители отвергают конструкции, в которых зависимым *kad'jos* является неодушевленное имя. Наш анализ данной конструкции предполагает наличие фонологически не выраженного вершинного имени, зависимым которого является группа *N kad'jos*. Таким образом, конструкция *N kad'jos* является частным случаем применимых сравнительных конструкций, в которых вершинное имя остается невыраженным, — в отличие от случаев, когда группа с маркером *kad'* является зависимым от предиката.

Ключевые слова: сравнительные конструкции; эквативные конструкции; иерархия одушевленности; уральские языки; удмуртский язык

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-5

Финансирование: Исследование выполнено в рамках проекта РФФ № 22-18-00285 (МГУ имени М.В. Ломоносова).

Для цитирования: Сеницына Ю.В. Конструкции с маркером *kad'jos* в татышлинском говоре удмуртского языка // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 4. С. 62–71.

CONSTRUCTIONS WITH THE MARKER *KAD'JOS* IN TATYSHLY UDMURT

Julia Sinitsyna

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; jv.sinitsyna@yandex.ru

Abstract: The study investigates one of the uses of the equative marker *kad'* in Tatyshly Udmurt — the construction N *kad'jos*, where N is a noun or a pronoun and *kad'jos* is a form of the marker *kad'* with the plural noun affix *-jos* (cf. *pet'a kad'jos* [Petya like-PL] '[somebody] like Petya'). This construction is attested in works on the grammar of Udmurt, but its morphosyntactic and semantic restrictions are not properly discussed. According to my field data collected in the Tatyshly district of the Republic of Bashkortostan, the restrictions on the dependent of the marker *kad'jos* are formulated in terms of the animacy hierarchy. The speakers allow the use of all personal pronouns, proper names, as well as human animate nouns; in some dialects it is also possible to use non-human animate nouns, and all the interviewed speakers rejected constructions with an inanimate noun as a dependent of *kad'jos*. I propose an analysis of this construction which suggests the presence of a phonologically covert head noun. The construction N *kad'jos* is a dependent of this head noun, and thus may be considered as an equative construction belonging to the nominal type, cf. the other type of equative constructions where the phrase with *kad'* is a dependent of the predicate.

Keywords: comparative constructions; equative constructions; animacy hierarchy; Uralic languages; Udmurt

Funding: This research is supported by the Russian Science Foundation, project # 22-18-00285 (Lomonosov Moscow State University).

For citation: Sinitsyna J.V. (2023) Constructions with Marker *Kad'jos* in Tatyshly Udmurt. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 62–71.

1. Введение

В статье рассматривается один из контекстов употребления сравнительного маркера *kad'* в татышлинском говоре удмуртского языка (имеющем существенные отличия от литературного варианта) с параллелями из литературного удмуртского языка. В (1) в качестве подлежащего выступает сочетание имени собственного *pet'a* и маркера *kad'* 'как', оформленного именным показателем множественного числа *-jos*. Конструкция имеет значение, аналогичное конструкции *такие, как (Петя)* в русском языке. Далее мы будем условно обозначать такую конструкцию N *kad'jos*.

- (1) mǎnǎm pet'a kad'-jos kule.
я.ДАТ Петя как-PL нужно
'Мне нужны такие, как Петя.'

Из-за того, что *kad'* присоединяет показатель множественного числа *-jos*, конструкция получает множественную интерпретацию. Ее употребление в единственном числе допускается не всеми опрошенными носителями исследуемого говора (2)¹, поэтому далее основное внимание будет сосредоточено на конструкции N *kad' jos*.

- (2) ʔm̄n̄m̄ pet'a kad' kule
я.ДАТ Петя как нужно
'Мне нужен такой, как Петя.'

В статье будут рассмотрены морфосинтаксические и семантические ограничения, а также представлен вариант анализа данной конструкции. Материал собран методом анкетирования в ходе экспедиций в Татышлинский район Республики Башкортостан (д. Старый Кызыл-Яр, с. Нижнебалтачево, с. Старокальмиярово, д. Ивановка, с. Новые Татышлы) в 2021–2022 гг. Примеры, полученные при анкетировании, приводятся без помет в фонологической транскрипции. В примерах из других источников система записи сохранена.

Статья имеет следующую структуру. Раздел 2 содержит основные сведения о маркере *kad'*. В разделе 3 приводятся данные об употреблении конструкции N *kad' jos*. Раздел 4 посвящен анализу конструкции. Выводы представлены в разделе 5.

2. Некоторые свойства маркера *kad'*

В [ГСУЯ 1962: 331] *kad'* описывается как служебное сравнительное слово, употребляющееся в значении сравнительного союза. Его функция — ввод в сравнительную конструкцию стандарта сравнения, т. е. элемента, с которым сопоставляется объект сравнения, ср. схожую функцию маркера *как* в русском языке: *он такой же высокий, как мой брат*. Мы будем называть данную функцию *kad'* маркером стандарта вслед за типологическими работами, см., например, [Haspelmath et. al. 2017].

Маркер стандарта *kad'* употребляется в эквативных конструкциях, подразумевающих одинаковую степень проявления признака или схожий образ действия у объекта и стандарта сравнения (3).

- (3) pet'a va'sa kad' d'užət.
Петя Вася как высокий
'Петя высокий, как Вася.'

¹ Для некоторых носителей пример (2) оказался допустим в случае добавления посессивного суффикса 3SG к *kad'* (*m̄n̄m̄ pet'a kad'ez kule* 'Мне нужен такой, как Петя'). Суффикс *-ez* может иметь не только посессивное значение, как в данном случае (см., например, [ГСУЯ 1992: 84–85]), однако функции данного показателя не изучались подробно в татышлинском говоре. Ввиду этого мы оставляем вопрос о взаимодействии посессивных показателей и обсуждаемой в статье конструкции для дальнейших исследований.

Помимо маркера *kad'*, в эквативных конструкциях употребляется маркер *s'amen* 'по' (диалектный вариант — *s'ain*), однако только *kad'* возможен в случае приименного сравнения. В (4) группа *gorodân kad' / s'ain* 'как в городе' является зависимым от глагола (*ulis'ko* 'живу'), падежное оформление стандарта сравнения (*gorodân* 'в городе') совпадает с падежным оформлением объекта сравнения (*gurtân* 'в деревне'). В (5) стандарт сравнения *gorod* 'город' не маркирован специальным падежом, и группа стандарта является определением к имени *gurtân* 'в деревне'. Статус конструкции с маркером *kad'jos* будет подробнее обсуждаться в разделе 4.

- (4) mon [**gorod-ân kad'** / **gorod-ân s'ain**] [gurt-ân ul-is'ko-Ø]
 я город-ЛОС как город-ЛОС по деревня-ЛОС жить-PRS-1SG
 'Я живу в деревне, как [жила бы] в городе.'
- (5) mon [[**gorod kad'** / ***gorod s'ain**] gurt-ân] ul-is'ko-Ø
 я город как город по деревня-ЛОС жить-PRS-1SG
 'Я живу в деревне, похожей на город.'

3. Конструкция N *kad'jos*

3.1. Данные предшественников

В работах по удмуртскому литературному языку зафиксированы следующие факты о конструкции N *kad'jos*. Во-первых, она может быть не только подлежащим, но и дативным дополнением, косвенным дополнением, а также занимать позицию обладателя в посессивной конструкции [Яшина 1963: 47–48]. Во-вторых, в приведенных в [Яшина 1963] примерах зависимыми *kad'jos* оказываются личные местоимения или существительные, обозначающие одушевленный объект.

В-третьих, отмечается возможность употребления в данной конструкции прилагательного (6а), однако в таких примерах предполагается эллипсис существительного, обозначающего действующее лицо (6б) [ГСУЯ 1970: 89].

- (6) а. Кылык-тэм кадь-ёс отын но кеся-ськ-о.
 нрав-САР как-PL там.ЛОС ADD рвать-DETR-PRS.3PL
 'Такие нетактичные и там кричат'. [ibid.]
- б. кылык-тэм мурт кадь-ёс
 нрав-САР человек как-PL
 'такие, как нетактичный человек' [ibid.]

Тем не менее в грамматических описаниях нет подробного анализа данной конструкции, также она не изучалась детально на материале удмуртских диалектов.

3.2. Полевые данные

Наши полевые данные не противоречат описанию Р.И. Яшиной, согласно которому конструкция N *kad'jos* допустима не только в позиции подлежащего. Примеры (7)–(9) иллюстрируют ее употребление в позиции прямого (7), дативного (8) и косвенного дополнения (9).

- (7) mon **pet'a** **kad'-jos-êz** ž'arat-is'ko-Ø.
я Петя как-PL-ACC любить-PRS-1SG
'Я люблю таких, как Петя.'
- (8) mar **pet'a** **kad'-jos-lê** kâzêg-on-ez?
что Петя как-PL-DAT влюбляться-VN-POSS.3SG
'Что влюбляться в таких, как Петя?'
- (9) mânâm **ruslan** **kad'-jos-ên** ul-em-e pot-e.
я.GEN Руслан как-PL-INS жить-NMLZ-POSS.1SG выйти-PRS.3SG
'Мне хочется жить с такими, как Руслан.'

Исходя из приводимых в [Яшина 1963] примеров с одушевленными объектами, можно предположить, что на допустимость конструкций с маркером *kad'jos* влияет параметр одушевленности. Данное утверждение было проверено с опорой на типологическую иерархию одушевленности М. Сильверстейна, представленную в (10):

- (10) 1st person > 2nd person > 3rd person > proper name > human > non-human animate > inanimate [Silverstein 1976: 122]

Пример (7) иллюстрирует употребление *kad'jos* с именем собственным. Допустимы также употребления с местоимениями 1-го, 2-го, 3-го лица (11)–(13) и с существительными, обозначающими людей (14).

- (11) mon **kad'-jos-len** vahêt-zê ortč'-i-z.
я как-PL-GEN время-POSS.3PL пройти-PST-3SG
'Время таких, как я, прошло.'
- (12) mânâm **ton** **kad'-jos** kule.
я.DAT ты как-PL нужно
'Мне нужны такие, как ты.'
- (13) mânâm **so** **kad'-jos** kule.
я.DAT тот как-PL нужно
'Мне нужны такие, как он.'

- (14) ta pi kad'-jos-len vaḡât-zâ ortč'-i-z.
 этот мальчик как-PL-GEN время-POSS.3PL пройти-PST-3SG
 'Время таких, как этот мальчик, прошло.'

Пример (15) иллюстрирует употребление маркера *kad'jos* с одушевленным существительным, не обозначающим человека. Данный пример оказался приемлем не для всех опрошенных носителей.

- (15) ?mânâm ta pûnâ kad'-jos kule.
 я.DAT этот собака как-PL нужно
 'Мне нужны такие [собаки], как эта собака.'

Употребление конструкции N *kad'jos* с неодушевленными существительными не допускается:

- (16) *mânâm ta kn'iga kad'-jos kule.
 я.DAT этот книга как-PL нужно
 Ожидаемое значение: 'Мне нужны такие [книги], как эта книга.'

Таким образом, данная конструкция покрывает значения иерархии одушевленности, представленные на схеме (17). Это подтверждает ранее сделанное предположение на основе данных из грамматических описаний [Яшина 1963; ГСУЯ 1970]) о том, что маркер *kad'jos* в рассматриваемой конструкции употребляется только с одушевленным именем. Более того, предпочтительнее оказываются имена, обозначающие людей.

- (17) ^{OK}1st person > ^{OK}2nd person > ^{OK}3rd person > ^{OK}proper name > ^{OK}human > ?non-human animate > *inanimate

4. Теоретическое обсуждение

Мы предполагаем, что конструкция N *kad'jos* является частным случаем приименной сравнительной конструкции. Сравнительные конструкции (*Петя такой же высокий, как Вася / выше Васи*) подразумевают наличие двух участников — самого сравниваемого объекта и стандарта, с которым его сравнивают, — а также параметра сравнения². В приименной сравнительной конструкции объект сравнения является вершиной именной группы, в которую входят параметр и стандарт сравнения (*В магазин ушел [[мальчик] [выше Васи]]*).

Удмуртский сравнительный маркер *kad'* может использоваться как в предикативных, так и в приименных сравнительных конструкциях. Например, в (18а) группа стандарта (*mi kad'* 'как мы') нахо-

² Параметр может не выражаться эксплицитно, например, в конструкциях, подразумевающих сравнение по образу действия (ср. *она поет как соловей* = ее манера пения похожа на пение соловья) [Haspelmath, Buchholz 1998: 277–278].

дится в препозиции к вершинному имени (*murtjoslen* ‘людей’). Логично предположить в (18б) наличие невыраженной вершины (в примере она обозначена как Ø). С помощью квадратных скобок показана структура составляющих для вершины и зависимой группы стандарта.

- (18) а. [[mi kadʹ] murt-jos-len] vaxât-zê ortčʹ-i-z.
мы как человек-PL-GEN время-POSS.3PL пройти-PST-3SG
- б. [[mi kadʹ]-Ø-jos-len] vaxât-zê ortčʹ-i-z.
мы как-Ø-PL-GEN время-POSS.3PL пройти-PST-3SG
‘Время таких, как мы, прошло’.

Наличие невыраженной вершины косвенно подтверждается тем, что единица *kadʹ*, выступая в качестве маркера стандарта в предикативной сравнительной конструкции, имеет специальный показатель множественного числа прилагательных *-esʹ* (о его употреблении с прилагательными см. [Winkler 2001: 39], о более широкой дистрибуции в центральном диалекте удмуртского языка см. [Сапарова 2018]). Показатель множественного числа существительных *-jos* в такой конструкции неграмматичен для *kadʹ* (19). Следовательно, наличие показателя именного множественного числа *-jos* в конструкции N *kadʹ jos* можно объяснить, предположив, что он относится к вершинному имени, но, поскольку оно не имеет фонологического выражения, присоединяется к ближайшему произносимому элементу [Saab, Lipták 2016: 15]. Таким элементом оказывается маркер *kadʹ*.

- (19) m̄nam pi-jos-(â) kart-e kadʹ-(esʹ) / *kadʹ-jos.
я.GEN сын-PL-POSS.1SG муж-POSS.1SG как-PL.ADJ как-PL
‘Мои сыновья такие же, как мой муж’. [Кожевникова 2022: 13]

В пользу наличия невыраженной вершины говорят и другие конструкции удмуртского языка, в которых можно усматривать похожую модель эллипсиса: конструкции со сравнительными постпозитивными маркерами типа *жужда* ‘высотой с’ (20), несерийными послелогами (*тон-эн сэренъ-ёс* [ты-INS из-за-PL] ‘те, которые из-за тебя’ [ГСУЯ, 1970: 79], конструкции с прилагательными (*бадъымъ-ёс* большой-PL)³.

- (20) Со **жужда-ос** артиллерийской част-е мын-й-зы...
он высотой_с-PL артиллерийский часть-ILL идти-PST-3PL
‘Такие высокие, как он, шли в артиллерийскую часть...’ [ГСУЯ 1970: 80]

³ Пример взят из корпуса литературного языка (<http://udmurt.web-corpora.net/>). В корпусе татышлинского говора (<http://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/>) также находятся случаи употребления прилагательных с именным показателем множественного числа и без посессивных показателей.

Маркер *жужда*, как и прилагательные, также обычно присоединяет адъективный показатель множественного числа *-есь* (21). Однако в (20) *жужда* оформлено именным показателем *-ос*, и структура конструкции *Со жуждаос*, по-видимому, схожа с конструкцией *N kad' jos*.

(21) Посьгурынъ-ёс-ыз пужым жужда-есь лу-илля-м.
Перец-PL-POSS.3SG сосна высотой-PL.ADJ статья-2/3PL-PST2
'Перцы были высотой с сосну'. [Корпус удмуртского языка⁴, Удмурт дунне 2010.11.09]

Дальнейшее рассмотрение удмуртских эллиптических конструкций и возможности употребления *-jos* с другими постпозитивными маркерами и именными модификаторами мы оставим за рамками настоящего исследования.

5. Заключение

В статье были рассмотрены случаи употребления конструкции *N kad' jos* в татышлинском говоре удмуртского языка. Предположение об ограничениях на одушевленное зависимое маркера *kad' jos*, сделанное на основе грамматических описаний, было подтверждено и дополнено на основании полевых данных с опорой на типологическую иерархию одушевленности М. Сильверстейна. Были предложены аргументы в пользу того, чтобы считать эту конструкцию частным случаем приименной сравнительной конструкции с невыраженным вершинным именем. Кроме этого, были приведены примеры схожих конструкций из литературного удмуртского языка, которые ставят задачу дальнейшего расширения исследования конструкций типа *N kad' jos* на материале как татышлинского говора, так и других вариантов удмуртского языка.

СОКРАЩЕНИЯ

1, 2, 3 — лицо, ACC — аккузатив, ADD — аддитив, CAR — каритив, DAT — датив, DETR — детранзитив, GEN — генитив, ILL — иллатив; INS — инструменталис, LOC — локатив, NMLZ — номинализация, PL — множественное число, PL.ADJ — адъективное множественное число, POSS — посессивность, PRS — настоящее время, PST(2) — прошедшее время, SG — единственное число, VN — глагольное имя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология / Под ред. П.Н. Перевощикова. Ижевск, 1962.
2. Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения / Под ред. В.И. Алатырева. Ижевск, 1970.

⁴ <http://udmurt.web-corpora.net/>

3. Кожевникова Э.К. Неглагольная предикация в татышлинском удмуртском. Экспедиционный отчет. Рукопись, 2022.
4. Сапарова Д.А. Согласование по числу прилагательных в удмуртском языке // Проблемы языка. Сборник статей по материалам конференции «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». М. 2018. С. 160–180.
5. Яшина Р. И. Сравнительные конструкции в удмуртском языке. Ижевск, 1963.
6. Haspelmath M. & the Leipzig Equative Constructions Team // Equative constructions in worldwide perspective. Similitive and equative constructions: A crosslinguistic perspective / Y. Treis, M. Vanhove (eds.). Amsterdam, 2017. P. 9–33.
7. Haspelmath M., Buchholz O. Equative and similitive constructions in the languages of Europe // Adverbial constructions in the languages of Europe / J. van der Auwera (ed.). Berlin, 1998. P. 277–334.
8. Saab A., Lipták A. Movement and deletion after syntax: Licensing by inflection reconsidered // *Studia Linguistica*. 2016. № 70. P. 66–108.
9. Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity // *Grammatical Categories in Australian Languages* / R. M. W. Dixon (ed.). Canberra, 1976. P. 112–171.
10. Winkler E. Udmurt. Munich, 2001.

REFERENCES

1. Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka. Fonetika i morfologiya [Grammar of Contemporary Udmurt. Phonetics and morphology]. P.N. Perevoshchikov (ed.). Izhevsk, *Udmurtskoe knizhnoe izdatel'stvo*, 1962. 376 p. (In Russ.)
2. Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka. Sintaksis prostogo predlozheniya [Grammar of Contemporary Udmurt. Syntax of simple sentences]. V.I. Alatyrev (ed.). Izhevsk, *Udmurtiya*, 1970. 250 p. (In Russ.)
3. Kozhevnikova E.K. *Neglagol'naya predikatsiya v tatyshlinskom udmurtskom* [Non-verbal predication in Tatyshly Udmurt]. Field report, 2022. 15 p. (In Russ.)
4. Saparova D.A. Soglasovanie po chislu prilagatel'nykh v udmurtskom yazyke [Number agreement of adjectives in Udmurt]. *Problemy yazyka. Sbornik statei po materialam konferentsii «Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh»*. Moscow, *Institut yazykoznaniya RAN*. 2018, pp. 160–180.
5. Yashina R.I. Sravnitel'nye konstruktсии v udmurtskom yazyke [Comparative constructions in Udmurt]. Izhevsk, *Udmurtskoe knizhnoe izdatel'stvo*, 1963. 91 p. (In Russ.)
6. Haspelmath M. & the Leipzig Equative Constructions Team. Equative constructions in worldwide perspective. *Similitive and equative constructions: A crosslinguistic perspective*. Y. Treis, M. Vanhove (eds.). Amsterdam, *John Benjamins*, 2017, pp. 9–33.
7. Haspelmath M., Buchholz O. Equative and similitive constructions in the languages of Europe. *Adverbial constructions in the languages of Europe*. J. van der Auwera (ed.). Berlin, *Mouton de Gruyter*, 1998, pp. 277–334.
8. Saab A., Lipták A. Movement and deletion after syntax: Licensing by inflection reconsidered. *Studia Linguistica*, 2016. № 70, pp. 66–108.
9. Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity. *Grammatical Categories in Australian Languages*. R.M.W. Dixon (ed.). Canberra, *Australian Institute of Aboriginal Studies*, 1976, pp. 112–171
10. Winkler E. Udmurt. Munich, 2001.

Поступила в редакцию 16.02.2023

Принята к публикации 16.04.2023

Отредактирована 10.06.2023

Received 16.02.2023

Accepted 16.04.2023

Revised 10.06.2023

ОБ АВТОРЕ

Синицына Юлия Вячеславовна — аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; jv.sinitsyna@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Julia Sinitsyna — PhD Student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; jv.sinitsyna@yandex.ru

ДЖ. ХИКС И ФОРМИРОВАНИЕ ГЕРМАНИСТИКИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ КОНЦА XVII — НАЧАЛА XVIII ВЕКОВ

Н.Н. Германова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва,
Россия; nata-germanova@yandex.ru*

Аннотация: В статье анализируется вклад Дж. Хикса (1642–1715), автора грамматики древнеанглийского языка и «Критического грамматического и археологического тезауруса ранних северных языков», в интеллектуальную жизнь своего времени. Сплотив вокруг себя в конце XVII — начале XVIII веков группу «оксфордских саксонистов», Дж. Хикс способствовал углубленному изучению древнеанглийского языка и культуры, публикации текстов на древних германских языках и их переводу на новоанглийский язык. С точки зрения истории компаративистики его работы, рассматривавшие древнеанглийский в кругу других германских языков, свидетельствуют, несмотря на содержащиеся в них фактические ошибки, о формировании на этом раннем этапе таких ключевых концептов, как праязык и родословное древо. К его достижениям относятся первые попытки описать древнеанглийские диалекты и древние поэтические памятники.

С учетом этого странным, на первый взгляд, может показаться критическое отношение к трудам Дж. Хикса и других «оксфордских саксонистов» многих их современников. Причиной этого был, во-первых, интеллектуальный климат того времени. В эпоху, когда большинство британских интеллектуалов видели свои исторические корни в культуре Древней Греции и Рима, исследователи древнеанглийского языка предлагали принципиально иное осмысление истории британской нации. Фактически речь шла о формировании новой англосаксонской идентичности. Во-вторых, непривычными были строгие, близкие к современным методы текстологической работы, а также сухая манера изложения. Третьей причиной был практический уклон большинства прескриптивных грамматик XVIII века, искавших критерии правильности в современном им узусе, а не в памятниках древней словесности.

Ключевые слова: «оксфордские саксонисты»; изучение древнеанглийского языка; англосаксонская идентичность; Дж. Хикс; Э. Туэйтс; Э. Элстоб

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-6

Для цитирования: Германова Н.Н. Дж. Хикс и формирование германистики в Великобритании конца XVII — начала XVIII веков // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 4. С. 72–81.



G. HICKES AND THE DEVELOPMENT OF GERMANIC STUDIES IN GREAT BRITAIN AT THE END OF THE 17th AND THE BEGINNING OF THE 18th CENTURIES

Natalia Guermanova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; nata-germanova@yandex.ru

Abstract: The article analyses the contribution of G. Hickes (1642–1715), the author of an Anglo-Saxon grammar and *Linguarum vett. septentrionalium thesaurus grammatico-criticus et archaeologicus*, into the intellectual life of his time. Gathering around him the group of ‘Oxford saxonists’, he promoted the study of the Anglo-Saxon language and culture, the publication of texts in ancient Germanic languages and their translation into Late Modern English. In the context of the history of comparative linguistics, his works, in which Anglo-Saxon was considered alongside other Germanic languages, testify, in spite of their deficiencies, to the emergence in that early period of such important concepts as a parent language and a family tree. His achievements include the first description of Anglo-Saxon dialects and poetry.

Taking into consideration Hickes’ attainments, one might find it strange that many of his contemporaries viewed his research and that of other Oxford saxonists in a critical light. The first reason lay in the intellectual climate of his time. In an age when most British intellectuals saw their historical roots in the culture of Ancient Greece and Rome, the scholars suggested a principally different interpretation of the roots of the British nation. In fact, they contributed to the emergence of a new Anglo-Saxon identity. Secondly, their contemporaries found strange and pedantic their scholarly methods of textological analysis, which, actually, were quite close to modern ones, and the dry style of their works, the abundance of terms and complicated syntactic structures. The third explanation is the practical bias of most prescriptive grammars of the 18th century, which looked for criteria of correctness not in historical records, but in contemporary usage.

Keywords: Oxford saxonists; Anglo-Saxon studies; Anglo-Saxon identity; G. Hickes; E. Thwaites; E. Elstob

For citation: Guermanova N.N. (2023). G. Hickes and the Development of Germanic Studies in Great Britain at the End of the 17th and the Beginning of the 18th Centuries. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 72–81.

Введение. Предпосылки формирования компаративистики, на первый взгляд, достаточно хорошо описаны. Однако степень проработки этой темы в рамках различных национальных лингвистических традиций существенно варьирует. Так, в отечественной лингвистике слабо затронутой остается история изучения древнеанглийского языка и формирования британской германистики, начало которой уходит корнями в деятельность антиквариев XVI века. В Великобритании, напротив, история обретения англосаксонского прошлого британскими интеллектуалами XVI–XVIII ве-

ков в последние годы привлекает все большее внимание исследователей (Р. Брэкманн, Дж. Найлз, Т. Грэхем, К. Кумар, Д.М.Ф. Вуд, Р. Суит и др.), хотя ряд авторов ограничивается анализом исторических и политических взглядов британских антиквариев и их последователей.

Между тем деятельность британских филологов-германистов представляет несомненный интерес. Деятельность лингвистов сыграла важную роль в формировании «англосаксонизма» как основы культурной идентичности британцев в эпоху, когда большая часть интеллектуальной элиты усматривала свои исторические корни в культуре Древней Греции и Рима [Niles 2015; Graham 2020; Wood 2020]. В контексте лингвистической историографии исследования древнеанглийского языка в его связях с другими германскими языками являются вкладом в формирование британской германистики и, шире, сравнительно-исторического языкознания. С точки зрения становления методов исторического и лингвистического исследования памятников старины деятельность исследователей англосаксонского прошлого демонстрирует выработку современных методов текстологической работы. Отметим также восходящее еще к работам антиквариев XVI века стремление рассматривать лингвистические данные совместно с изучением духовной и материальной культуры (топонимика как часть хорографических исторических работ, анализ лексической семантики для интерпретации древних законов и т. п.).

В настоящей статье речь пойдет о Дж. Хиксе (1642–1715) — ключевой фигуре в британской германистике конца XVII — начала XVIII веков. Хотя своим современникам он был известен также как активный политический и религиозный деятель, автор теологических трактатов, для современного читателя он представляет интерес преимущественно как филолог, активно способствовавший формированию германистики — научного предмета, нового для Великобритании его времени.

Между тем в работах отечественных лингвистов он в лучшем случае удостоивается беглого упоминания как автор первой британской грамматики древнеанглийского языка; главный лингвистический труд его жизни, «Критический грамматический и археологический тезаурус ранних северных языков», вообще не упоминается.

В настоящей статье будут освещены лингвистические труды Дж. Хикса и их неоднозначная рецепция современниками и проанализированы причины неприятия его работ рядом его современников.

1. Дж. Хикс: судьба и научное творчество. Научная деятельность Дж. Хикса (1642–1715) была тесно связана с Оксфордом: в 1659 году он поступил в Оксфордский университет, где его учителем стал

Томас Маршалл, ученик выдающегося голландского ученого Франциска Юниуса. В Оксфорде начался и его путь священника. Там же были опубликованы его лингвистические труды.

В Оксфордском университете сложилась научная атмосфера, способствовавшая становлению новой научной дисциплины — изучению древнеанглийского языка и культуры. В 1769 году там впервые в Великобритании началось преподавание англосаксонской истории (первым лектором стал У. Николсон, с 1698 года его сменил сподвижник Дж. Хикса Э. Туэйтс). В Оксфорде в 1659 году был издан первый словарь древнеанглийского языка У. Сомнера. Там провел свои последние годы Франциск Юниус, завещавший Оксфорду шрифты для печати древнегерманских текстов и свою библиотеку [Graham 2020; Niles 2015].

В итоге во второй половине XVII века в Оксфорде сложилась группа ученых, получившая название «оксфордских саксонистов» (Oxford saxonists). Ядром этой группы были Дж. Хикс и Э. Туэйтс. В их научное окружение входили Э. Гибсон, опубликовавший «Саксонскую хронику» (1692); К. Ролингсон, издавший выполненный королем Альфредом Великим перевод на древнеанглийский язык «Утешения философией» Боэция (1698); Т. Бенсон, составивший дополнения к словарю древнеанглийского языка У. Сомнера; палеограф-самоучка Х. Уэнли, впоследствии ставший хранителем отдела рукописей в Бодлианской библиотеке; переводчик и издатель У. Элстоб и его сестра Э. Элстоб, автор первой грамматики древнеанглийского языка на английском языке, и ряд других исследователей.

Первой лингвистической работой Дж. Хикса стала грамматика древнеанглийского и готского языков [Hickes 1689]. В ней он представил свое понимание родственных связей германских языков. Их первооснову он видел в готском языке, к которому возводил три языка-основы: древнеанглийский язык, от которого, как он полагал, произошли современный английский, фризский и шотландский; старофранкский язык, от которого произошли нидерландский и немецкий; и древнескандинавский язык, который лег в основу скандинавских языков. Издание также включало каталог рукописей и печатных изданий на древних германских языках, а также грамматику исландского языка Р. Йонссона и «Этимологию» Э. Бернара.

Главным достижением «оксфордских саксонистов» стало издание в 1703–1705 годах двухтомного труда «Древняя северная литература, книга вторая» (*Antiquae Litteraturae Septentrionalis Libri Duo*), большая часть которого была написана Дж. Хиксом. Это издание стало возможным благодаря усилиям Дж. Хикса, которому удалось сплотить вокруг себя команду энтузиастов, помогавших ему в поисках материалов и подготовке этого труда к публикации.

Первый том, называвшийся «Критический грамматический и археологический тезаурус ранних северных языков» [Hickes 1705]¹, открывался написанным Дж. Хиксом обширным разделом под названием *Dissertatio Epistolaris*, посвященным древнеанглийскому и другим германским языкам. Затем следовал раздел, подготовленный сэром Эндрю Фонтеном, коллекционером древностей и антиквариатом, посвященный нумизматике. Третья часть включала в себя составленные Дж. Хиксом грамматики древнеанглийского, англонормандского, франкского и среднеанглийского языков и грамматику исландского языка Р. Йонссона. Интересной чертой «Тезауруса» было обращение Хикса к материалу в то время еще малоизвестной древнеанглийской поэзии; фактически это был первый — хотя, как полагают современные исследователи, достаточно спорный — анализ ее принципов. Еще одной научной инновацией стало описание древнеанглийских диалектов, добавленное Дж. Хиксом к грамматике древнеанглийского языка с целью проследить развитие этого языка от его самых древних истоков. Дж. Хикс также привлек к работе над «Тезаурусом» палеографа Х. Уэнли, составившего каталог известных на тот момент древнеанглийских рукописей; этот каталог был опубликован как второй том издания и представлял собой выдающееся научное достижение своего времени.

На определенном этапе издание этого монументального труда оказалось под угрозой из-за политической позиции Дж. Хикса, отказавшегося присягнуть на верность Вильгельму Оранскому. В результате он лишился своего сана декана Уорчестера. Если бы он смирился, как это сделало большинство неприсягнувших священников, его свободе ничего бы не угрожало, однако Хикс заявил, что власть не имеет права отбирать у него сан, дарованный Яковом II. В 1693 году Хикс был посвящен в сан епископа нового, фактически нелегального крыла англиканской церкви, образованного неприсягнувшими священниками (the Non-Juror Church). В результате был выписан ордер на его арест, и с 1694 по 1699 год Хиксу пришлось скрываться у своих сторонников. В результате главный лингвистический труд его жизни готовился к изданию в Оксфорде без его прямого участия; хлопоты по его редактированию и изданию взял на себя Э. Туэйтс.

2. Неоднозначная репутация Дж. Хикса среди современников и ее причины. Оценка работ Дж. Хикса в среде лингвистов XVIII века оказалась противоречивой. Он пользовался непререкаемым авторитетом среди «оксфордских саксонистов», которые видели в нем

¹ В научной литературе этот труд часто фигурирует под сокращенным названием «Тезаурус» Дж. Хикса.

своего лидера. Грамматики древнеанглийского языка Э. Туэйтса (Thwaites, 1711) и Э. Элстоб (Elstob, 1715) обнаруживают прямую зависимость от труда их предшественника. Дж. Хикс способствовал деятельности «оксфордских саксонистов», занимавшихся публикацией и переводом древних памятников. Ему посвящает свое «Семикнижие» (перевод отрывков из Ветхого Завета на древнеанглийский язык) Э. Туэйтс, ему же посвящает полемически заостренное предисловие к «Начаткам грамматики англосаксонского языка», в котором она отстаивает ценность изучения древнеанглийского языка и культуры и вклад в эти исследования Дж. Хикса, Э. Элстоб [Elstob 1715].

Ссылки на труды Дж. Хикса встречаются и у авторов, не принадлежавших к его кругу. Дж. Гринвуд, автор популярной грамматики английского языка начала XVIII века, относит Хикса к числу «гениев нашего языка», которые могли бы написать грамматику английского языка гораздо лучше, чем он [Greenwood 1711: A4]. В другом месте он называет Хикса человеком, «чье мнение... никто не станет оспаривать» [Greenwood 1711: 54].

Однако со временем высокая оценка работ Дж. Хикса исчезает из лингвистических трудов. В XIX веке имя его всплывает в работах, затрагивающих историю развития англосаксонских исследований [Petheram 1840]. Характерным является мнение Дж. М. Кембла, первого переводчика «Беовульфа», высказанное им в частном письме: «Хотя современное рассмотрение обнаружило в его грамматиках так много ошибок, что их чтение представляет скорее опасность, чем пользу, мы обязаны выразить ему великую и искреннюю благодарность за труды. Тот энтузиазм, который он привнес в свое дело, распространился далеко вокруг него; в его окружении возникло множество исследователей англосаксонского языка, и его грамматика отвечала всем потребностям, которые они осознавали» [Цит. по: Petheram 1840: 83].

То, что исследователи XIX века пересмотрели многие утверждения Дж. Хикса, не вызывает удивления — достаточно вспомнить его достаточно далекие от современной точки зрения представления о родословном древе германских языков. Менее, на первый взгляд, понятно критическое отношение к исследованиям Дж. Хикса и его окружения его современников.

Между тем критика была достаточно резкой. Так, в грамматике английского языка Ч. Гилдона и Дж. Брайтона, одной из самых популярных грамматик своего времени, он удостоивается уничижительной характеристики как «любопытный исследователь устаревших языков, ныне вышедших из употребления и не содержащих ничего ценного» [Gildon, Brightland 1714: A6].

У критического восприятия современниками работ Дж. Хикса и других исследователей древнеанглийского языка и культуры есть целый ряд причин. В Великобритании господствовал взгляд на Средние века как на период варварства, когда Британия утратила наследие римской культуры, привнесенное на остров римскими завоевателями. В глазах большинства британских интеллектуалов культурной колыбелью Европы, включая Великобританию, являлись Древняя Греция и Рим. Когда Дж. Свифт утверждал, что английский язык уступает в изяществе французскому, испанскому и итальянскому, причем его грубость объясняется как раз близостью к германским языкам, он выразил господствующее мнение [Swift 1712: 26–27].

Этот культурный климат не позволял оценить значимость изучения древнеанглийской культуры. Э. Элстоб в предисловии к своей грамматике приходилось полемически доказывать, что «точность и правильность языка любой нации всегда справедливо считались великим украшением и проверкой здравого смысла этой нации» [Elstob 1715: IV]. Само название ее грамматики — «Начатки грамматики англосаксонского языка, впервые данные на английском языке, с защитой изучения северных древностей. Очень полезные для понимания наших древних английских поэтов и других авторов» — свидетельствует о том, что для ее современников ценность изучения «северных древностей» была отнюдь не очевидной.

Другая причина неприятия исследований Дж. Хикса и его окружения крылась в непривычном методе и стиле исследований. Их часто упрекали в педантизме, в том, что они скучны и заумны. Действительно, сочинения Хикса не были рассчитаны на неподготовленного читателя (не говоря уже о том, что они были написаны в соответствии с традицией его времени на латыни). Не случайно вскоре после публикации его грамматики увидела свет грамматика древнеанглийского языка Э. Туэйтса, а после публикации «Тезауруса» был опубликован «Краткий обзор “Грамматико-критического и археологического Тезауруса древних северных языков” Джорджа Хикса» У. Уоттона. Оба автора сочли нужным донести до читателей содержание работ Дж. Хикса в более доступном виде.

Однако то, что в работах германистов XVII–XVIII веков многим казалось недостатком, было свидетельством формирования новых принципов научных исследований в гуманитарной сфере, в том числе в палеографии. Труды германистов — филологов и историков — отличали тщательная работа с первоисточниками, сравнение рукописных копий и списков для выявления и анализа текстовых вариаций, составление библиографических списков, ссылки на первоисточники и научную литературу, наличие комментариев.

Эта манера письма входила в противоречие со стилистическим идеалом неоклассической литературы XVIII века, ценившей ясность, легкость и изящество изложения. Тексты университетских ученых и других узких специалистов критиковали за избыточное увлечение книжной лексикой, специальной терминологией и латинизированным синтаксисом. Д. Юм связывал перспективы интеллектуального прогресса британского общества с преодолением барьера между светским обществом и «запертыми в своих кельях» учеными, которые не могут донести свои идеи до широкой публики. Германисты, однако, не пытались популяризировать свои труды и делать шаг к тем, кого Юм назвал “conversible people” (люди, способные подержать беседу) [Hume 1875].

И, наконец, еще одна причина, не способствовавшая популярности исследований Хикса и его сторонников, состояла в том, что в XVIII веке грамматики английского языка, направленные, прежде всего, на кодификацию норм английского языка, приобретали все более прескриптивный уклон. При стандартизации языка вопросы грамматической правильности решались преимущественно с ориентацией на современных авторов узус, а не на исторические прецеденты. Дж. Кэмбелл, автор важнейшей риторики второй половины XVIII века (1776), обобщил представления своих современников об образцовом узусе так: он должен быть авторитетным (reputable), общенациональным (national) и современным (present) [Campbell 1834: 143–152]. Ссылки на латинский, греческий, англосаксонский и другие языки и обращение к этимологии встречаются в нормативных рекомендациях на протяжении XVIII века в достаточно ограниченном объеме [Германова 2016]. Как утверждали Ч. Гилдон и Дж. Брайтленд, «природа и дух нашего языка почти полностью изменились с тех пор, как была распространена эта речь [древнеанглийский язык — *Н.Г.*], и значения слов (за редким исключением) надо искать в нашем собственном узусе, а не в узусе былых времен» [Gildon, Brightland 1714: A4]. С течением времени эти взгляды укрепились, и во многих грамматиках, особенно рассчитанных на начинающих, уже не было места для исторических сведений.

Заключение. Дж. Хикс сыграл ключевую роль в формировании германистики в Великобритании конца XVII — начала XVIII веков. Его судьба, как и судьба дела его жизни, оказалась драматичной: вскоре после его смерти интерес к изучению древнеанглийского языка в Великобритании угас вплоть до XIX века. Между тем его исследования, несмотря на фактические ошибки и излишнюю ориентацию на латинские образцы при описании древнеанглийской грамматики и поэзии, демонстрировали формирование таких базовых концептов компаративистики, как праязык и родословное

древо. В эпоху, когда среди культурной элиты Великобритании господствовало пренебрежительное отношение к своим историческим корням, исследования германистов готовили почву для переосмысления британской идентичности. В их трудах складывались принципы палеографической работы и научный стиль изложения, созвучные современному. Это, несмотря на недочеты, содержащиеся в их работах, позволяет высоко оценить вклад «оксфордских саксонов» в британскую лингвистику XVII–XVIII веков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Германова Н.Н.* Лингвокультурные основания нормативной грамматической традиции (на материале грамматик английского языка конца XVII — начала XX веков): дис. ... д. филол. наук. М., 2016.
2. *Campbell G.* The philosophy of rhetoric. A new edition, with the author's last additions and corrections. New York, 1834.
3. *Elstob E.* The Rudiments of Grammar for the English-Saxon Tongue, First Given in English: With an Apology for the Study of Northern Antiquities. Being Very Useful Towards the Understanding Our Ancient English Poets, and Other Writers. London, 1715.
4. *Gildon Ch., Brightland J.* A Grammar of the English tongue, with notes, giving the grounds and reason of grammar in general. London, 1714.
5. *Greenwood J.* An Essay towards a Practical English Grammar, Describing the Genius and Nature of the English tongue. London, 1711.
6. *Graham T.* Old English and Old Norse studies to the Eighteenth century // The Oxford handbook of Victorian medievalism. Oxford, 2020. P. 34–52.
7. *Hickes G.* Institutiones Grammaticae Anglo-Saxonicae Et Moeso-Gothicae, 1689. Menston, 1971.
8. *Hickes G.* Linguarum vett. septentrionalium thesaurus grammatico-criticus et archæologicus. Oxford, 1705.
9. *Hume D.* Essay XVI. Of Essay Writing. URL: Hume Texts Online. <https://davidhume.org/texts/emp/ew>
10. *Niles J.D.* The Idea of the Anglo-Saxon England 1066–1901: Remembering, Forgetting, Deciphering, and Renewing the Past. Oxford, 2015.
11. *Petheram J.* An Historical Sketch of the Progress and Present State of Anglo-Saxon Literature in England. London, 1840.
12. *Swift J.* A proposal for correcting, improving and ascertaining the English tongue. London, 1712.
13. *Wood D.M.F.* Anglo-Saxonism and the Idea of Englishness in Eighteenth-Century Britain. Woolbridge, 2020.

REFERENCES

1. *Guermanova N.N.* *Lingvokul'turnye osnovaniya normativnoj grammaticheskoy traditsii (na materiale grammatik anglijskogo yazyka konca XVII — nachala XX vekov)* [Linguo-cultural foundations of normative grammar tradition (on the material of grammars of the English language, the end of the 17th — the beginning of the 20th centuries)]. PhD in Philology. Moscow, 2016. 414 p. (In Russ.)
2. *Campbell G.* The philosophy of rhetoric. New York, J. Leavitt, 1834. 396 p.

3. Elstob E. The Rudiments of Grammar for the English-Saxon Tongue, First Given in English: With an Apology for the Study of Northern Antiquities. Being Very Useful Towards the Understanding Our Ancient English Poets, and Other Writers. London. W. Bowyer, 1715. 70 p.
4. Gildon Ch., Brightland J. A Grammar of the English tongue, with notes, giving the grounds and reason of grammar in general. London, R. Brugis, 1714. 272 p.
5. Greenwood J. An Essay towards a Practical English Grammar, Describing the Genius and Nature of the English tongue. London, R. Toukey, 1711. 315 p.
6. Graham T. Old English and Old Norse studies to the Eighteenth century // The Oxford handbook of Victorian medievalism. Oxford, Oxford University press, 2020. P. 34–52.
7. Hickes G. Institutiones Grammaticae Anglo-Saxonicae Et Moeso-Gothicae, 1689. Menston, Scolar Press, 1971. 219 p.
8. Hickes G. Linguarum vett. septentrionalium thesaurus grammatico-criticus et archæologicus. Oxford, E Theatro Sheldoniano, 1705. N.p.
9. Hume D. Essays Moral, Political, and Literary, in 2 vols. London, Longmans, Green, and Co, 1875. Vol. 2. P. 367–370.
10. Niles J.D. The Idea of the Anglo-Saxon England 1066–1901: Remembering, Forgetting, Deciphering, and Renewing the Past. Oxford, Wiley Blackwell, 2015. 448 p.
11. Petheram J. An Historical Sketch of the Progress and Present State of Anglo-Saxon Literature in England. London, E. Lumley, 1840. 186 p.
12. Swift J. A proposal for correcting, improving and ascertaining the English tongue. London, Benj. Tooke, 1712. 48 p.
13. Wood D.M.F. Anglo-Saxonism and the Idea of Englishness in Eighteenth-Century Britain. Woolbridge, Boydell Press, 2020. 237 p.

Поступила в редакцию 24.02.2023

Принята к публикации 16.04.2023

Отредактирована 10.06.2023

Received 24.02.2023

Accepted 16.04.2023

Revised 10.06.2023

ОБ АВТОРЕ

Германова Наталья Николаевна — доктор филологических наук, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета; nata-germanova@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Natalia Guermanova — Prof. Dr., Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University; nata-germanova@yandex.ru

НЕМЕЦКИЕ ДЕВЕРБАТИВЫ: ОТ ТАКСИСНЫХ ФУНКЦИЙ К ИХ АКТУАЛИЗАЦИИ

И.В. Архипова

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия; irarch@yandex.ru

Аннотация: Настоящая статья посвящена рассмотрению вопроса таксисных функций-потенций и функций-реализаций немецких deverbальных существительных. Функции-потенции deverbальных существительных состоят в их способности принимать участие в актуализации различных таксисных категориальных значений одновременности и разновременности (примарно-таксисных и секундарно-таксисных). Функции-реализации deverbальности демонстрируют при их функционировании в высказываниях с обстоятельственными предложениями и во взаимодействии с таксисной средой, конституируемой (помимо предлогов) глаголами, а также различными экспликаторами (дуративно-аспектуальными, фазовыми, итеративными, кондициональными).

В ходе исследования установлено, что в сочетании с темпоральными предложениями *während, bei, in, mit, nach, vor, seit, bis / bis zu* deverbальности различной лексической и деривационной семантики актуализируют примарно-таксисные категориальные значения одновременности, предшествования и следования. При употреблении с предложениями другой обстоятельственной семантики (инструментальной, кондициональной, финальной, каузальной, concessивной, консеквтивной) немецкие deverbальности проявляют способность к актуализации секундарно-таксисных значений одновременности (кондициональных, инструментальных, финальных, каузальных, concessивных и др.). Предлоги различной семантики являются прототипическими компонентами таксисной среды и выступают в качестве определенных таксисных маркеров. «Инventарь» реализуемых таксисных функций достаточно разнообразен и вариативен. Кроме предлогов, он детерминируется такими конституентами таксисной среды, как фазовые глаголы, а также итеративные, фазовые и дуративно-аспектуальные адвербиалы. В условиях функционирования в различной таксисной среде (в частности, фазово-таксисной, итеративно-таксисной, дуративно-таксисной и др.) немецкие deverbальности реализуют различные сопряженные таксисные значения (итеративно-примарно-таксисные, фазово-примарно-таксисные, дуративно-примарно-таксисные).

Ключевые слова: deverbальности; таксис; примарный таксис; секундарный таксис; таксисный потенциал; таксисные функции; таксисные функции-потенции; таксисные функции-реализации; таксисная актуализация; таксисный актуализатор

Для цитирования: Архипова И.В. Немецкие девербативы: от таксисных функций к их актуализации // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 4. С. 82–93.

GERMAN DEVERBATIVES: FROM TAXIS FUNCTIONS TO THEIR ACTUALIZATION

Irina Arkhipova

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia; irarch@yandex.ru

Abstract: This article is devoted to the issue of taxis functions-potencies and functions-realizations of German deverbative nouns. Functions-potencies of deverbatives consist in their ability to take part in the actualization of various taxis categorial values of simultaneity and non-simultaneity (primary-taxis and secondary-taxis). Functions-realizations of deverbatives demonstrate when they function in statements with adverbial prepositions and in interaction with the taxis environment, constituted (in addition to prepositions) by verbs, as well as by various explicators (durative-aspective, phase, iterative, conditional).

The study found that, in combination with the temporal prepositions *während, bei, in, mit, nach, vor, seit, bis / bis zu*, deverbatives of various lexical and derivational semantics actualize the primary taxis categorial meanings of simultaneity, precedence and following. When used with prepositions of other adverbial semantics (instrumental, conditional, final, causal, concessive, consecutive), German deverbatives show the ability to actualize secondary-taxis meanings of simultaneity (conditional, instrumental, final, causal, concessive, etc.). Prepositions of different semantics are prototypical components of the taxis environment and act as certain taxis markers. The ‘inventory’ of implemented taxis functions is quite diverse and variable. In addition to prepositions, it is determined by such constituents of the taxis environment as phasic verbs, as well as iterative, phasic and durative-aspect adverbials. Under the conditions of functioning in various taxis environments (in particular, phase-taxis, iterative-taxis, durative-taxis, etc.), German deverbatives realize various conjugate taxis meanings (iterative-primary-taxis, phase-primary-taxis, durative-primary-taxis).

Keywords: deverbatives; taxis; primary taxis; secondary taxis; taxis potential; taxis functions; taxis potency functions; taxis implementation functions; taxis actualization; taxis actualizer

For citation: Arkhipova I. (2023) German Deverbatives: From Taxis Functions to Their Actualization. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 82–93.

Введение

В современных лингвистических исследованиях освещались вопросы, связанные с описанием семантики (лексической, деривационной) и синтаксиса немецких девербативных существительных. Данной проблематике посвящены работы отечественных языковедов И.В. Архиповой, Е.В. Болотовой, И.В. Волковой, Н.Н. Зольниковой, Н.А. Масловой, З.А. Мирошниковой, О.В. Матасовой и др. [Архипова 2020; Болотова 2019; Волкова 2015; Зольникова 2015; Маслова 1985; Мирошникова, Матасова 2016]. Вне поля рассмотрения лингвистов остается таксисный потенциал девербативов, трактуемый как способность к актуализации таксисных категориальных значений одновременно и разновременности, чем и обусловлены актуальность и научная новизна данной работы.

В фокусе нашего исследовательского внимания находится вопрос реализации таксисных функций-потенций немецких девербативов в высказываниях с различными обстоятельственными предложениями (темпоральными, кондициональными, финальными, каузальными, инструментальными и др.).

Материалы и методы

Материалом настоящего исследования послужили немецкие высказывания с девербативами, полученные методом направленной выборки из баз данных Лейпцигского корпуса (LC) и Электронного словаря немецкого языка (DWDS).

В процессе исследования в качестве основных методов применялись гипотетико-дедуктивный, индуктивный, описательный и контекстуальный. С помощью гипотетико-дедуктивного метода были выделены и описаны различные варианты таксисных функций немецких девербативов с их последующей проекцией на конкретные высказывания и проведением контекстуального анализа.

Результаты исследования

При рассмотрении функционального потенциала любой языковой единицы важным представляется разграничивать *функции-потенции* и *функции-реализации*. Функция в потенциальном аспекте, или функция-потенция (Фп), по мнению А.В. Бондарко, — это присущая той или иной единице в языковой системе способность к выполнению определенного назначения и к соответствующему функционированию. Функция в результативном аспекте, или функция-реализация (Фр), — это результат функционирования данной единицы во взаимодействии с ее средой (контекстом). Потенциальный аспект функции языковой единицы (функции-потенции) заключается в том, что она рассматривается как «способность

языковой формы к выполнению того или иного назначения» [Бондарко 2002: 339–342].

Функции-потенции немецких девербативных существительных заключаются в их способности принимать участие в актуализации таксисных категориальных значений одновременности, предшествования и следования. Их функции-реализации актуализируются при их функционировании в высказываниях с темпоральными и другими обстоятельственными предложениями и во взаимодействии с определенной таксисной средой. Таксисная среда конституируется предложениями, глаголами, а также различными экспликаторами (аспектуальными, кондициональными и др.).

Немецкие девербативы способны к актуализации различных таксисных функций-потенций. В сочетании с темпоральными предложениями *während, bei, in, mit, nach, vor, seit, bis / bis zu* девербативы различной лексической (акциональной, процессуальной, статальной, событийной) и деривационной семантики (см. имена на *-ung, -en, -t, -e* и безаффиксные образования) демонстрируют свой таксисный потенциал в следующих высказываниях:

(1) *Mit der Ankunft des Babys* ändere sich alles (LC). — Все меняется с рождением ребенка (здесь и далее перевод автора).

(2) *Bei seiner Rückkunft zur Mittagszeit* wurde der Flieger, der in Saarbrücken stationiert ist, mit der traditionellen Taufe durch die Flughafenfeuerwehr empfangen (LC). — По возвращении в полдень самолет, стоявший в Саарбрюккене, был принят с традиционным крещением пожарной командой аэропорта.

(3) *Während der Ankunft der Delegierten* kam es zu einzelnen Wortgefechten mit den Demonstranten (LC). — Во время прибытия делегатов были отдельные споры с демонстрантами.

(4) *...nach der Rückkunft* wurde vor dem Domportal die Hofprozession erwartet (LC). — ...после возвращения ожидалось судебное шествие перед порталом собора.

(5) *Seit Schmidts Ankunft* sind die Reihen geschlossen (LC). — С приездом Шмидта ряды сомкнулись.

(6) *Bis zur Ankunft des Zuges am Hauptbahnhof Halle* wurde der Mann von Mitreisenden festgehalten (LC). — Пока поезд не прибыл на главный вокзал Галле, мужчину удерживали попутчики.

(7) Die irakische Regierung hatte *vor der Ankunft* die Sicherheitsmaßnahmen massiv verstärkt (LC). — Правительство Ирака значительно усилило меры безопасности перед прибытием.

В приведенных выше примерах немецкие событийные имена на *-t die Ankunft* и *die Rückkunft* в сочетании с темпоральными предложениями *mit, bei, während, nach, seit, bis, vor* реализуют свои функции-потенции и становятся актуализаторами примарно-таксисных

значений одновременности (см. примеры 1–3), строгого и нестрогого следования (см. примеры 4–5), строгого и нестрогого предшествования (см. примеры 6–7). Темпоральные предлоги являются прототипическими компонентами примарно-таксисной среды и выполняют роль соответствующих таксисных маркеров одновременности (см. предлоги *mit, bei, während*), следования (строгого, нестрогого; см. предлоги *nach, seit*, примеры 4–5) и предшествования (строгого, нестрогого; см. примеры 6–7).

При сочетании с предлогами другой обстоятельственной семантики (инструментальной, кондициональной, финальной, каузальной, concessивной, консекутивной) немецкие девербативы проявляют способность к актуализации секундарно-таксисных значений одновременности — кондициональных, инструментальных, финальных, каузальных, concessивных и консекутивных, например:

(8) *Bei näherem Hinsehen* aber tun sich riesige Lücken auf (DWDS). — Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживаются огромные пробелы.

(9) Die Kirche in der DDR klagt den Kommunismus an *wegen Unterdrückung in den Schulen, der Kinder und Jugendlichen* (DWDS). — Церковь в ГДР обвиняет коммунизм *в подавлении детей и молодежи в школах*.

(10) Die Verarbeitung erfolgt durchweg *durch Bohren, Drehen, Schleifen, Schnitzen, Schneiden, Sägen, Feilen, Fräsen, auch Biegen* usw., wobei zwecks Materialersparnis jeweils entsprechend geformte Rohlinge zu Grunde gelegt werden (DWDS). — Обработку проводят последовательно *сверлением, токарной обработкой, шлифовкой, резьбой, резкой, распиловкой, опиловкой, фрезеровкой, а также гибкой* и т. д., при этом в качестве основы используют заготовки соответствующей формы в целях экономии материала.

(11) Er bestätigte daher nur *durch Kopfnicken* ihre Worte und setzte sich aufrecht (DWDS). — Поэтому он только подтвердил ее слова *кивком головы и сел*.

(12) Doch er hielt sie zurück, er brauche das Öl *zum Kochen* (DWDS). — Но он удержал ее, ему нужно было масло *для приготовления пищи*.

(13) *Trotz Verhaftung, Prozeß, Gefängnis und Krankheit* blieb Leeson sich als Geschäftsmann treu... (DWDS). — *Несмотря на арест, суд, заключение и болезнь*, Лисон остался верен себе как бизнесмен...

(14) *Infolge der Anwendung der autonomen Redeweise* sind viele Sätze von Chwisteks Semantik intensional (DWDS). — *В результате автономной манеры говорить* многие предложения Чвистека по своей семантике являются интенциональными.

В примере (8) процессуальный девербатив на *-en das Hinsehen* с темпоральным предлогом *bei* и атрибутом *näher* в роли кондицио-

нального экспликатора реализуют функцию актуализатора кондиционально-таксисного значения одновременности. В примере (9) акциональный девербатив на *-ung die Unterdrückung* с каузально-таксисным предлогом *wegen* актуализирует каузально-таксисное значение одновременности. В примере (10) акциональные девербативы на *-en das Bohren, das Drehen, das Schleifen, das Schnitzen, das Schneiden, das Sägen, das Feilen, das Fräsen, das Biegen* употреблены с предлогом *durch* в инструментальном значении. При функционировании в инструментально-таксисной среде данные девербативы реализуют функцию инструментально-таксисных актуализаторов. В примере (11) акциональный девербатив на *-en das Kopfnicken* актуализирует медиально-таксисное значение одновременности в условиях соответствующего контекстуального окружения. Медиально-таксисная среда конституирована предлогом *durch* в медиальном значении и каузативным глаголом с семой «модификация информативного состояния лица» *bestätigen*. В высказывании (12) акциональный девербатив на *-en das Kochen* при употреблении с финальным предлогом *zu* реализует финально-таксисное значение одновременности. В примере (13) акциональный девербатив на *-ung die Verhaftung* при функционировании в concessивно-таксисной среде выполняет роль актуализатора concessивного таксиса одновременности. В качестве соответствующего таксисного маркера выступает concessивный предлог *trotz*. В примере (14) с помощью акционального девербатива на *-ung die Anwendung* выражено консекутивно-таксисное значение одновременности, маркируемое консекутивным предлогом *infolge*.

«Инвентарь» реализуемых девербативами таксисных функций-потенций достаточно разнообразен и вариативен. Кроме предлогов, он может быть детерминирован такими конституентами таксисной среды, как фазовые глаголы, а также итеративные, фазовые и дуративно-аспектуальные адвербиалы. При функционировании в различной таксисной среде немецкие девербативы способны к актуализации различных сопряженных таксисных значений — итеративно-примарно-таксисных, фазово-примарно-таксисных, дуративно-примарно-таксисных.

Каково влияние элементов различной таксисной среды на таксисные функции-реализации немецких девербативных существительных? Рассмотрим на примере событийного девербатива *die Ankunft*.

В следующих высказываниях в условиях фазово-таксисной среды, конституируемой фазовыми глаголами, а также глагольными аналитическими конструкциями и фазовыми адвербиалами, со-

бытийный девербатив *die Ankunft* реализует функцию актуализатора различных фазово-примарно-таксисных значений, например:

(15) *Zwei Jahre nach ihrer Ankunft beginnt der Staat, der sie holte, zu bröckeln* (LC). — *Через два года после ее приезда* государство, взявшее ее, начинает рушиться.

(16) *Bei der Ankunft der Feuerwehr begann* eines der Unfallautos zu Brennen (LC). — *Когда приехала пожарная часть*, одна из аварийных машин начала гореть.

(17) *Mit der gemeinsamen Ankunft der Eheleute beginnt* in der Nürnberger Straße 6 eine lange Geschichte (LC). — *С приезда сунругов* начинается долгая история на Нюрнбергерштрассе, 6.

(18) *Der Einsatz endete mit Ankunft an der Feuer- und Rettungswache* nach etwa zwei Stunden (LC). — *Операция закончилась прибытием на пожарно-спасательную часть* примерно через два часа.

(19) *Mit der Ankunft auf Helgoland brachte* der Paderborner ein waghalsiges Unternehmen zu Ende... (LC). — *С прибытием на Гельголанд* падерборнцы положили конец дерзкой затее...

(20) *Mit der Ankunft der Phönizier, Karthager und Römer im 3. Jahrhundert vor Christus ging ihre Zeit zu Ende* (LC). — *С приходом финикийцев, карфагенян и римлян в III веке до н.э.* их время подошло к концу.

(21) *Bei der Ankunft im Backstage-Bereich traf Gross schliesslich auf den Politiker* (LC). — *Прибыв за кулисы*, Гросс наконец встретил политика.

(22) *Mit der Ankunft der deutschen Nationalmannschaft im kuscheligen EM-Quartier in Herzogenaurach schaltete Löw endgültig* in den Turniermodus (LC). — *С прибытием сборной Германии в уютные кварталы ЕМ в Херцогенаурахе* Лёв окончательно перешел на турнирный режим.

В примерах (15–17) с темпоральными предложениями *nach*, *bei*, *mit* выражены ингрессивно-фазово-примарно-таксисные значения строгого следования (см. пример 15) и одновременности (см. примеры 16–17). Они детерминированы ингрессивно-фазовым глаголом *beginnen*, являющимся прототипическим конституентом фазово-таксисной среды. В высказываниях (18–22) с предложениями *mit*, *bei* в темпоральном значении актуализованы эгрессивно-фазово-примарно-таксисные значения одновременности. Они обусловлены эгрессивно-фазовым глаголом *enden*, глагольными аналитическими конструкциями *zu Ende bringen*, *zu Ende gehen*, а также фазовыми адвербиалами *schliesslich* и *endgültig*.

В следующих высказываниях с темпоральными предложениями *bei* и *nach* тот же девербатив *die Ankunft* реализует итеративно-при-

марно-таксисную функцию одновременности и нестрогого следования (см. пример 27):

(23) Das Team aus Zittau reist *drei Tage nach Ankunft wieder* ab (LC). — Команда из Циттау снова уезжает через три дня после прибытия.

(24) Getestet sind sie *bei Ankunft selten* (LC). — Их редко проверяют по прибытии.

(25) *Bei seiner Ankunft am Wiener Landesgericht für Strafsachen* verweigerte Strache vor den Medien *jeden* Kommentar (LC). — По прибытии в Венский окружной суд по уголовным делам Штрахе отказался от комментариев перед СМИ.

(26) *Meistens* erkundigen sie gleich *bei der Ankunft an einer Impfstation...* welcher Impfstoff dort verabreicht wird (LC). — В большинстве случаев по прибытии на прививочную станцию они интересуются, какую вакцину будут вводить.

(27) *Schon seit seiner Ankunft in England* beschwert sich der Deutsche regelmäßig über die zu hohe Belastung in den Winterwochen (LC). — С момента прибытия в Англию немец регулярно жаловался на чрезмерную загруженность в зимние недели.

В приведенных выше высказываниях к протипическим элементам итеративно-таксисной среды относятся итеративные адвербиалы *wieder, selten, meistens, regelmäßig* и итеративный атрибут *jeder*.

В условиях дуративно-аспектуально-таксисной среды событийный девербатив *die Ankunft* актуализирует дуративно-примарно-таксисные значения строгого следования и строгого предшествования. Дуративно-аспектуально-таксисная среда конституируется различными дуративными адвербиалами *kurz, kurze Zeit, ein Jahr, sieben Jahre, zwanzig Minuten, zwei Tage, drei Monate, zwei Stunden* и др., выполняющими функцию временных делимитаторов следующих друг за другом или предшествующих друг другу событий девербатива и действий/событий/состояний глаголов. Например:

(28) *Ein Jahr vor seiner Ankunft* war Österreich der EU beigetreten, die Auswanderung für den Bochumer deshalb kein großer formaler Akt mehr (LC). — Австрия вступила в ЕС *за год до его приезда*, так что эмиграция уже не была важным формальным актом для человека из Бохума.

(29) Sie hatte *kurz vor unserer Ankunft* sehr, sehr nette Gäste (LC). — *Незадолго до нашего приезда* у нее были очень-очень приятные гости.

(30) *Zwanzig Minuten vor Ankunft* wunderte ich mich allerdings (LC). — *За двадцать минут до прибытия* я был удивлен.

(31) *Kurze Zeit nach der Ankunft* standen Eduard und seine Frau an der Zimmertür (LC). — *Через некоторое время после приезда* Эдуард с женой стояли у дверей комнаты.

(32) *Zwei Tage nach unserer Ankunft* habe ich meinen neuen Job angefangen (LC). — *Через два дня после нашего приезда* я устроилась на новую работу.

(33) *Drei Monate nach seiner Ankunft* kam der erste Lockdown (LC). — *Через три месяца после его приезда* наступил первый карантин.

(34) *Kaum zwei Stunden nach seiner Ankunft im Weissen Haus* sass er im Oval Office, dem Büro des US-Präsidenten (LC). — *He прошло и двух часов после прибытия в Белый дом*, как он уже сидел в Овальном кабинете, кабинете Президента США.

(35) *Etwa sieben Jahre nach der Ankunft der Familie in Österreich* beschäftigt der Fall nun den Verfassungsgerichtshof (LC). — *Примерно через семь лет после прибытия семьи в Австрию* дело находится на рассмотрении Конституционного суда.

В примерах (28–30) посредством девербатива *die Ankunft* с темпоральным предлогом *vor* реализованы дуративно-примарно-таксисные значения строгого предшествования. В примерах (31–35) данный девербатив в сочетании с темпоральным предлогом *nach* и дуративно-аспектуальными адвербиалами *kurze Zeit, zwei Tage, drei Monate, kaum zwei Stunden, etwa sieben Jahre* выполняет функцию актуализатора дуративно-примарно-таксисных значений строгого следования.

В условиях секундарно-таксисной среды рассматриваемый девербатив *die Ankunft* в сочетании с обстоятельственными предлогами *durch, für, trotz, infolge, wegen* и др. реализует функцию актуализатора того или иного варианта секундарно-таксисных значений, в частности инструментально-таксисного, каузально-таксисного, финально-таксисного, концессивно-таксисного и консекутивно-таксисного, например:

(36) *Zudem hat sich die Situation durch die Ankunft von Drogenkartellen aus Ländern wie Mexiko* verschlimmert (DWDS). — Ситуация также ухудшилась *из-за прибытия наркокартелей из таких стран, как Мексика*.

(37) *Ihre kleine Welt wird durch die Ankunft zweier Fremder* komplett auf den Kopf gestellt (DWDS). — Ее маленький мир переворачивается с ног на голову *с прибытием двух незнакомцев*.

(38) *Für ihre Ankunft* hat sich Töchterchen sogar ein ganz besonderes Datum ausgesucht (DWDS). — Дочь даже выбрала особую дату *для своего приезда*.

(39) *Trotz der schnellen Ankunft der Rettungskräfte* kam jede Hilfe für den kleinen Jungen zu spät (DWDS). — *Несмотря на быстрое прибытие спасателей*, помощь маленькому мальчику пришла слишком поздно.

(40) Deutschland hatte im September 2015 als erstes Land *wegen der Ankunft vieler Flüchtlinge* Kontrollen an der Grenze Bayerns zu Österreich eingeführt (DWDS). — В сентябре 2015 года Германия была первой страной, которая ввела контроль на границе между Баварией и Австрией *в связи с прибытием большого количества беженцев*.

(41) Nach Blättermeldungen haben sich die Stämme, die Suleimanje belagerten, *infolge der Ankunft der Truppen* zurückgezogen (DWDS). — По сообщениям газет, племена, осаждавшие Сулейманже, отступили *в результате прихода войск*.

В примерах (36–37) с предлогом *durch* в инструментальном и каузальном значениях посредством девербатива *die Ankunft* актуализованы инструментально-таксисное и каузально-таксисное значения одновременности. В примере (38) с финальным предлогом *für* данный девербатив реализует функцию финально-таксисного актуализатора одновременности. В примере (39) с concessivным предлогом *trotz* с помощью рассматриваемого девербатива выражено concessivно-таксисное значение. В примерах (40–41) с каузальным предлогом *wegen* и консекутивным предлогом *infolge* и девербативом *die Ankunft* реализованы функции каузально-таксисного и консекутивно-таксисного актуализаторов.

Заключение

Таким образом, под функциями-потенциями немецких девербативов следует понимать их способность принимать участие в актуализации различных таксисных категориальных значений одновременности и разновременности. Они реализуются при функционировании девербативов в конкретных высказываниях с темпоральными и другими обстоятельственными предлогами во взаимодействии с таксисной средой. Соответствующую таксисную среду образуют предлоги, глаголы и различные экспликаторы (дуративно-аспектуальные, фазовые, итеративные, кондициональные).

«Инвентарь» реализуемых ими таксисных функций достаточно вариативен. В сочетании с темпоральными предлогами *während, bei, in, mit, nach, vor, seit, bis / bis zu* немецкие девербативы различной семантики актуализируют примарно-таксисные категориальные значения одновременности, предшествования и следования. При употреблении с предлогами другой обстоятельственной семантики (инструментальной, кондициональной, финальной, каузальной и др.) функции-потенции девербативов реализуются в секундарно-таксисной среде. Девербативы выступают в роли актуализаторов различных секундарно-таксисных категориальных значений одновременности.

В условиях функционирования в таксисной среде, конституируемой, в частности, фазовыми глаголами, итеративными и дуративными адвербиалами, рассматриваемые немецкие девербативы в сочетании с темпоральными и другими обстоятельственными предложениями реализуют различные сопряженные таксисные категориальные значения — итеративно-примарно-таксисные, фазово-примарно-таксисные и дуративно-примарно-таксисные.

ИСТОЧНИКИ

LC — Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 10.01.2023).

DWDS — Электронный словарь немецкого языка. URL: <http://www.dwds.de> (дата обращения: 10.01.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Архипова И.В.* Категория таксиса в разноструктурных языках. Монография. Новосибирск, 2020.
2. *Болотова Е.В.* О словообразовательной тенденции отглагольных существительных в немецкоязычных газетных текстах // Доклады Башкирского университета. 2019. Т.4. № 1. С. 108–112.
3. *Бондарко А.В.* Теория значения в аспекте функциональной грамматики: на материале русского языка / Рос. академия наук. Ин-т лингвистических исследований. М.: Языки славянской культуры, 2002.
4. *Волкова И.В.* О статусе отглагольных имен в современном немецком языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 4. С. 147–154.
5. *Зольникова Н.Н.* Словообразовательные модели отглагольных существительных немецкого языка // Наука и культура России. 2015. Т. 1. С. 225–229.
6. *Маслова Н.А.* Семантика и синтаксис производных имен существительных в современном немецком языке. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1985.
7. *Мирошникова З.А., Матасова О.В.* Сопоставительный анализ деривационных рядов девербативов (на материале русского и немецкого языков) // Наука и общество. 2016. № 1 (24). С. 101–108.

SOURCES

LC — Laboratoriya korpusnoy lingvistiki Leyptsigskogo universiteta [Laboratory of Corpus Linguistics, University of Leipzig]. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (accessed: 10.10.2021).

DWDS — Elektronnyj slovar' nemeckogo jazyka [Electronic dictionary of the German language]. URL: <https://www.dwds.de> (accessed: 10.10.2021).

REFERENCES

1. *Arkhipova I.V.* *Kategoriya taksisa v raznostrukturnykh yazykakh* [Taxis category in different-structured languages]. Monografiya. Novosibirsk. 2020.
2. *Bolotova E.V.* *O slovoobrazovatel'noj tendencii otglagol'nyh sushhestvitel'nyh v nemeckojazychnyh gazetnyh tekstah* [On the word-formation tendency of verbal

nouns in German-language newspaper texts] // *Doklady Bashkirskogo universiteta*. 2019, Vol. 4, no. 1, pp. 108–112.

3. Bondarko A.V. *Teoriya znachenija v aspekte funkcional'noj grammatiki: na materiale russkogo jazyka* [Theory of Meaning in the Aspect of Functional Grammar: On the Material of the Russian Language] / Ros. akademija nauk. In-t lingvisticheskikh issledovanij. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. 736 p.
4. Volkova I.V. O statuse otglagol'nyh imen v sovremennom nemeckom jazyke [On the status of verbal names in modern German] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. Serija: Lingvistika. 2015, no. 4, pp. 147–154.
5. Zol'nikova N.N. Slovoobrazovatel'nye modeli otglagol'nyh sushhestvitel'nyh nemeckogo jazyka [Word-building models of German verbal nouns] // *Nauka i kul'tura Rossii*. 2015, Vol. 1, pp. 225–229.
6. Maslova N.A. Semantika i sintaksis proizvodnyh imen sushhestvitel'nyh v sovremennom nemeckom jazyke [Semantics and syntax of derivative nouns in modern German]. Kazan': Izd-vo Kazansk. un-ta, 1985. 170 p.
7. Miroshnikova Z.A., Matasova O.V. Sopostavitel'nyj analiz derivacionnyh rjadov deverbativov (na materiale russkogo i nemeckogo jazykov) [Comparative analysis of derivational series of deverbatives (based on the Russian and German languages)] // *Nauka i obshhestvo*. 2016, no. 1 (24), pp. 101–108.

Поступила в редакцию 25.01.2023

Принята к публикации 21.02.2023

Отредактирована 10.06.2023

Received 25.01.2023

Accepted 21.02.2023

Revised 10.06.2023

ОБ АВТОРЕ

Архипова Ирина Викторовна — доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германских языков факультета иностранных языков Новосибирского государственного педагогического университета; irarch@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Irina Arkhipova — Doctor in Philology, Department of Roman and German Languages, Faculty of Foreign Languages, Novosibirsk State Pedagogical University; irarch@yandex.ru

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПИСАТЕЛЯ-БИЛИНГВА (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТООБРАЗУЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. КАМИНЕРА)

Т.С. Падерина

Иркутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, Иркутск, Россия; jana-pad@mail.ru

Аннотация: Работа посвящена исследованию проблемы языковой билингвальной личности в контексте реализации ее индивидуального и общественного опыта в письменной коммуникации. В ходе исследования был проведен анализ теоретических положений новейшей лингвистики в части понимания проблемы языковой личности; обозначена проблема метаязыкового сознания личности билингва. Практическим материалом для исследования послужили художественные произведения немецкого писателя-билингва В. Каминера, написанные в разные периоды его творчества (рассказы из сборников *Rus-sendisco* и *Ich bin kein Berliner*). Изучение языковой личности билингва представлено в контексте теории коммуникации, теории речевой деятельности, что подчеркивает актуальность исследования и способствует решению проблемы моделирования идиостиля писателя-билингва. Новизна работы заключается в рассмотрении особенностей идиостиля писателя-билингва, который является нашим современником. Методы и принципы, используемые в процессе исследования: сравнительно-сопоставительный анализ, методика стилистики кодирования и декодирования, элементы компонентного анализа, описательный, сопоставительный и герменевтический методы. Результаты исследования могут быть использованы для изучения природы межъязыкового взаимодействия в пределах одной языковой личности (в том числе применительно к билингвальной языковой личности), а также для изучения стратегий эффективной коммуникации в полилингвальном обществе. Перспективой исследования, на наш взгляд, является дальнейшее изучение лингвостилистических средств и особенностей вербализации идиостиля писателей-билингвов в сопоставительном аспекте.

Ключевые слова: языковая личность; межъязыковое взаимодействие; билингв; идиостиль; свой-чужой

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-8

Для цитирования: Падерина Т.С. Изучение языковой личности писателя-билингва (на примере текстообразующей деятельности В. Каминера) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 4. С. 94–102.

STUDYING THE LINGUISTIC PERSONALITY OF A BILINGUAL WRITER (BASED ON W. KAMINER'S TEXTUAL ACTIVITIES)

T.S. Paderina

Irkutsk Scientific Center of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russia; jana-pad@mail.ru

Abstract: This article is devoted to the problem of linguistic personality of a bilingual in the context of the implementation of his/her personal and social experience in written communication. In the course of the research the latest theoretical positions of linguistics were analyzed in terms of understanding the problem of linguistic personality; the problem of meta-linguistic consciousness of a bilingual's personality was outlined. The works of the German bilingual writer W. Kaminer written in different periods of his creative work served as the practical material for the research (stories from the collections *Russendisco* and *Ich bin kein Berliner*). The study of the linguistic personality of a bilingual is presented in the context of the theory of communication, theory of speech activity, which emphasizes the relevance of the research and contributes to the problem of modeling the idiosyncrasy of a bilingual writer. The novelty of the work lies in the consideration of idiosyncrasies of the bilingual writer who is our contemporary. The methods and principles used in the research are: comparative analysis, methodology of coding and decoding stylistics, elements of component analysis, descriptive and hermeneutic methods. The results of the research can be used to study the nature of interlingual interaction within one linguistic personality (including bilingual ones), as well as to study strategies of effective communication in a multilingual society. In our opinion, the prospect of the study is to further investigate the linguistic means and features of idiosyncrasy verbalization of bilingual writers in a comparative aspect.

Keywords: linguistic personality; inter-linguistic interaction; bilinguals; idiosyncrasy; friend-foe

For citation: Paderina T.S. (2023) Studying the Linguistic Personality of a Bilingual Writer (Based on W. Kaminer's Textual Activities). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 94–102.

Соотношение и разграничение индивидуального и коллективного в языковой личности в антропоцентрической парадигме современных исследований занимает одно из главных мест. «Языковая личность — пронизывает и все аспекты изучения языка и, одновременно, разрушает границы между дисциплинами, изучающими язык, поскольку нельзя изучать человека вне его языка» [Караулов 2002: 3]. Особенности жизни человека в современном мире способствуют формированию многогранного социального опыта: носитель национального языка оказывается в окружении разных языков и культур в процессе формирования картин мира. Интерак-

ция языков, культур и картин мира в сознании человека, а именно результат этих процессов, который отражен в речи, представляет особый интерес. Если иметь в виду степень и уровень взаимопроникновения этих параметров, то наиболее важными для изучения языковой личности будут наблюдения за речью билингва — человека, который может отразить свой опыт с помощью одного из равноправно существующих в его языковой системе инструментов.

Обращение к языковой личности билингва связано с необходимостью изучить механизм межъязыкового взаимодействия в рамках одной личности для более глубокого понимания продукта речевой деятельности билингва — текста, а в итоге и той языковой системы, которая формируется в его сознании.

Идея понимания национального языка как абстракции и признание языка индивида единственной реальностью, отражающей его деятельность, идет от младограмматиков через итальянских неолингвистов в XX веке. В отличие от младограмматиков Ф. де Соссюр подчеркивал индивидуальный характер речи и писал: «Язык — только часть — правда, важнейшая часть — речевой деятельности» [Соссюр 1977: 58]. О неповторимости и творческом характере речи писал также А. Гардинер, но говорил об объективной реальности в виде языка, которая хранится в сознании человека и может стать языком коллектива (язык Шекспира, язык Оксфорда и т. п.).

Современная антропологистика наряду с изучением понятия «языковая личность», разработкой типологии и моделей языковой личности, занялась изучением «идиолекта». В 1930 году В.В. Виноградов впервые использовал термин «языковая личность» и продолжил научные размышления о влиянии личности на формирование национального языка, об изучении индивидуального в речи, об индивидуальных стилях в художественной литературе. В языкознании конца XX — начала XXI века от вопросов об авторе-писателе и авторе-повествователе перешли к вопросам языковой личности как носителя национальной культуры (языковые личности поэтов и писателей), и «языкознание вступило в новую полосу своего развития — полосу подавляющего интереса к языковой личности» [Караулов 2002: 48].

Поскольку в задачу нашего исследования входит изучение идиостиля писателя-билингва, не вступая в дискуссию с представителями лингводидактического подхода (И.И. Халеева, О.Л. Каменская), определим, что теоретические основы термина «языковая личность» релевантны для анализа билингвальной (вторичной) языковой личности, т. к. формирование вторичной (билингвальной) языковой личности неотделимо от освоения новой языковой картины мира.

За основу возьмем представление о языковой личности Ю.Н. Караулова, который рассматривал языковую личность как «многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков разной степени сложности». Для понимания совокупности «способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [Караулов 2002], применительно к билингу нам важны особенности каждого уровня языковой личности, представленные Ю.Н. Карауловым. На вербально-семантическом уровне выявляются и определяются закономерности взаимодействия лексических единиц в рамках каждой системы; на когнитивном происходит трансформация знаний в концептосферу самой личности или группы людей; на прагматическом происходит идентификация основных целей и мотивов.

Процесс создания текста писателем-билингвом представляет особый речемыслительный процесс, который определяет технологию, цели и средства (текстообразующие составляющие) деятельности на втором (приобретенном) языке. Анализ текстов писателя-билингва позволяет продемонстрировать его способность к герменевтической деятельности (приобретенный язык как способ осмысления и описания действительности). Особенности текстовой деятельности билингвальной языковой личности в контексте рассматриваемых уровней (по Ю.Н. Караулову) приблизят к пониманию сущности идиостиля пишущего билингва (табл. 1).

Таблица 1

Теория языковой личности Ю.Н. Караулова применительно к проблеме языковой личности билингва

Уровень ЯЛ	Особенности применительно к проблеме языковой личности билингва
вербально-семантический	Происходит двойная «объективизация», двойная номинация предметов; объем и содержание понятий увеличивается
когнитивный	Трансформация обобщенных знаний и идей происходит на фоне социокультурной ассимиляции и формирования культурной идентичности под влиянием стереотипов и архетипов
прагматический	Идентификация целей и мотивов зависит от выбора языкового кода коммуникации в выбранных сферах коммуникации

Идиостиль как «совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, ученого, публициста,

а также отдельных носителей данного языка» [Наумов 2010: 96], стал предметом многих научных исследований в области литературоведения [Болотнова 2014; Дзюбенко 2022; Дроздова Диес 2021].

Идиостиль языковой личности билингва формируется с учетом особенностей вербально-семантического и когнитивного уровней непосредственно языковой личности. На наш взгляд, идиостиль, «совокупность собственно структурных особенностей», составляет в контексте изучения аспектов речевой деятельности единое целое с идиолектом как «совокупностью речетекстовых характеристик отдельной языковой личности» [Наумов 2010: 96]. Поскольку идиостиль формируется «под воздействием всей экстралингвистической базы — как функционально-стилевой, жанрово-стилевой, так и индивидуально-стилевой» [там же], то наибольшее значение в этом процессе имеют особенности прагматического уровня языковой личности билингва.

Моделирование речемыслительной деятельности писателя-билингва на основании различных подходов к изучению идиостиля (семантико-стилистического, лингвопоэтического, коммуникативно-деятельностного, когнитивного и др.) позволяет проводить более полный лингвистический анализ текстов, осмыслять процессы их создания и передачи. Текст писателя-билингва не только отражает нормы языкового кодирования, которые использует писатель, но и демонстрирует билингвальное осмысление (вычленение и категоризация объектов первичной культуры, их сопоставление и репрезентация на языке вторичной культуры).

Для изучения речевого поведения и составления речевого портрета билингва через его письменную речь мы рассмотрели особенности идиостиля автора-билингва и особенности речевой организации его высказываний. К числу функционально-смысловых типов монологической речи (согласно теории, заложенной в 70-е годы XX века О.А. Нечаевой) традиционно относятся описание, повествование, рассуждение [Варфоломеева 2019: 35]. Произведения В. Каминера представляют собой небольшие рассказы, которые иногда содержат в себе все три типа, поэтому именно такие способы текстообразования послужили материалом нашего исследования и позволили рассмотреть вербализацию речемыслительной деятельности на уровне текста в определенный момент: в синхронологеме (описание), диахронологеме (повествование) и каузологеме (рассуждение). Номинативная стратегия (т. е. выбор конкретного языкового материала для отображения некоего фрагмента значимой номинативной единицы) выбирается писателем в зависимости от решаемой задачи (когнитивной или коммуникативной). В нашей работе мы говорим, прежде всего, о когнитивных задачах, так как

приоритетом на данном этапе исследования было содержание и значение языковых явлений, в то время как акцент на коммуникации сместил бы вектор на способ передачи информации.

Выбор жанра произведения является одной из характеристик идиостиля писателя, через жанр произведения находит свое отражение языковая личность писателя, его мировоззрение и видение себя в окружающем мире. Не менее важен для понимания авторской позиции и идиостиля выбор языковых средств, который прослеживается на всех уровнях языка (фонетика, лексика, синтаксис, стилистика) [Самарская 2016].

На фонетическом уровне в произведениях В. Каминера следует отметить заимствованные слова и выражения, которые подвергаются фонетической ассимиляции: *die Matrjoschka, Propaganda, Kasatschok, Container, political correctness, CD*. Русскоязычные заимствования, например, воспринимаются носителями немецкого языка (или иных иностранных языков в переведенных произведениях В. Каминера) как экзотизмы, которые придают речи особый национальный колорит и передают особенности лингвокультуры.

Лексические единицы, которые В. Каминер использует в своих произведениях, достаточно просты и постоянны: его произведения наполнены образными средствами и характеризуются высокой степенью эксплицитности.

Несложный синтаксис наряду с простыми предложениями делает повествование более похожим на речь мигрантов:

1) *Ich bin kein Berliner. Ich bin auch nicht «Deutschland». Die Social-Marketing-Kampagne des letzten Jahres «Du bist Deutschland» hat mich nur irritiert. Ich kenne mich hier nicht wirklich aus. — Я не берлинец. Точно также я и не «Германия». Социальная реклама последних лет «Германия — это ты» только смущала меня. Я не ориентируюсь здесь по-настоящему до сих пор [Ich bin kein Berliner, 2007].* (Здесь и далее перевод автора — Т.П.)

Писатель также использует простую паратаксистическую связь коротких предложений. Такой выбор предложений помогает имитировать повседневную речь и дать полную картину произошедшего:

2) *Um neun Uhr morgens klingelte jemand an der Tür. Ich sprang aus dem Bett, zog meine rote Lieblingsunterhose an und machte auf. Es war wieder die Polizei. — В девять часов утра кто-то позвонил в дверь. Я соскочил с кровати, надел свои любимые красные брюки и открыл дверь. Это снова была полиция [Der Columbo vom Prenzlauer Berg, 2002].*

На стилистическом уровне автор использует сравнения, которые вводятся в повествование с целью комплексного описания, служащего характеристикой персонажей.

3) *Wie jeder echte Berliner war ich noch nie in der Reichstagskuppel gewesen. — Как настоящий берлинец, я никогда не был внутри купола Рейхстага* [Unterwegs in der Sonnenstadt Berlin, 2007]. В данном примере В. Каминер сравнивает себя с «настоящими» немцами. Индивидуальное образное сравнение, используемое писателем, не только формирует индивидуальный образ мира писателя и отражает особенности его мышления, но и подчеркивает сарказм и самоиронию автора.

Говоря об идиостиле В. Каминера, нельзя не отметить стереотипы, которые нашли отражение в его работах:

4) *Die Hauptübeltäter, die Barbaren, werden von Russen gespielt. Denn offenbar ist jedem klar, dass Barbaren diejenigen sind, die von weither kommen und Deutsch mit russischem Akzent sprechen. — Главных злодеев, варваров, играют русские. Очевидно, все знают, что варвары — это те, кто приходит издалека и говорит по-немецки с русским акцентом* [Political Correctness, 2002].

5) *<...> vermutete der Geschäftsführer, dass viele Russen nach alter Tradition ihre Getränke selbst mitgebracht hatten, und damit hatte er wohl gar nicht so Unrecht. — <...> менеджер заподозрил, что многие русские по старой традиции принесли свои напитки, и, вероятно, он не ошибся* [Die Russendisco, 2002].

С помощью стереотипов писателю удается четко разграничить поля «своего» и «чужого».

В текстах В. Каминера нами были также отмечены реалии, которые указывают на немецкую и русскую культуры. Подобные группы придают текстам гетерогенный характер в бикультурном пространстве между исходной культурой писателя и приобретенной культурой, о которой автор повествует:

6) *Ein anderer «interessanter Russe», ein authentischer Maler aus Karaganda, folgt Helena bereits seit über einem Jahr auf Schritt und Tritt. — Другой «интересный русский», подлинный художник из Караганды, следит за каждым шагом Елены уже больше года* [Langweilige Russen in Berlin, 2002].

При интерпретации данного примера важны экстралингвистические знания. Для немцев герой произведения (казах), владеющий русским языком, автоматически становится «интересным русским художником» несмотря на то, что он родился в Казахстане (совершенно ином государстве). В то время как для русского читателя город Караганда ассоциируется с советской «репрессивной машиной», так как толчком к появлению и индустриальному развитию этого города послужили репрессии, связанные с коллективизацией и раскулачиванием.

Проанализированный нами материал показывает, что идиостиль В. Каминера как писателя-билингва имеет системный характер и проявляется на всех языковых уровнях, хотя в представленной работе преимущественно затронут лексический уровень языка как наиболее подвижная часть речи, которая быстро реагирует на происходящие изменения. В первую очередь идиостиль проявляется в выборе писателем жанра произведения, а затем в отборе языковых средств (маркеры идиостиля), позволяющих достичь поставленных коммуникативных задач. В. Каминер не отрывается от своего прошлого, которое, возможно, играет наиболее значительную роль в его литературном творчестве, но мир, в котором он живет в Берлине и в Европе, уже не просто немецкий или русский, он мультикультурный.

Находясь в иноязычном обществе, языковая личность (билингвальная языковая личность) претерпевает изменения под воздействием различных факторов. Среда, в которой происходит ассимиляция языковой личности, влияет на формирование определенного мировоззрения, подгоняя языковую личность и ее речевую деятельность под требования и черты общества. В некоторых ситуациях языковая личность может целенаправленно перенимать определенные нормы поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Болотнова Н.С.* Коммуникативная стилистика текста: соотношение понятий идиостиль и лингвокультурный типаж // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 2 (143). С. 27–31.
2. *Варфоломеева Ю.Н.* Лингвокогнитивная модель текста типа «описание» // Научный диалог. 2019. № 11. С. 34–35. DOI 10.24224/2227-1295-2019-11-34-45
3. *Дзюбенко А.И.* Художественный текст в парадигме модальности: достоверность события // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 4. С. 69–79. DOI 10.29025/2079-6021-2022-4-69-79
4. *Дроздова Диес Т.* Национальная языковая личность и семиотика текста в переводе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 316–338. DOI 10.22363/2313-2299-2021-12-2-316-338
5. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 2002.
6. *Костомаров П.И.* Антропоцентризм как важнейший признак современной лингвистики // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2-1 (58). С. 198–203.
7. *Наумов В.В.* Лингвистическая идентификация личности. М., 2010.
8. *Самарская Т.Б., Поздеева Т.В.* Языковые средства создания идиостиля // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 116. С. 129–138.
9. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.

REFERENCES

1. Bolotnova N.S. Kommunikativnaja stilistika teksta: sootnoshenie ponjatij idiosstil' i lingvokul'turnyj tipazh [Communicative stylistics of text: correlation of the notions idiosstyle and linguo-cultural character]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2014, № 2 (143), pp. 27–31. (In Russ.)
2. Varfolomeeva Yu.N. Lingvokognitivnaya model' teksta tipa "opisanie" [Linguistic-cognitive text model "description"]. *Nauchnyi dialog*. 2019, № 11, pp. 34–35. (In Russ.)
3. Dzubenko A.I. Hudozhestvennyj tekst v paradigme modal'nosti: dostovernost' sobytija [Literary text in the paradigm of modality: authenticity of the event]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, 2022. № 4, pp. 69–79. (In Russ.) DOI 10.29025/2079-6021-2022-4-69-79
4. Drozdova Dies T. Nacional'naja jazykovaja lichnost' i semiotika teksta v perevode [National language linguistic personality and semiotics of target text]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika*, 2021, Iss. 12., № 2, pp. 316–338. (In Russ.) DOI 10.22363/2313-2299-2021-12-2-316-338
5. Karaulov Ju.N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' [Russian language and language personality]. M.: URSS. Publ., 2002. (In Russ.)
6. Kostomarov P.I. Antropocentrizm kak vazhnejshij priznak sovremennoj lingvistiki [Antropocentrism as an important feature of modern linguistics]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, № 2-1 (58), pp. 198–203. (In Russ.)
7. Naumov V.V. Lingvisticheskaja identifikacija lichnosti [Linguistic identification of a person]. M.: LIBROKOM, 2010. (In Russ.)
8. Samarskaya T.B., Pozdeeva T.V. Yazykovye sredstva sozdaniya idiosstilya [Language means of creating idiosstyle]. *Nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, № 116, pp. 129–138. (In Russ.)
9. Saussure F. de. Kurs obshchej lingvistiki [General linguistics course]. Trudy po yazykoznaniju. M.: Progress, 1977. (In Russ.)

Поступила в редакцию 07.02.2023

Принята к публикации 16.04.2023

Отредактирована 10.06.2023

Received 07.02.2023

Accepted 16.04.2023

Revised 10.06.2023

ОБ АВТОРЕ

Падерина Татьяна Сергеевна — младший научный сотрудник лаборатории лингвопедагогических исследований Иркутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук, аспирант; jana-pad@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Tatiana Paderina — Junior Researcher, Department of Linguistic and Pedagogical Research, Irkutsk Scientific Center of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, PhD student; jana-pad@mail.ru

ЛАТИНСКИЕ РЕНЕССАНСНЫЕ ПЕРЕВОДЫ «ЭДИПА В КОЛОНЕ» СОФОКЛА: AD VERBUM И AD SENSUM

Н.В. Преснова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; ronvip@yandex.ru*

Аннотация: В статье обсуждаются два основных метода перевода, распространенных в Средние века и в эпоху Возрождения: буквальный перевод и перевод по смыслу. Особое внимание уделяется переводу «Эдипа в Колоне» Софокла, выполненному итальянским гуманистом, Джованни Баттистой Габио, в XVI в. и опубликованному в 1543 г. в Венеции. Это перевод *ad verbum* («слово в слово»), связанный с идеей сходства древних языков, однако попытка буквально перевести древнегреческий текст на латынь часто приводит к ряду грамматических и семантических проблем; в результате перевод становится сложным для восприятия. Тем не менее, переводы *ad verbum* были полезны для параллельного изучения древних языков — распространенной учебной практики XVI века; также эти переводы могли использоваться и в качестве подстрочника для перевода на народные языки. Другой перевод, также выполненный для учебных целей немецким гуманистом Файтом Винсхеймом, демонстрирует иную стратегию. Переводчик стремится к упрощению текста, опускает некоторые слова и использует естественные для латинского языка выражения. Таким образом, наблюдаются различные подходы к переводу античного поэтического текста, обусловленные не только методами перевода (*ad verbum* или *ad sensum*), но и конкретной задачей каждого из переводчиков. Так, и Габио, и Винсхейм создавали свои латинские версии для учебных целей, однако первый ориентировался на изучение древних языков путем параллельного чтения древнегреческого и латинского текстов, а второй — на понимание прежде всего самого латинского текста.

Ключевые слова: классическая филология; античная трагедия; Софокл; рецепция Античности; Возрождение; XVI век; латинские переводы

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-9

Для цитирования: Преснова Н.В. Латинские ренессансные переводы «Эдипа в Колоне» Софокла: *ad verbum* и *ad sensum* // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 4. С. 103–112.

LATIN RENAISSANCE TRANSLATIONS OF SOPHOCLES' *OEDIPUS AT COLONUS*: AD VERBUM AND AD SENSUM

Natalia Presnova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; ponvip@yandex.ru

Abstract: This article discusses ad verbum and ad sensum translation techniques in the Middle Ages and in the Renaissance, with special attention paid to the literal translation of Sophocles' *Oedipus at Colonus* made by an Italian humanist, Giovanni Battista Gabia, in the 16th century as an example of ad verbum (word-by-word) translation. It can be seen that trying to translate Greek into Latin involves some grammatical and semantic issues; as a result, the translation becomes hard to perceive. However, the ad verbum type of translation was used for parallel studying of ancient languages that was widespread in the 16th century. Another translation mentioned in the article was produced by a German humanist Veit Winsheimius. It is characterized by simplified grammar and vocabulary. As a result, the translation becomes easier to perceive and understand. The article shows the variety of forms of reception that can be explained not only by usage of certain translation techniques, but also by certain goals of the translators: though both Giovanni Gabia and Veit Winsheim made their translations to use them for teaching ancient languages, the former preferred the method of parallel texts and the latter wanted to make the Latin translation itself clear enough for students.

Keywords: classical philology; ancient tragedy; Sophocles; reception of antiquity; Renaissance; 16th century; Latin translations

For citation: Presnova N.V. (2023) Latin Renaissance Translations of Sophocles' *Oedipus at Colonus*: Ad verbum and ad sensum. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 103–112.

В эпоху Возрождения, как и в Средние века, существовало два основных метода перевода: *ad verbum* (буквальный перевод, единица эквивалентности — слово) и *ad sensum* (единица эквивалентности — смысл) [Смирнова 2020: 1173–1174]. Первый тип использовался для текстов «правды» (это в первую очередь религиозные тексты), второй — для текстов «вымысла» (в первую очередь художественной языческой литературы) [Евдокимова 2002: 5–7].

Трагедия, комедия и эпос в этой системе должны были входить в категорию «вымысла». Однако попытки их буквального перевода все же предпринимались. Например, почти дословными являются переводы Эразма Роттердамского (трагедии Еврипида «Гекуба», «Ифигения в Авлиде» [Luric 2018: 25]). Эразм считал, что нужно *verbum paene verbo reddere* — «передавать почти слово в слово»¹, как писал сам гуманист [Linde 2018: 50].

¹ Здесь и далее перевод автора статьи, кроме случаев, отмеченных отдельно.

В центре статьи — перевод «Эдипа в Колоне» *ad verbum*, сделанный итальянским гуманистом Джованни Баттистой Габио (Венеция, 1548 г.), а также его соотношение с другими переводами, выполненными в течение XVI в. Это переводы: Файта Винсхейма (Вита Винсхемия) — 1546 г., Франкфурт; Жана Лалемана (Иоаганна Лаламанция) — 1557 г., Париж; Томаса Наогеорга — 1558 г., Базель, и Георгия Раталлера — 1570 г., Антверпен. Все они, как и издание Габио, содержат семь сохранившихся трагедий Софокла; многие особенности перевода, рассматриваемые на примере наиболее поздней трагедии Софокла «Эдип в Колоне», были отмечены автором статьи и в других трагедиях, например, в «Антигоне» [Преснова 2022: 982]. «Эдип в Колоне» интересен изменением образа Эдипа, который уже не считает себя виновным в преступлениях [Ярхо 2005: 228], «скорее пострадал от своих деяний, чем совершил их» (*opera mea passa sunt magis, quam operata* — пер. Габио).

Перевод Джованни Габио является буквальным (*ad verbum*). Если Эразм пишет о том, что нужно переводить **почти** (*paene*) слово в слово и допускает небольшие изменения, то Габио стремится подобрать к каждому греческому слову наиболее подходящее латинское. Такое стремление вписывается в распространенную в эпоху Возрождения идею о четком соответствии между древнегреческим и латынью и даже о происхождении латыни от древнегреческого [Lamers 2019: 28–29]. Однако в действительности латинский и древнегреческий языки относятся к разным языковым группам и довольно сильно отличаются друг от друга, что может вызвать ряд проблем при буквальном переводе:

1. Проблемы, вызванные различием между латинским и древнегреческим словом в лексическом значении и сочетаемости.

Например, переводчик буквально переводит с древнегреческого фразу $\omega\varsigma\ \acute{\alpha}\lambda'\ \acute{\omicron}\mu\iota\acute{\alpha}\tau\omega\nu,\ \pi\rho\acute{\omicron}\beta\omega:$ («как кажется на взгляд, далеко») — *ut ab oculis, procul*, однако сочетание *ab oculis* значит или «[прочь] с глаз», или — в поздней латыни — «лишенный глаз», «слепой» [Shumilin 2022: 110]. В результате изначальный смысл текста затемняется. Другие переводчики пытаются справиться с этой проблемой с помощью описательного перевода: например, Винсхейм выбирает вариант *quantum procul videre licet* («насколько далеко можно видеть»), Лалеман — *quam procul prospicit acies* (букв. «насколько далеко видит острота [зрения]»).

Также возникают сложности, например, с буквальным переводом стиха 37: $\xi\chi\epsilon\iota\varsigma\ \gamma\grave{\alpha}\rho\ \chi\acute{\omega}\rho\omega\nu\ \omicron\upsilon\chi\ \acute{\alpha}\gamma\upsilon\delta\acute{\iota}\nu\ \pi\alpha\tau\epsilon\iota\upsilon$ («ты не можешь попирать эту священную землю»). В древнегреческом языке конструкция $\xi\chi\epsilon\iota\nu$ + инфинитив имеет значение «мочь сделать что-л.» [Liddell, Scott 1940: 629–630]. В латинском языке конструкция *habere* + инфини-

нитив также существует, но с другим значением: иметь обязанность [OLD: 781]. У переводчика получается предложение: *habes nam locum non purum calcare*: «тебе не нужно ступать на это священное место», к тому же положение частицы *non* также может запутать читателя: в древнегреческом порядок слов более свободный, и частица может находиться после слова, к которому она относится [Smyth 1920: 608]. В латыни же частица *non* имеет более сильную превербальную позицию [Tierney 2018: 12]. Данный пример демонстрирует сложности буквального перевода, вызванные не только лексическими, но и синтаксическими особенностями языков. Другие переводчики используют для перевода этого стиха инфинитив с *nefas* («нельзя», «не позволено богами»): например, в переводе Лалемана и Наогеорга: *calcare nefas* — «нельзя ступать».

2. Проблемы, вызванные различием грамматического строя древнегреческого и латинского языков.

2а) Сложности с переводом причастий. Страдательное причастие настоящего времени и действительное причастие прошедшего времени существуют в древнегреческом, но отсутствуют в латинском языке. Например, словосочетание ἐν τὸνϙ ταῦτῳ βεβηκῶς (Soph. Oed. Col. 1358–1359) — «вступивший в такие же тяготы» Джованни Габио переводит следующим образом: *in labore eodem inscendens* («вступающий в тот же труд»), то есть заменяет перфектное активное причастие на презентное, при этом теряется оттенок завершенности действия и предшествования другому действию. Вероятно, сам переводчик был не совсем удовлетворен таким вариантом, поэтому в подобных случаях он помещает на полях примечания с другими вариантами перевода. В рассматриваемом словосочетании на слово *inscendens* дано следующее примечание: *inscendens) dejectus, delapsus, constitutus* («вступивший» — «сброшенный», «упавший», «водворенный»).

2б) Различные способы выражения цели. В древнегреческом языке цель может выражаться с помощью союза ὥς, после которого следует причастие будущего времени (ὥς + participium futuri). В латинском языке этой конструкции соответствует супин, союз *ut* с глаголом в коъюнктиве или (редко) причастие будущего времени, но без союза [Чёрный 1883–1885: 573]. Габио же объединяет в своем переводе союз *ut* и причастие будущего времени; например, стих 71 (ὥς πρὸς τί λέξων ἢ κатарτύσων μολεῖν — «чтобы сказать что-то или подготовить приход [афинского царя]?») он переводит буквально: *ut ad quid dicturus, vel praeparaturus venire*. Другие переводчики используют конъюнктив, причастие будущего времени без союза *ut* или личные формы будущего времени. Все эти варианты, несомненно, лучше соответствуют синтаксической структуре латинского языка.

Несмотря на стремление к буквальному переводу, Габио упускает ряд подробностей, связанных с внутренней формой сложных слов:

например, словосочетание χαλκόπους ὁδός (дословно «медноногая дорога») он переводит просто как «медная дорога» (*aenea via*); эпитет Эриний — δεινῶλες («со страшным взором») он также не переводит буквально, заменяя его на герундив *venerandae* («те, которых нужно бояться, почитать»). Другие переводчики также не изобретают неологизмы, а выражают значение сложного слова через словосочетания: например, *ferri via* («путь железа») и [*deae*] *terribili aspectu* («богини с ужасным взором») у Винсхейма.

Скорее всего, Габио осознавал грамматические несоответствия своего перевода, но его целью, возможно, было создание подстрочника для параллельного чтения древнегреческого и латинского текстов. В пользу такого предположения говорит то, что Габио в течение двадцати лет возглавлял кафедру греческого языка в Римском университете [Cosenza 1962: 1509], а многие преподаватели-гуманисты придерживались метода обучения древним языкам с помощью сопоставления параллельных текстов: позже об этом методе много будет писать Эразм Роттердамский [Софронова, Хазина 2018].

На титульном листе другого перевода трагедий Софокла, выполненного Файтом Винсхеймом, указано, что издание предназначается *ad utilitatem juventutis* — «на пользу юношества». Однако, хотя Винсхейм, как и Габио, создает перевод для учебных целей, он выбирает другой подход: идет по пути упрощения и незначительного сокращения текста. Винсхейм опускает некоторые прилагательные и наречия. Например, рассмотрим реплику Антигоны (Soph. Oed. Col. 1249–1251):

καὶ μὴν ὄδ' ἡμῖν, ὡς ἔοικεν, ὁ ξένος
 ἀνδρῶν γε μούνοσ, ὃ πάτερ, δι' ὄμματοσ
 ἀστακτὶ λείβων δάκρυον ὄδ' ὀδοιπορεῖ².

Винсхейм переводит эти стихи более лаконично, опуская подробности, например наречие «обильно»:

Sed hic ad nos, ut videtur, hospes
 Solus, o pater, ex oculis
 Lacrimas fillans, accedit³.

Для обобщения данной выше информации и более наглядного представления различий между переводами предлагается следующая таблица:

² «...и вот этот незнакомец, как кажется, идет к нам сюда,

Без спутников, один, отец, из глаз
 Обильно проливая слезы».

³ «Но этот к нам, как кажется, незнакомец

Один подходит, отец,
 Из глаз проливая слезы».

Оригинал Софокл. Реплика Эдипа (Soph. Oed. Col. 33–35).	Перевод <i>ad verbum</i>	Перевод <i>ad sensum</i>			
	Габио	Винсхейм	Лалеман	Нагореорг	Раталлер
ὦ ξεῖν', ἀκούων τῆσδε τῆς ὑπέρ τ' ἔμοῦ αὐτῆς θ' ὀρώσης, οὔνεχ' ἡμῖν αἴσιος σκοπός προσῆκει ὧν ἀδηλοῦ- μεν φράσαι ⁴	O hospes audiens hanc proque me Seque videntem: quoniam nobis legi- timus Speculator advenisti eorum, quae inter- rogabimus, dicere ⁵ .	O hospes, cognovi ex hac, quae pro me Et pro se videt, te in tempore Advenire specula- torem, Dic ergo nobis quaeso ea quae inter- rogabi- mus ⁶ .	Quando tu nobis, hospes, commodum advenis, Et quasi divus nostrae ades miseriae Speculator, certiores qui facere Nos possis, & nostra ad rogata partier Respondere, hanc audi be- nignus virgi- nem, Geminis pro se meque praedi- tam oculis ⁷ .	Audivi ob hac, O hospes, ambobus oculos quae commodat Visumque nobis, te venire commo- dum Modo specula- torem, ea uti nobis indices Quae te rogamus ⁸ .	Hospes, audio Ex virgine ista, quae vice duorum, simul Pro se atque pro me, fungitur jam luminis Usura, in ipso tempore huc nobis ades, Specula- tor, ut quae inquirere volumus, explices ⁹ .

Мы видим, что Габио наиболее точно старается передать все лексические и грамматические особенности оригинала. Перевод

⁴ «Чужестранец, слыша от этой [девушки], и за меня, и за себя видящей, что ты пришел к нам благоприятным наблюдателем/разведчиком сказать то, чего мы не знаем...».

⁵ «Чужестранец, слыша от этой [девушки], и за меня, и за себя видящей, поскольку ты пришел к нам законным разведчиком сказать то, что мы спросим...».

⁶ «Чужестранец, я узнал от той, что видит за меня и за себя, что ты вовремя пришел к нам в качестве разведчика. Так скажи нам, прошу, то, что мы спросим».

⁷ «Когда ты к нам, чужестранец, вовремя пришел, и являешься словно божественным наблюдателем нашего несчастья, [ты], что мог бы сделать нас более осведомленными и на наши вопросы равным образом отвечать, послушай внимательно эту деву, снабженную за себя и за меня двойными глазами (=двумя парами глаз)».

⁸ «Я услышал от нее, чужестранец, обоими глазами (=двумя парами глаз) которая обеспечивает наше зрение, что ты приходишь вовремя сейчас в качестве разведчика, чтобы ты указал нам то, что мы спрашиваем».

⁹ «Чужестранец, я слышу от этой девушки, которая за двоих, одновременно за себя и за меня, пользуется теперь глазами (букв. «исполняет использование глаз», вовремя сюда ты к нам являешься, разведчик, чтобы объяснить то, что мы бы хотели узнать».

Винсхейма довольно точен, однако в нем формы причастий заменены на личные формы глагола, возможно, для облегчения восприятия. Прилагательное *αἰσιος* («благоприятный», «удачный») заменено на наречное сочетание *in tempore* («вовремя»), что наблюдается и в других переводах *ad sensum*: Лалеман и Наогеорг используют наречие *commodum* («вовремя», «кстати»), Раталлер — сочетание *in ipso tempore* («в самое время»). Наиболее вольный перевод *ad sensum* у Жана Лалемана: переводчик вносит дополнительные смыслы, добавляя эпитеты *divus* («божественный») и *benignus* («внимательный», «радушный»), а также упоминает несчастье Эдипа. Внесение в текст произведения новых эпитетов и обилие синонимов — характерная черта перевода Лалемана, которая прослеживается на протяжении всего текста.

Стоит отметить и метрические особенности: перевод *ad verbum* едва ли может быть стихотворным и тем более эквиритмическим; перевод *ad sensum* может быть как стихотворным и эквиритмическим (у Лалемана, Наогеорга и Раталлера, не считая хоровых партий), так и стихотворным неэквиритмическим (перевод партий хора, например, Раталлер переводит парод сапфической строфой) и прозаическим (перевод Винсхейма сохраняет деление на строки, но близок к прозаическому тексту).

Итак, мы можем наблюдать разнообразие переводов, осуществляемых в XVI в. Можно проследить своего рода эволюцию: первая версия Джованни Баттисты Габио выполнена методом *ad verbum*, буквальность перевода не является преградой для восприятия его в качестве интерпретации [Теперик 2020: 196] и свидетельствует об особом мировоззрении, приверженности идее сходства и соответствия между двумя классическими языками. Затем появляются четыре перевода *ad sensum*: более точный и лаконичный, предназначенный для учащихся (перевод Винсхейма), и более вольные переводы Лалемана, Наогеорга и Раталлера, предназначенные для определенного круга ученых людей (издания сопровождаются стихотворными обращениями к переводчикам от других гуманистов).

Джованни Габио и Файт Винсхейм, вероятно, оба использовали свои переводы в образовательных целях, однако руководствовались разными стратегиями: можно предположить, что если Габио практиковал метод параллельного чтения древнегреческого и латинского текстов, то Винсхейм создавал свой латинский перевод для того, чтобы студенты могли ознакомиться с содержанием древнегреческой драмы на более понятном языке — латыни; можно предположить, что переводы *ad sensum* (по смыслу) были более понятны, поскольку лексически и грамматически больше соответствуют норме латинского языка. Однако и буквальные переводы сыграли свою роль

в рецепции античных текстов: такие «подстрочники» нередко использовались при переводе на национальные языки: так, к текстам Габио обращался один из первых переводчиков Софокла на итальянский Бернардо Сеньи [Ghisalberti 1998: 209].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Евдокимова Л.В.* Перевод и подражание: литературная теория и практика (вступительные замечания) // Перевод и подражание в литературах Средних веков и Возрождения / Под ред. Л.В. Евдокимовой. М., 2002. С. 3–11.
2. *Преснова Н.В.* Особенности перевода предложений (на материале латинских переводов «Антигоны» Софокла в XVI в.) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2022. Т. 26. С. 977–986.
3. *Смирнова А.С.* Переводы из Цицерона в Кратком руководстве к красноречию Михаила Ломоносова // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8, № 4. С. 1172–1186.
4. *Софронова Л.В., Хазина А.В.* «De ratione studii»: Эразм Роттердамский о методике обучения классической словесности // Вестник Мининского университета. 2018. № 2 (23). <https://vestnik.mininuniver.ru/> [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/815/667> (дата обращения: 12.07.2023).
5. *Теперик Т.Ф.* Перевод как форма рецепции (на материале античных авторов) // Осенние коммуникативные чтения — 2018. Т. 1 : сборник статей Международной научно-практической конференции. к 20-летию открытия лингвистического образования в РосНОУ / сост. О.Ю. Иванова. М., 2020. С. 193–201.
6. *Чёрный Э.* Греческий синтаксис гимназического курса, изложенный сравнительно с русским и латинским. М., 1883–1885.
7. *Ярхо В.Н.* Софокл. Жизнь и творчество. М., 2005.
8. *Cosenza M.E.* Biographical and bibliographical dictionary of the Italian humanists and of the world of classical scholarship in Italy, 1300–1800. Boston, 1962, II.
9. *Ghisalberti, A.M. (ed.)* Dizionario Biografico degli Italiani. V 51. Roma, 1998.
10. *Lamers H.* Janus Lascaris' Florentine Oration and the 'Reception' of Ancient Aelism // Making and rethinking the Renaissance: Between Greek and Latin in 15th–16th century Europe (Trends in Classics, supplementary volumes 77) / Eds. G. Abbamonte, St. Harrison. Berlin & Boston, 2019. P. 27–50.
11. *Liddell H.G., Scott R.* A Greek-English Lexicon. Revised and augmented throughout by Sir Henry Stuart Jones, with the assistance of Roderick McKenzie. Oxford, 1940.
12. *Linde J.C.* Translating Aristotle in Fifteenth-Century Italy: George of Trebizond and Leonardo Bruni // *Et Amicorum: Essays on Renaissance Humanism and Philosophy*. Leiden, 2018. P. 47–68.
13. *Lupić I.* The Mobile Queen: Observing 'Hecuba' in Renaissance Europe // *Renaissance Drama*. 2018. V. 46. № 1. P. 25–56.
14. OLD — Oxford Latin Dictionary / Ed. A. Souter, C. Bailey, J.M. Wyllie, P.G.W. Glare. Oxford, 1968.
15. *Shumilin M.* Textual Notes on the Passio Nazarii, Celsi, Geruasii et Protasii (BHL 6043) // *Philologia Classica*. 2022. № 1. P. 107–112.
16. *Smyth H.W.* A Greek Grammar for Colleges. New York, 1920.
17. *Tierney M.C.* A Syntactic Analysis of Negation in Latin: Negated Quantifier Phrases (Senior Honors Thesis). New York, 2018.
18. *Tunberg T.* Spoken Latin in the Late Middle Ages and Renaissance Revisited // *The Journal of Classics Teaching*. 2020. № 21. P. 67–71.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

19. *Gabia J.B.* Sophoclis tragoediae omnes, nunc primum Latine ad verbum factae, ac Scholiis quibusdam illustratae, Ioanne Baptista Gabia Veronensi interprete. Venetiis (Venice). 1543. 398 p.
20. *Lalamantius J.* Sophoclis tragicorum veterum facile principis Tragoediae, quotquot extant, septem... nunc primum Latine factae, & in lucem emissae per Ioannem Lalamantium. Lutetiae (Paris). 1557. 648 p.
21. *Naogeorgus Th.* Sophoclis Tragoediae septem, Latino carmine reditae, & Annotationibus illustratae, per Thomam Naogeorgum Straubingensem. Basileae (Basel). 1558. 518 p.
22. *Ratallerus G.* Tragoediae Sophoclis quotquot extant carmine latino redditae Georgio Ratallero. Antverpiae (Antwerp). 1570. 398 p.
23. *Winshemius V.* Interpretatio tragoediarum Sophoclis ad utilitatem iuventutis quae studiosa est Graecae linguae edita a Vito Winshemio. Francoforti (Frankfurt). 1546. 415 p.

REFERENCES

1. Evdokimova L.V. Peregod i podrazhanie: literaturnaya teoriya i praktika (vstupitel'nye zamechaniya) [Translation and Imitation: Literature Theory and Practice (Introductory Remarks)]. *Peregod i podrazhanie v literaturah Srednih vekov i Vozrozhdeniya / Pod red. L.V. Evdokimovoj* [Translation and Imitation in Medieval and Renaissance Literature. Ed. L.V. Evdokimova]. M., IMLI, 2002. P. 3–11. (In Russ.)
2. Presnova N.V. Osobennosti perevoda sentencij (na materiale latinskih perevodov “Antigony” Sofokla v XVI v.) [Features of the translation of commonplaces (on the basis of latin translations of Sophocles’ ‘Antigone’ in the 16th century)]. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*. 2022. V. 26. P. 977–986. (In Russ.)
3. Smirnova A.S. Perevody iz Cicerona v Kratkom rukovodstve k krasnorechiyu Mihaila Lomonosova [Translations of Cicero in Mikhail Lomonosov’s ‘Quick Start Guide to Eloquence’]. *Quaestio Rossica*. 2020. T. 8, № 4. P. 1172–1186. (In Russ.)
4. Sofronova L.V., Hazina A.V. “De ratione studii”: Erasm Rotterdamskij o metodike obucheniya klassicheskoy slovesnosti [‘De ratione studii’: Erasmus of Rotterdam on Methods of Teaching Classical Languages]. *Vestnik Mininskogo universiteta*. 2018. № 2 (23). <https://vestnik.mininuniver.ru/>. Online resource: URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/815/667> (accessed 12.07.2023). (In Russ.)
5. Teperik T.F. Peregod kak forma recepcii (na materiale antichnyh avtorov) [Translation as a form of reception: on the basis of ancient authors]. *Osennie kommunikativnye chteniya — 2018. T. 1 : sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. k 20-letiyu otkrytiya lingvisticheskogo obrazovaniya v RosNOU / sost. O.YU. Ivanova*. M., 2020. P. 193–201. (In Russ.)
6. Chyornyj E. *Grecheskij sintaksis gimnazicheskogo kursa, izlozhennyj sravnitel'no s russkim i latinskim* [Greek Syntax Compared to Russian and Greek]. M., Nasl. Br. Salayevykh publ. 1883–1885. 332 p. (In Russ.)
7. Yarho V.N. *Sofokl. Zhizn' i tvorchestvo* [Sophocles. Life and Work]. M., 2005. 252 p. (In Russ.)
8. Cosenza M.E. *Biographical and bibliographical dictionary of the Italian humanists and of the world of classical scholarship in Italy, 1300–1800*. Boston 1962, II. 1021 p.
9. Ghisalberti, A.M. (ed.) *Dizionario Biografico degli Italiani*. V 51. Roma. 1998.
10. Lamers H. Janus Lascaris’ Florentine Oration and the ‘Reception’ of Ancient Aesolism. *Making and rethinking the Renaissance: Between Greek and Latin in 15th–16th century Europe (Trends in Classics, supplementary volumes 77)*. Eds. G. Abbamonte, St. Harrison. Berlin & Boston, 2019. P. 27–50.

11. Liddell H.G., Scott R. *A Greek-English Lexicon*. Revised and augmented throughout by Sir Henry Stuart Jones with the assistance of Roderick McKenzie. Oxford, Clarendon Press. 1940. 1777 p.
12. Linde J.C. Translating Aristotle in Fifteenth-Century Italy: George of Trebizond and Leonardo Bruni. *Et Amicorum: Essays on Renaissance Humanism and Philosophy*. Leiden, 2018. P. 47–68.
13. Lupaş I. The Mobile Queen: Observing ‘Hecuba’ in Renaissance Europe. *Renaissance Drama*. 2018. V. 46. № 1. P. 25–56.
14. *Oxford Latin Dictionary*. Ed. A. Souter, C. Bailey, J.M. Wyllie, P.G.W. Glare. Oxford, Clarendon Press. 1968.
15. Shumilin M. Textual Notes on the Passio Nazarii, Celsi, Geruasii et Protasii (BHL 6043). *Philologia Classica*. 2022. № 1. P. 107–112.
16. Smyth H.W. *A Greek Grammar for Colleges*. New York, American Book Company. 1920. 784 p.
17. Tierney, M.C. *A Syntactic Analysis of Negation in Latin: Negated Quantifier Phrases (Senior Honors Thesis)*. New York, 2018. 60 p.
18. Tunberg T. Spoken Latin in the Late Middle Ages and Renaissance Revisited. *The Journal of Classics Teaching*. 2020. № 21. P. 67–71.

SOURCES OF EXAMPLES

19. *Gabia J.B. Sophoclis tragoediae omnes, nunc primum Latine ad verbum factae, ac Scholiis quibusdam illustratae, Ioanne Baptista Gabia Veronensi interprete*. Venetiis (Venice). 1543. 398 p.
20. *Lalamantius J. Sophoclis tragicorum veterum facile principis Tragoediae, quotquot extant, septem... nunc primum Latine factae, & in lucem emissae per Ioannem Lalamantium*. Lutetiae (Paris). 1557. 648 p.
21. *Naogeorgus Th. Sophoclis Tragoediae septem, Latino carmine reditae, & Annotationibus illustratae, per Thomam Naogeorgum Straubingensem*. Basileae (Basel). 1558. 518 p.
22. *Ratallerus G. Tragoediae Sophoclis quotquot extant carmine latino redditae Georgio Ratallero*. Antverpiae (Antwerp). 1570. 398 p.
23. *Winshemius V. Interpretatio tragoediarum Sophoclis ad utilitatem juventutis quae studiosa est Graecae linguae edita a Vito Winshemio*. Francoforti (Frankfurt). 1546. 415 p.

Поступила в редакцию 17.12.2022

Принята к публикации 21.02.2023

Отредактирована 10.03.2023

Received 17.12.2022

Accepted 21.02.2023

Revised 10.03.2023

ОБ АВТОРЕ

Преснова Наталия Владимировна — аспирантка кафедры классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ponvip@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Natalia Presnova — PhD student, Department of Classical Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; ponvip@yandex.ru

БЕЛЛЕТРИЗАЦИЯ СЮЖЕТА АВТОБИОГРАФИИ В РУССКОЙ МЕМУАРИСТИКЕ XVIII ВЕКА

О.С. Рощина, О.А. Фарафонова

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия; roschina67@mail.ru; oxana.faroks@yandex.ru

Аннотация: В статье выявляются варианты изменений традиционной для автобиографического повествования сюжетной схемы. Мемуары XVIII века строятся по такому кумулятивному принципу, когда разнородные события (государственного масштаба, общественной и частной жизни самого мемуариста) описываются параллельно и в строгой временной последовательности. В отличие от предыдущей традиции мемуаротворчества Шаховской концептуализирует свою жизнь как движение от счастья к несчастью и ориентируется на кумулятивный сюжет авантюрного романа. Он описывает только служебную деятельность и выстраивает сюжет автобиографии как ряд серий, состоящих из структурно однородных микросюжетов или сюжетных положений. Счастье и несчастья сменяют друг друга как внутри серий микросюжетов, так и в самой последовательности серий (потеря покровителей — победы над противниками — победы противников — успехи на службе ее величества). В отличие от других автобиографий «Похождение прапорщика Климова» строится не по кумулятивной, а по циклической модели сюжета (вынужденное оставление отечества и семьи — несчастья на чужбине — возвращение). Семантической основой сюжета у Климова становятся темы жестокой судьбы и Божьей воли. Мемуары Шаховского и Климова, по сути, представляют собой два возможных варианта перенесения структуры сюжетов эпических жанров (кумулятивного сюжета авантюрного романа в одном случае, циклического сюжета притчи о блудном сыне и восходящих к нему древнерусских повестей в другом) в мемуарное повествование. Беллетризация сюжета автобиографии предопределяется наличием концептуального осмысления собственной жизненной истории у авторов, в отличие от большинства мемуаров XVIII века, где события просто фиксируются как хроника и не выстраиваются в семантически обусловленный сюжетный ряд.

Ключевые слова: мемуары XVIII века; кумулятивный сюжет; циклический сюжет; беллетризация; Я.П. Шаховской; А.Я. Климов

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-10

Для цитирования: Рощина О.С., Фарафонова О.А. Беллетризация сюжета автобиографии в русской мемуаристике XVIII века // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 4. С. 113–122.

AUTOBIOGRAPHIES BASED ON MODELS OF FICTION LITERATURE PLOTS IN RUSSIAN MEMOIRISTICS OF THE 18TH CENTURY

O.S. Roshchina, O.A. Farafonova

*Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia; roschina67@mail.ru;
oxana.faroks@yandex.ru*

Abstract: The article identifies the alternative changes to the traditional plot pattern for autobiographical narration. Memoirs of the 18th century are based on the cumulative principle presuming that heterogeneous events (both nation-wide and those of public and private life of the memoirist himself) are described in parallel and in a strict chronological sequence. In contrast to the previous tradition of memoir-making, Shakhovskoy conceptualizes his life as moving from happiness to unhappiness and focuses on the cumulative plot of an adventure novel. He describes only official activity and builds up the plot of the autobiography as a number of series, consisting of structurally homogeneous microplots or plot situations. Happiness alternates with unhappiness both within the series of microplots and in the very sequence of the series (loss of patrons — victories over opponents — victories of opponents — success in the service of Her Majesty). Unlike other autobiographies, *The Adventures of Ensign Klimov* is based not on the cumulative but on the cyclic pattern of the plot (forced abandonment of the Fatherland and the family — suffering calamities in exile — return). The plot of Klimov's memoirs is semantically based on the story of cruel fate and God's will. The memoirs of Shakhovskoy and Klimov actually represent two possible options for transferring the plot structure of epic genres into memoir narration: specifically, the cumulative plot of an adventure novel in one case, and the cyclic one of the parable of the prodigal son and ancient Russian stories dating back to it in the other. The use of models of fiction literature plots is predetermined by the authors' conceptual understanding of their own life history, in contrast to most memoirs of the 18th century, where events are simply recorded as a chronicle and do not line up in a semantically determined plot series.

Keywords: memoirs of the 18th century; cumulative plot; cyclic plot; fictionalization; Ya.P. Shakhovskoy; A.Ya. Klimov

For citation: Roshchina O.S., Farafonova O.A. (2023) Autobiographies Based on Models of Fiction Literature Plots in Russian Memoiristics of the 18th Century. *Lo-monosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 113–122.

Исследователи отмечают разного рода процессы индивидуализации и усложнения оптики повествования в мемуаристике второй половины XVIII века [Елизаветина 1982; Приказчикова 2019; Рощина, Фарафонова 2020]. Необходимо добавить, что индивидуализация в мемуаротворчестве этого периода проявляется и на уровне сюжетосложения, что обнаруживается в изменениях традиционной для автобиографического повествования сюжетной схемы. Боль-

шинство русских мемуаров XVIII века строятся, как и хроники, по определенному кумулятивному принципу: фиксируются сколько-нибудь значимые, необычные или примечательные события в истории государства, в служебной деятельности мемуариста и в его внутрисемейной жизни, все эти события описываются параллельно и в строгой временной последовательности. Если в мифах, сказках и художественных текстах кумулятивный сюжет представляет собой «нанизывание» однородных событий и/или персонажей вплоть до катастрофы» [Тамарченко 2004: 204], то в мемуарных текстах XVIII века автобиографического характера сюжетная катастрофа отсутствует и по причине незавершенности жизни мемуариста, и в силу разнородности описываемых событий, не выстраивающихся в единый семантический ряд. Такой тип сюжета обнаруживается в автобиографических записках на протяжении всего XVIII века — в мемуарах Б.И. Куракина (1710), В.В. Головина (1733), Э. Миниха (1758), В.А. Нащокина (1759), М.В. Данилова (1771), И.И. Неплюева (1773) и др.

Иначе выстраивается кумулятивный сюжет в «Записках» (1772) Я.П. Шаховского (1705–1777). Большая часть описываемых Шаховским событий очевидным образом подвергается компоновке, и сюжет выстраивается уже не как последовательность разнородных событий, а как последовательность серий однотипных по своей структуре микросюжетов или серий повторяющихся сюжетных ситуаций (с небольшими вкраплениями не входящих в ту или иную серию событий). В первой части «Записок» можно выделить две такие серии микросюжетов. В первой серии четырежды воспроизводится модель обретения и потери покровителя: служба под началом дяди и его смерть; благосклонность и милости сначала А.П. Волынского, затем Бирона, впоследствии М.Г. Головкина, так же последовательно сменяющиеся их арестами. Такого рода перемены рефлексированы автором как игра судьбы и перемены от счастья к несчастью.

Вторая серия микросюжетов — побед над противниками — охватывает деятельность Шаховского на посту обер-прокурора Святейшего Синода и генерал-кригс-комиссара Военной коллегии и также выстраивается по общей для них структурной модели. Начальный эпизод этого микросюжета — описание исходной спорной ситуации, как-то: удержание жалования у членов Святейшего Синода; предложение членов Синода замять дело уличенного в прелюбодеянии архимандрита; заключение под стражу приехавшего с Афона архимандрита, показывающего частицы святых даров по домам, не представивши о них удостоверения в Синоде; борьба за снабжение армии сукном не английского, а российского производства; размещение

раненых в предназначенных к сносу помещениях дворцовой канцелярии. Следующее сюжетное положение в этой модели — ходатайства противников Шаховского перед императрицей о разрешении спорного дела к их выгоде и временная победа противников (удержание жалования у самого Шаховского почти на год; указания об освобождении заключенных под стражу архимандритов, перемещение раненых в дом самого Шаховского по повелению императрицы). Конечная ситуация — предоставленный судьбой случай «усчастливиться» доложить государыне истинное положение дел, что и завершается разрешением дела по представлению Шаховского. Некоторые элементы этой сюжетной модели могут варьироваться, например, в деле с поставкой сукна в армию сюжетная ситуация временной победы противников заменяется ситуацией временной слабости самого автора — размышлением, не принять ли взятку от английского поставщика Вульфа.

Сюжетная модель победы над противником с некоторыми вариациями представлена в нескольких микросюжетах и во второй части «Записок». Первые пять микросюжетов описывают противостояние Шаховского, исполняющего должность генерал-прокурора в Сенате и конференц-министра, с графом Петром Ивановичем Шуваловым по разным поводам: Шаховской требует предоставить ведомости о наличных деньгах из монетной конторы и из экспедиции по переделу медных денег, находящихся под дирекцией П.И. Шувалова; отказывает некоему дворянину в выдаче из ведомства Шувалова займа под проценты; отказывает в выплате двойного жалованья полковнику, устроившемуся в контору переделывания медных денег; в частной встрече перед лицом Ивана Ивановича Шувалова, фаворита Елизаветы Петровны, по нескольким пунктам уличает Петра Ивановича в извлечении собственной выгоды и нанесении убытка казне; в отличие от других сенаторов отказывается утверждать проект переделки новых медных денег в еще более легкие, представленный П.И. Шуваловым. В отличие от предыдущей серии микросюжетов о победах над противниками, в серии микросюжетов о победах над П.И. Шуваловым отсутствует сюжетная ситуация временной победы противника. Но это звено вновь восстанавливается в следующем микросюжете об отказе Шаховского дать согласие по просьбе французского двора на временное перемирие в военных действиях с прусским королем. В итоге такой указ отправляется для русского посланника при французском дворе, но впоследствии выясняется, что позиция Шаховского в этом вопросе была сходной с мнением императрицы.

Далее следует серия из нескольких микросюжетов о победе противников над Шаховским в последнее время правления Елизаветы

Петровны, когда он уже не может получить доступ к императрице. Модель этих микросюжетов состоит только из двух сюжетных ситуаций: спорного дела и решения его в пользу противников. В двух случаях Шаховской отказывается подписывать указы Сената, созданные на основе устных указаний императрицы, переданных через третьих лиц (указы издаются без его подписи), также описывает, как новый генерал-кригс-комиссар Глебов изменяет ранее заведенный Шаховским порядок перевода средств для действующей за границей армии. К этой серии структурно и семантически примыкает описание того, как приближенные Петра Федоровича высылают сенаторов Шаховского и Неплюева из внутренних покоев дворца в преддверии кануна кончины Елизаветы Петровны.

Последние события в «Записках» Шаховского представляют собой перечисление его успешных дел уже при Екатерине II и выстраиваются в серию сюжетных ситуаций, которые, по сути, восполняют недостающее в предыдущей серии микросюжетов (побед противников) звено побед над противниками. Описываются обнаружение сочиненного на основании заключений Шаховского манифеста императрицы о получении в казну доходов с духовных вотчин, проведенные по его инициативе в Ярославле осмотр амуниции в армейских полках и ревизии воеводских и магистратских канцелярий во время возвращения в свите императрицы с коронации. Также Шаховской сообщает, что менее чем за год он по поручению императрицы составил новые инструкции для коллежских, губернских и воеводских канцелярий.

Изменение кумулятивной структуры автобиографического сюжета обуславливается тем, что описываемые ситуации выстраиваются не столько по хронологическому, сколько по семантическому принципу, образуя серии чередующихся счастливых и несчастных для автора событий. Этот принцип обозначается и в конце текста: «я <...> научен был не забывать и помнить, что от счастья к несчастью один шаг бывает» [Шаховской 1998: 176]. Перемены сюжетных положений от счастья к несчастью и кумулятивная структура сюжета с благополучным исходом сюжетной катастрофы являются конститутивным элементом авантюрного романа. Шаховской обнаруживает знакомство по крайней мере с одним популярным образцом этого жанра — «Путешествием Телемака» Фенелона и в построении сюжета своих «Записок», очевидно, ориентируется на него. Подобно тому, как разные серии приключений Телемака и Ментора со счастливым избавлением от всевозможных опасностей разворачиваются в новых топосах, серии счастливых и несчастных событий в жизни Шаховского происходят в новых должностях или социальных статусах. У Шаховского концептуализация своей жиз-

ни как движения от счастливых событий к несчастливым репрезентируется в сюжете посредством своеобразной двойной кумуляции. Счастье и несчастья сменяют друг друга внутри каждой серии событий, за исключением только серии побед над П.И. Шуваловым и последней серии, состоящей не из микросюжетов, а из сюжетных положений. Смена счастливых и несчастливых ситуаций также прослеживается и в самой последовательности серий: потеря покровителей — победы над противниками — победы противников — успехи на службе ее величества. Таким образом, в случае Шаховского можно говорить о перенесении романной кумулятивной структуры сюжета в автобиографическую прозу.

Подобно «Запискам» Шаховского, «Похождение прапорщика Климова», выделяется манерой повествования и самой структурой сюжета на фоне многих мемуарных текстов XVIII века. Текст «Похождения» разделяется на две условные и неравные части — до пленения и после. Повествование «до» построено по традиционной для мемуаристики кумулятивной сюжетной схеме — «достопамятные события» нанизываются на канву автобиографии: рассказ о своем происхождении и родителях, несколько эпизодов из детства до зачисления на службу в тринадцатилетнем возрасте, смерть матери, описание довольно счастливой истории службы в Ростовском драгунском полку, счастливая история любви и женитьбы, отправка полка в Пруссию.

Большая часть текста «Похождения» посвящена описанию «несчастной судьбы» героя-мемуариста после того, как он оказался в прусском плену. Изложенная Климовым «бедного странствия трагедия» разворачивается согласно трехчленной циклической сюжетной схеме: потеря — поиск — обретение/возвращение. Жизнь в плену описывается как пребывание в ином мире — мире страданий, опасности и смерти. В повествовании Климова присутствует и такой «типичный для циклического сюжета» элемент, как «пересечение топологической границы между двумя мирами» [Бройтман 2004: 79]. С героем-мемуаристом это происходит дважды. Первый раз — когда после пленения он оказывается в Пруссии, второй раз — когда, возвращаясь на родину, он снова пересекает границу России. Образующаяся таким образом симметрия сюжета подкреплена и сменой статуса героя, переживающего своего рода умирание и рождение при переходе границы между своим и чужим пространством. Так, Климов сообщает, что, оказавшись в плену, он и его собратья по несчастью «не хотели изменить России. <...> фальшивым предложением при размене [пленных] показаны мы были все умершими. <...> мы бедные, принуждены были остаться в Пруссии» [Похождение прапорщика Климова 2011: 42–45]. Все долгое

пребывание в плену и подневольная служба в прусской армии связаны с постоянным «переживанием» смерти. Климов описывает череду несчастных происшествий, свидетелем или невольным виновником которых становится он сам, и своих скитаний: жестокое убийство озверевшим пьяным отцом всего своего семейства, случайное убийство Климовым пьяного вахмистра, ожидание наказания, бегство из-под стражи, скитание по Пруссии, встреча с королем Фридрихом, помилование, австрийский плен, откуда, дождавшись удобного случая, герой начинает свое «долгое странствование» в Россию. Очевидно, что за тридцать с лишним лет в Пруссии, а потом в Австрии с ним могли происходить не только печальные события, но Климов отбирает и описывает именно несчастные и даже ужасные эпизоды, подчиняя всю историю идее неотвратимости судьбы, в его случае несчастной.

Пересечение границы по возвращении героя в Россию изображается фактически как его второе рождение. По дороге он был схвачен польско-литовскими татарами, служившими в австрийской армии: «оныя татары, а лучше сказать, варвары, невзирая на мои просьбы, аки тираны, совлекли с меня весь мой мундир, да не довольно — и рубашку, и отобрав от меня все мои бедные деньги, бросили в один погреб голого, как происшедшего на свет из материнской утробы. <...> на другой день выведен я был из тюрьмы. И не дав мне из моих вещей ниже что малейшего, хоша б прикрыть свое голое тело, <...> велели идтить, куда я хочу» [Похождение прапорщика Климова 2011: 154–155]. В таком виде Климов добрался до русского поселения Гремзы, где некий мужичок снабдил его крестьянской одеждой. Климов не по своей воле, но, тем не менее, освобождается от атрибутов чужого мира (даже одежды), но свой истинный облик — русского дворянина — вновь обретает только оказавшись на территории Российской империи: «дан мне был паспорт для проезда в Россию, в мое отечество, с награждением прапорщичьим чином, на дорогу деньгами также. Притом был одет, как принадлежит офицеру» [Похождение прапорщика Климова 2011: 158–159].

Самое удивительное событие по возвращении в Россию происходит с Климовым в Полоцке: случайно на улице Климова останавливает офицер: «Я <...> дал ему в руки [паспорт] <...> и когда дошел до моего имени, на том пункте остановился. Глаза его наполнились слез, он долго не мог сказать мне ни единого слова. <...> “Кто был ваш батюшка?” — сказал он. <...> “Не было ли у вас еще братьев?” <...> “Как нет, — отвечивал я. Два брата и две сестры <...>”. — “А брата Александра не имели ли вы?” — “Точно, — сказал я. — Я его покинул еще четырех лет дома, да к тому же он есть мне сын крест-

ный <...>». Тут упал ко мне в беспамятстве на шею <...> только произнес те слова: “Я твой брат и сын крестный”» [Похождение прапорщика Климова 2011: 162–163]. Возвращение-возрождение Климова, являясь третьей — завершающей — частью циклической сюжетной схемы, очевидным образом совпадает с финалом притчи о блудном сыне: «Твой брат был мертв и ожил, пропадал и нашелся».

Можно предположить, что сюжетной основой «Похождения» Климова послужила как очень продуктивная в плане порождения литературных сюжетов притча о блудном сыне, так и ее сюжетные вариации в русской литературе XVII века — «Повесть о Горе-Злосчастии» и «Повесть о Савве Грудцине». На такую мысль наводит очевидное сходство как тематики (скитания по чужим землям), так и некоторых эпизодов «Повестей» с «Похождением» Климова: Горе увещевает молодца стать нагим и босым и само предстает перед ним в таком виде, молодец переодевается из платья гостиного в гуньку кабацкую, а потом в порты крестьянские и в конце уходит в монастырь, Савва участвует в войне и также в конце уходит в монастырь. В «Похождении» Климова помимо сюжета о его приключениях есть вставной текст о жизни некоего «графа Пизы, бывшего пустынноком», который и рассказывает «приключения своей жизни» (во многом сходные с приключениями самого Климова), приведшие его к отшельничеству. В «Похождении прапорщика Климова» есть пересечения и с известными в XVIII веке произведениями зарубежной литературы. Так, Е.Д. Кукушкина отмечает, что «несколько эпизодов в мемуарах Климова перекликаются с сюжетами “Симплиссимуса”» [Кукушкина 2011: 196]. Существенно, что Державин, в чьих руках оказалось жизнеописание Климова, очевидно, почувствовав литературную природу этого текста, в его названии употребляет номинацию «похождение», а не «записки», как было принято для автобиографических повествований в XVIII веке.

Таким образом, можно отметить, что в отличие от предыдущей традиции автобиографического описания и Шаховским, и Климовым отчетливо артикулируется осмысление собственной жизни как движение от счастья к несчастью. При этом последним сюжетным положением у обоих, как в авантурных романах и древнерусских повестях, оказывается перемена от несчастья к счастью. Шаховской выстраивает сюжет по новому для автобиографии кумулятивному принципу — как последовательно сменяющие друг друга серии структурно однородных микросюжетов или сюжетных ситуаций, а Климов — по циклической модели (вынужденного оставления отечества и семьи — претерпевания несчастий на чужбине — возвращения). Мемуары Шаховского и Климова, по сути, представляют собой в наиболее чистом виде два возможных варианта перенесения

структуры сюжетов эпических жанров — кумулятивной и циклической — в мемуарное повествование. Беллетризация сюжета биографии предопределяется, на наш взгляд, наличием концептуального осмысления собственной жизненной истории у этих авторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бройтман С.Н. Историческая поэтика // Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. М., 2004. Т. 2.
2. Елизаветина Г.Г. Становление жанров автобиографии и мемуаров // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М., 1982. С. 235–263.
3. Кукушкина Е.Д. Мемуары Алексея Климова как историческое свидетельство и литературный памятник // Похождение прапорщика Климова: (Мемуары XVIII века). СПб., 2011. С. 187–213.
4. Похождение прапорщика Климова // Похождение прапорщика Климова: (Мемуары XVIII века). СПб., 2011. С. 11–177.
5. Приказчикова Е.Е. Изображение монархов в русской мемуарной литературе XVIII века: в поисках образа идеального правителя // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 5. С. 119–128.
6. Рощина О.С., Фарафонова О.А. Специфика повествования о правителях в русских мемуарах 20-х — 70-х годов XVIII века // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 63–75.
7. Тамарченко Н.Д. Литература как продукт деятельности: Теоретическая поэтика // Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. М., 2004. Т. 1. С. 106–473.
8. Шаховской Я.П. Записки // Империя после Петра. 1725–1765. М., 1998. С. 9–176.

REFERENCES

1. Broitman S.N. Istoricheskaya poetika [Historical poetics]. *Teoriya literatury* [Theory of literature]. Moscow: *Akademiya Publ.*, 2004, vol. 2. 368 p. (In Russ.)
2. Elizavetina G.G. Stanovlenie zhanrov avtobiografii i memuarov [The formation of genres of autobiography and memoirs]. *Russkiy i zapadno-evropeyskiy klassitsizm. Proza* [Russian and Western European classicism. Prose]. Moscow: *Nauka Publ.*, 1982, pp. 235–263. (In Russ.)
3. Kukushkina E.D. Memuary Aleksey Klimova kak istoricheskoe svidetel'stvo i literaturnyi pamyatnik [Memoirs of Alexey Klimov as a historical evidence and literary monument]. *Pokhozhdenie praporshchika Klimova: (Memuary XVIII veka)* [The Adventure of Ensign Klimov: (Memoirs of the XVIII century)], Saint Petersburg: *Pushkinskii dom Publ.*, 2011, pp. 187–213. (In Russ.)
4. Pokhozhdenie praporshchika Klimova [The Adventure of Ensign Klimov]. *Pokhozhdenie praporshchika Klimova: (Memuary XVIII veka)* [The Adventure of Ensign Klimov: (Memoirs of the XVIII century)], Saint Petersburg: *Pushkinskii dom Publ.*, 2011, pp.11–177. (In Russ.)
5. Prikazchikova E.E. Izobrazhenie monarkhov v russkoy memuarnoy literature XVIII veka: v poiskakh obraza ideal'nogo pravitelya [The image of monarchs in Russian memoir literature of the XVIII century: in search of the image of the ideal ruler]. *Gumanitarnyy vektor* [Humanitarian vector]. 2019, vol. 14, no. 5, pp. 119–128. (In Russ.) doi:10.21209/1996-7853-2019-14-5-119-128.
6. Roshchina O.S., Farafonova O.A. Spetsifika povestvovaniya o pravitelyakh v russkikh memuarakh 20-kh — 70-kh godov XVIII veka [The specifics of the narrative about

- the rulers in Russian memoirs 20s — 70s of the XVIII century]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2020, no. 4, pp. 63–75. (In Russ.) doi: 10.17223/18137083/73/4.
7. Tamarchenko N.D. Literatura kak produkt deyatel'nosti: Teoreticheskaya poetika [Literature as a product of Activity: Theoretical Poetics]. *Teoriya literatury* [Theory of literature]. Moscow: *Akademiya Publ.*, 2004, vol. 1, pp. 106–473. (In Russ.)
 8. Shakhovskoy Ya.P. Zapiski [Notes]. *Imperiya posle Petra. 1725–1765* [Empire after Peter. 1725–1765]. Moscow: *Fond Sergeya Dubova Publ.*, 1998, pp. 9–176. (In Russ.)

Поступила в редакцию 20.05.2022

Принята к публикации 15.04.2023

Отредактирована 10.05.2023

Received 20.05.2022

Accepted 15.04.2023

Revised 10.05.2023

ОБ АВТОРАХ

Рощина Ольга Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета; roschina67@mail.ru

Фарафонова Оксана Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета; oxana.faroks@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Olga Roshchina — Ph. D., Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Literature Teaching Methods, Novosibirsk State Pedagogical University; roschina67@mail.ru

Oksana Farafonova — Ph. D., Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Literature Teaching Methods, Novosibirsk State Pedagogical University; oxana.faroks@yandex.ru

АВТОР, ПОВЕСТВОВАТЕЛЬ, ГЕРОЙ В РОМАНЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»: ПОЭТИКА НАРРАЦИИ

А.М. Ранчин

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; aranchin@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена анализу соотношения фигур реального автора и вымышленного автора-нарратора в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Показано, что в результате включения в текст второго издания романа (1841) авторского предисловия, содержащего полемику Лермонтова с рецензентами первого издания, произошла интерференция «я» реального создателя произведения и «я» вымышленного автора, которому приписаны повести «Бэла», «Княжна Мери» и предисловие к дневнику главного героя. Существенно, что некоторые биографические признаки Лермонтова и вымышленного автора совпадают, а два предисловия перекликаются. Благодаря всему этому возник эффект нетривиальной литературной игры, основанной на иллюзии достоверности изложенных в романе событий: реальный автор словно знакомится с Печориным. Эта игра принципиально отличается от стернианского обыгрывания и нарушения границ реального и фикционального в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина, главные герои которого представлены одновременно и реальными лицами, и порождениями фантазии автора. В отличие от Пушкина и многих современных ему русских прозаиков Лермонтов не обнажает, а, наоборот, скрывает фикциональную, чисто литературную природу своего нарратива. Вместе с тем создатель «Героя нашего времени» и не прибегает к литературной мистификации, не пытается прямо выдать ни нарратора первого уровня, ни Печорина за реальных авторов романа или его части. Образцом для такой игры могла послужить повесть А. фон Шамиссо «Необычайная история Петера Шлемиля», в которой центральный персонаж, излагающий фантастическую историю событий своей жизни, является знакомцем автора и его реально существовавших приятелей.

Ключевые слова: М.Ю. Лермонтов; «Герой нашего времени»; автор; повествователь; герой; поэтика наррации

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-11

Для цитирования: Ранчин А.М. Автор, повествователь, герой в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: поэтика наррации // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 4. С. 123–134.

AUTHOR, NARRATOR, HERO IN M.YU. LERMONTOV'S NOVEL *A HERO OF OUR TIME*: NARRATIVE POETICS

Andrey Ranchin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; aranchin@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the analysis of the correlation between the figures of the real author and the fictional author-narrator in the novel by M.Yu. Lermontov *A Hero of Our Time*. It is shown that as a result of the inclusion in the text of the second edition of the novel (1841) of the author's preface, containing Lermontov's polemic with the reviewers of the first edition, there was an interference of the "I" of the real creator of the work and the "I" of the fictional author, to whom the stories Bela, Princess Mary and the preface to the diary of the protagonist are attributed. It is significant that some of the biographical features of Lermontov and the fictional author coincide, and the two prefaces overlap. Thanks to all this, the effect of a non-trivial literary game arose, based on the illusion of the authenticity of the events set forth in the novel: the real author seems to get acquainted with Pechorin. This game is fundamentally different from the Sternian play and violation of the boundaries of the real and the fictional in A.S. Pushkin's *Eugene Onegin*, whose main characters are represented both by real persons and creations of the author's imagination. Unlike Pushkin and many contemporary Russian prose writers, Lermontov does not expose, but, on the contrary, hides the fictional, purely literary nature of his narrative. At the same time, the creator of *A Hero of Our Time* does not resort to literary hoax, does not directly try to pass off either the first-level narrator or Pechorin as the real authors of the novel or part of it. The story of A. von Chamisso *The Extraordinary Story of Peter Schlemil* could serve as a model for such a game, in which the central character, who tells a fantastic story of the events of his life, is an acquaintance of the author and his real-life friends.

Keywords: M.Yu. Lermontov; *A Hero of Our Time*; author; narrator; poetics of narration

For citation: Ranchin A.M. (2023) Author, Narrator, Hero in M.Yu. Lermontov's Novel *A Hero of Our Time*: Narrative Poetics. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 123–134.

Поводом к написанию нижеследующего текста послужил вопрос, заданный В.А. Воропаевым несколько лет назад на посвященной М.Ю. Лермонтову конференции, проходившей на филологическом факультете МГУ: известны ли еще произведения, в которых автор встречался бы со своим героем и где автор реальный и вымышленный не были бы четко разделены? Сначала вопрос-замечание не показался пишущему эти строки заслуживающим пристального внимания: случаи, когда в русских или западноевропейских произведениях, современных Лермонтову либо более ранних, нарратор выступает в роли их возможного фиктивного создателя, весьма

многочисленны. Вот лишь несколько примеров. В «Бедной Лизе» (1792) Н.М. Карамзина повествователь — знакомый Эраста и наделен биографическими чертами самого писателя: он москвич, любитель пеших прогулок в окрестностях Первопрестольной. Еще сильнее акцентировано сходство реального Карамзина и нарратора в повести «Остров Борнгольм» (1794).

Еще в Англии путешественник-повествователь увидел некоего человека, поющего арию о своей противозаконной любви и об острове Борнгольме, а на самом Борнгольме на обратном пути в Россию встречает других участников этой таинственной и трагической истории¹.

Карамзин в 1790 году действительно вернулся из Англии в Петербург, причем, скорее всего, именно морским путем². Первые читатели повести знали о его пребывании в Англии из недавно изданных «Писем русского путешественника»³. По замечанию Ю.М. Лотмана, «[п]очти все произведения Карамзина воспринимались читателями как непосредственные автобиографические признания писателя» и «Карамзин, безо всякого сомнения, не только предчувствовал, но и стимулировал такое восприятие» [Лотман 1987: 17].

Еще более показательный случай — «Евгений Онегин». В его тексте Автор — нарратор с реальной биографией Пушкина — аттестует главного героя «добрый мой приятель» (глава первая, строфа II [Пушкин 1978: 8]), признается: «С ним подружился я в то время. / Мне нравились его черты, / Мечтам невольная преданность, / Неподражательная странность / И резкий, охлажденный ум» (глава первая, строфа XLV [Пушкин 1978: 23–24]) — и заявляет: «Письмо Татьяны предо мною, / Его я свято берегу» (глава третья, строфа XXXI [Пушкин 1978: 60]). Таким образом, в этих высказываниях вымышленные персонажи романа в стихах представлены как действительно существующие люди, которые словно обитают в одном пространстве с двуединым, двуликим автором — одновременно персонажем романа в стихах и создателем «Евгения Онегина».

Тем не менее между этими примерами и «Героем нашего времени» есть разительное несходство. Повествователь в «Бедной Лизе» и в «Острове Борнгольме», несмотря на соотнесенность с самим писателем — фигурой, принадлежащей внетекстовой реальности, — отнюдь не представлен как создатель этих произведений, функция скриптора вообще ему не придана. Во вступительных строках второй повести изложенная история представлена если не как устный рассказ у камина в кругу друзей, то как его своеобразный эквивалент:

¹ См. [Карамзин 1964: 661–662].

² См. [Лотман 1987: 250–251].

³ См. об этом [Лотман 1987: 250].

«Сядем вокруг алого огня и будем рассказывать друг другу сказки, и повести, и всякие были» [Карамзин 1964: 661].

Нарратор и автор здесь все-таки разделены.

Соотношение автора и повествователя в «Герое нашего времени» ближе к тому, что характерно для «Евгения Онегина». Однако и в этом случае имеется серьезное различие. Пушкин в своем романе в стихах культивирует стернианскую литературную игру, «обнажение приема»⁴, то создавая иллюзию подлинной истории, им излагаемой, то демонстрируя условность, фикциональность построенного им художественного мира и персонажей — его обитателей. Автор наделяет Онегина и Ленского литературными фамилиями⁵, размышляет о том, какое имя даст герою («Я думал уж о форме плана, / И как героя назову» — глава первая, строфа LX [Пушкин 1978: 29])⁶, и замечает, что «Татьяны милый идеал» «образован» с некоей реальной женщины (глава восьмая, строфа LI [Пушкин 1978: 164]), — то есть признается в фиктивной природе описанных им персонажей. Лермонтов же, хотя и избирает для своего главного героя такую же чисто литературную фамилию, тоже образованную от названия северной русской реки посредством форманта -ин, никак больше не подчеркивает фикциональную природу Печорина.

В отличие от Пушкина, в лирических отступлениях «Евгения Онегина» рассуждающего о самом романе и его замысле, Лермонтов никак не акцентирует условную природу наррации в первых двух главах, «Бэле» и «Максима Максимыче», и в предисловии «К Журналу Печорина», в которых повествователем выступает вымышленный автор «путевых записок», встречающий сначала штабс-капитана, а затем самого Печорина. Признаки, которыми наделен в романе этот нарратор первого уровня⁷, сближают его с реальным создателем произведения — Лермонтовым. Во-первых, он литератор; во-вторых, сослан на Кавказ, о чем свидетельствует обращение к метели: «И ты, изгнанница, — думал я, — плачешь о своих широких раздольных степях!» [Лермонтов 1957: 226–227]. Как заметил Б.М. Эйхенбаум: «Кто же еще здесь изгнанник, плачущий о северных степях? Очевидно, сам автор “Бэлы”, который скоро (в апреле

⁴ См. [Шкловский 1923: 197–220]; см. также [Вольперт 2001: 77–90].

⁵ См. об этом, например, [Лотман 1995: 543–544].

⁶ Нельзя, впрочем, исключить того, что эти строки относятся не к Евгению Онегину, а к персонажу некоей «поэмы песен в двадцать пять», о которой говорится в предыдущей строфе. Так считали, например, В.В. Набоков и В.С. Баевский. См. [Набоков 1999: 235; Баевский 1990: 77–78]. Однако в любом случае фикциональная природа Онегина — знакомца Татьяны, вымышленной героини, — очевидна.

⁷ При разграничении нарраторов различных уровней я использую терминологию В. Шмида; см. [Шмид 2003: 77–79].

1840 года) повторит это, обращаясь к тучам: “Мчитесь вы, будто как я же, *изгнанники*”» [Эйхенбаум 1969: 296, курсив Б.М. Эйхенбаума]. На Кавказ ссылали не только военных (можно вспомнить хотя бы случай В.К. Кюхельбекера), но преимущественно все-таки именно их. Хотя нигде не сказано, что нарратор офицер, как Лермонтов (Максим Максимыч ни разу не обращается к нему с упоминанием воинского звания), характером его бесед со штабс-капитаном этот факт как будто бы предполагается. Максим Максимыч сообщает о себе и спрашивает: «Теперь считаюсь в третьем линейном батальоне. А вы, смею спросить?» [Лермонтов 1957: 205]. Контекст и форма вопроса предполагают, что штабс-капитан интересуется, в каком воинском подразделении служит собеседник. Так же показательно, что Максим Максимыч не поясняет, что такое линейный батальон, — он считает это безусловно понятным для адресата реплики. Повидимому, тот, к кому обращается бывалый кавказский офицер, тоже носит офицерский мундир. Рассказывая о времени своего пребывания на Кавказе, Максим Максимыч произносит фразу: «— Да, я уж здесь служил при Алексее Петровиче» [Лермонтов 1957: 205]. Такое неофициальное, без пояснений, именование Ермолова естественно именно в разговоре с военным. Правда, тот же Б.М. Эйхенбаум, указывая на отсутствие в романе характеристики вымышленного автора как человека военного, утверждал, что его возможное офицерское звание в романе незначимо: «Все это совсем не значит, что едущий “на перекладных из Тифлиса” — на самом деле не офицер, но это значит, что его “офицерство” оказалось фактически ненужным для сюжета, а временами даже как будто мешающим ему — то есть характеру отношений и разговоров между штабс-капитаном и его спутником. Нужным и важным оказалась не военная его профессия, а писательская: именно она внесена и крепко впаяна в самый текст и “Бэлы” и “Максима Максимыча”» [Эйхенбаум 1969: 297]. В пользу такого заключения как будто бы свидетельствует отмеченный исследователем отказ писателя от подзаголовка «Из записок офицера о Кавказе», который имелся в первом, отдельном издании повести «Бэла» в 3-м номере «Отечественных записок» за 1839 год⁸. Однако этот отказ вызван скорее не желанием умолчать о роде службы вымышленного автора, а как раз стремлением затушевать различие между ним и автором подлинным: такой подзаголовок наделял реального создателя «Героя нашего времени» функцией публикатора чужих записок⁹. Называя в первой публи-

⁸ См. [Лермонтов 1957: 257].

⁹ В отдельных случаях указание на различие между «я» автора и «я» нарратора в повестях лермонтовского времени помещалось в подзаголовок: ср., например, «Латник. Рассказ партизанского офицера» А.А. Бестужева-Марлинского.

кации «Бэлы» повествователя — автора «записок» в третьем лице, «офицером», Лермонтов тем самым прямо создавал дистанцию между ним и собою — автором реальным. Впрочем, отказ от подзаголовка «Из записок офицера на Кавказе» мог диктоваться и другой, дополнительной причиной: таким образом устранялся несколько навязчивый повтор ситуаций: иначе получалась бы, что настоящий автор публиковал «путевые записки» автора вымышленного (нарратора первого уровня), а тот в свой черед печатал записки Печорина.

Придание роману или повести формы записок персонажа или переписки героев было традиционным в европейской прозе XVIII века и более позднего времени и в предшествующей и современной Лермонтову русской словесности. В «Герое нашего времени» форма записок-мемуаров (а в повести «Княжна Мери» — собственно дневника, «журнала») использована в главах, приписанных Печорину — нарратору второго или третьего уровня (если считать повествователем второго уровня Максима Максимыча). Обрамляющее повествование в главах «Бэла» и «Максим Максимыч» их вымышленный автор называет «путевыми записками», а не «повестью», противопоставляя беллетристике [Лермонтов 1957: 225]. Но в рамке текста, в жанровом подзаголовке, отграничивающем «собственное» пространство настоящего автора, который непосредственно ответствен за информацию на титульном листе (название произведения, жанровый подзаголовок, имя и фамилия сочинителя), от текста, атрибутируемого герою-нарратору, такое определение отсутствует. Таким образом, указание на различие между реальным и вымышленным авторами все-таки сохранялось. Однако оно не было отчетливым и диктовалось не столько текстом романа, сколько литературной традицией и сформированными ею читательскими представлениями.

В отличие от современников — авторов многочисленных повестей, как отдельных, так и объединенных в циклы, — Лермонтов избегает приемов, откровенно демонстрирующих авторское всевластие над текстом, вмешательство в ход повествования: здесь нет ни немотивированного нарушения хронологии, ни столь же произвольных ретардаций или композиционных перестановок. Стернианская игра с текстом в беспримесном, неприкрытом виде, свойственная этим писателям¹⁰ в такой же мере, что и создателю «Евгения Онегина», Лермонтову чужда. Отказ от сохранения фабульной последовательности событий объясняется сменой повествователей, формой «рассказа в рассказе»; помещение предисловия

¹⁰ Ср. приведенную Б.М. Эйхенбаумом серию примеров такого рода из произведений А.А. Бестужева-Марлинского, А.Ф. Вельмана, князя В.Ф. Одоевского и других современников Лермонтова [Эйхенбаум 1924: 139–144].

(принадлежащего вымышленному автору) в центр романа, перед «Журналом Печорина», мотивировано тем фактом, что дневник героя — это «текст в тексте», требующий такого вступления публикатора¹¹; временный обрыв истории Печорина и Бэлы — следствие не столько прихоти фиктивного автора, пустившегося описывать Койшаурскую долину, сколько настроения Максима Максимыча, приостанавливающего увлекательный рассказ.

Чужда Лермонтову и модная в литературе его эпохи установка на мистификацию. Мистификация предполагает создание фиктивного автора, замещающего реального создателя произведения¹². В русской литературе 1830-х годов были распространены полумистификации — произведения, авторы которых либо скрывались под полупрозрачной маской издателя, либо вообще не называли себя. Так Пушкин в 1831 году напечатал «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А.П.», а в 1836 году, в IV томе журнала «Современник», — «Капитанскую дочку» в качестве мемуаров Гриневы, приписав себе скромную роль публикатора. Гоголь в 1831–1832 годах выпустил в двух книгах «Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком», никак не обозначив свое авторство. А князь В.Ф. Одоевский в 1833 году опубликовал «Пестрые сказки с красным словцом, собранные Иринеем Модестовичем Гомозейкою, магистром философии и членом разных ученых обществ, изданные В. Безгласным», выбрав роль издателя вместе с псевдонимом, намекающим на отказ от авторства, — В. Безгласный. В отличие от них автор «Героя нашего времени» не приписывает свою книгу другому: на титульных листах обоих прижизненных изданий (1840 и 1841 годов) было прямо указано: «сочинение М. Лермонтова». Счастлив разнообразием литературной мистификации атрибуцию повестей «Тамань», «Княжна Мери» и «Фаталист» Печорину, конечно, невозможно: это обычный для лермонтовского времени прием. Литературная игра создателя «Героя нашего времени» оказалась по-своему не менее, а более изощренной, чем у других прозаиков 1830-х годов, но проявилась иначе. Другие измышляли фиктивных авторов, как бы превращая их

¹¹ В этом отношении предисловие к «Журналу Печорина», хотя и находится в середине романа, вопреки утверждению Б.М. Эйхенбаума, разительно отличается от предисловия в повести князя В.Ф. Одоевского «Княжна Мими», которое по прихоти автора на время обрывает повествование и, как замечает ученый, выполняет комическую функцию. Вопреки мнению Б.М. Эйхенбаума, функция «торможения» в романе Лермонтова предисловию к «Журналу Печорина», конечно, не присуща. Ср. [Эйхенбаум 1924: 143, 152]. Вместе с тем он точно указал на основную мотивировку введения предисловия Лермонтовым. См. [Эйхенбаум 1924: 152].

¹² См. об этом, например, [Ланн 1930; Смирнов 1979: 203–204].

в настоящих, приписывая им свои сочинения. Лермонтов словно превратил себя в фикционального автора, не прибегая ни к псевдониму, ни к литературной маске. Но одновременно он как бы объявил реальным лицом Печорина — вымышленного героя, познакомив с ним автора в главе «Максим Максимыч». Это, как уже говорилось выше, не была чистая мистификация: любой мало-мальски просвещенный читатель романа не мог посчитать автора «Журнала» действительно существовавшим человеком. Создатель «Героя нашего времени» реализовал установку на возможность двойкой интерпретации реального или фикционального статуса нарратора первого уровня и Печорина. Значимой оказывалась сама игра истолкований, а не признание действительного существования Печорина.

Такая игра, однако, не была предусмотрена изначально, а возникла только во втором издании романа, в 1841 году. Сходство некоторых черт нарратора первого уровня с реальным Лермонтовым лишь таило в себе возможность этой игры. Но вот в издании 1841 года появилось предисловие, где Лермонтов спорил с критическими откликами (С.А. Бурачка и С.П. Шевырева) на первое издание: «Эта книга испытала на себе еще недавно несчастную доверчивость некоторых читателей и даже журналов к буквальному значению слов. Иные ужасно обиделись, и не шутя, что им ставят в пример такого безнравственного человека, как Герой Нашего Времени; другие же очень тонко замечали, что сочинитель нарисовал свой портрет и портреты своих знакомых... Старая и жалкая шутка! <...> Герой Нашего Времени, милостивые государи мои, точно, портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии. <...> Если вы любовались вымыслами гораздо более ужасными и уродливыми, отчего же этот характер, даже как вымысел, не находит у вас пощады? Уж не оттого ли, что в нем больше правды, нежели бы вы того желали?..» [Лермонтов 1957: 202–203].

Вступать в полемику с критиками его книги мог только настоящий создатель романа, а не нарратор, которому приписаны «Бэла», «Максим Максимыч» и предисловие к печоринским запискам. Но при этом оба в тексте романа были обозначены местоимением «я», некоторые биографические черты того и другого совпадали, а главное — предисловие ко всему роману, написанное непосредственно автором реальным, корреспондировало со вступлением к «Журналу Печорина», принадлежащим автору вымышленному. Тот ведь тоже отвечал на вопрос о том, кто такой Герой Нашего Времени. И отвечал примерно так же: «Может быть, некоторые читатели захотят узнать мое мнение о характере Печорина? — Мой ответ — заглавие

этой книги. — “Да это злая ирония!” скажут они. — Не знаю» [Лермонтов 1957: 249].

Но этим литературная игра Лермонтова не ограничивалась: включая во второе издание романа новое предисловие, в котором он доказывал, что Печорин реален как тип, как портрет поколения, писатель одновременно самим фактом публикации этого предисловия словно утверждал: Печорин реален как личность, я сам с ним встречался.

Но не могла ли эта игра возникнуть произвольно, была ли она задумана автором романа? Или, может быть, он просто не предусмотрел эффекта интерференции двух «я» — собственного и фиктивного автора?¹³ Есть основания полагать, что это отнюдь не случайность. Не заметить создавшийся в результате публикации нового предисловия казус было невозможно. Но в продуманности игры убеждает еще и литературный прецедент, который и мог стать для Лермонтова образцом. Это повесть немецкого писателя Адальберта фон Шамиссо «Необычайная история Петра Шлемиля» (*Peter Schlemihl's Wundersame Geschichte*, 1814). Герой этого фантастического произведения, заключивший сделку с дьяволом и продавший собственную тень, — знакомец автора, который пишет о нем своему приятелю Эдуарду Гитцигу: «Ты никого не забываешь и верно помнишь еще Петра Шлемиля, которого в былые годы видел ты у меня раза два: долговязого парня, которого считали бездарным за неловкость и ленивым за медленность. Я любил его. Не может быть, чтобы ты забыл, как тешились мы над ним сонетами и как на одном литературном чае, на который привез я его, он, не выждав чтения моих стихов, заснул в то время, как я их писал» [Шамиссо 1841: I–II]. Сама форма писем являлась традиционной для европейской беллетристики (вспомним хотя бы «Юлию, или Новую Элоизу» Ж.-Ж. Руссо или «Страдания молодого Вертера» И.В. Гете). Но в произведении это письма реальных адресантов к реальным адресатам: от Шамиссо к Гитцигу, от Фуке к Гитцигу, от Гитцига к Фуке, с точными датами и указанием мест написания. На первый взгляд это все та же стернианская игра, которой отдал щедрую дань Пушкин в «Евгении Онегине». Однако у Пушкина представлена история вымышленных персонажей, в то время как вымышленность Шлемиля нигде не подчеркивается, наоборот. Основной текст с фантастикой приписан

¹³ Так можно было бы посчитать, если принять мнение М.Я. Вайскопфа, что «Лермонтов просто еще не созрел для романа» и что «то, что мы принимаем за новаторскую многоплановость изложения, зачастую оказывается простой эклектикой», свидетельствующей о «неуверенности молодого автора» [Вайскопф 2022: 17]. Однако это суждение разительно противоречит всем результатам исследований «Героя нашего времени».

самоу Шлемилю как его повесть. Шамиссо здесь похож на Лермонтова, а Шлемиль — на Печорина как автора «Журнала». У Лермонтова «как-бы-автор» («странствующий офицер») встречает героя в повести «Максим Максимыч» и изучает его. У Шамиссо герой в своем сочинении обращается к автору: «И теперь еще живу я так, любезный Шамиссо» [Шамиссо 1841: 146].

И Лермонтов, и Шамиссо представляют персонажей-рассказчиков как реальных лиц, с помощью экстраординарных средств как бы побуждая читателей признать подлинность фикционального. Оба писателя, конечно, не стремились мистифицировать читателя, убедив в реальном существовании персонажей, а создали игровую установку на формирование иллюзии такого существования. Однако сама история Шлемиля, лишившегося собственной тени и затем отправившегося в невероятные странствия, совершенно фантастична, так что нарратор выглядит выдумщиком с богатой фантазией, лгуном. Немецкий романтик играет на разительном контрасте между достоверностью и фантастикой. Роману русского писателя такая антитеза совершенно чужда. Таким образом, для поэтики наррации «Героя нашего времени» характерна глубоко нетривиальная игра с оппозициями «реальность — вымысел» и «автор — повествователь».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баевский В.С.* Сквозь магический кристалл: Поэтика «Евгения Онегина», романа в стихах А. Пушкина. Монография. М., 1990.
2. *Вайскопф М.* Агония и возрождение романтизма. М., 2022.
3. *Вольперт Л.И.* Стернианская традиция в романах «Евгений Онегин» и «Красное и Черное» // *Slavic Almanach*. Pretoria. South Africa. 2001. Vol. 7. No. 10. P. 77–90.
4. *Карамзин Н.М.* Избранные сочинения: В 2 т. / Вступит. ст. П. Беркова и Г. Макогоненко. М.; Л., 1964. Т. 1 / Подгот. текста и примеч. П. Беркова.
5. *Ланн Е.* Литературная мистификация. М.; Л., 1930.
6. *Лермонтов М.Ю.* Сочинения: В 6 т. Т. 6: Проза, письма / Ред. Б.В. Томашевский. М.; Л., 1957.
7. *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина / Предисл. Б.Ф. Егорова. М., 1987.
8. *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий: Пособие для учителя // *Лотман Ю.М.* Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий / Вступ. ст. Б.Ф. Егорова. СПб., 1995. С. 472–762.
9. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. / Текст проверен и примеч. сост. Б.В. Томашевским. 4-е изд. Л., 1978. Т. 5: Евгений Онегин. Драматические произведения.
10. *Смирнов И.П.* О подделках А.И. Сулакадзевым древнерусских памятников (место мистификации в истории литературы) // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР.

Л., 1979. Т. XXXIV: Куликовская битва и подъем национального самосознания. С. 200–219.

11. Эйхенбаум Б. Лермонтов: Опыт историко-литературной оценки. Л., 1924.
12. Эйхенбаум Б. «Герой нашего времени» // Эйхенбаум Б. О прозе: Сб. ст. / Сост. и подгот. текста И. Ямпольского; Вступ. ст. Г. Бялого. Л., 1969. С. 231–305.
13. <Шамиссо А.> Чудные похождения Петра Шлемиля, сочинение Аделберта фон Шамиссо / С четвертого издания перев. Лев Самойлов. СПб., 1841.
14. Шкловский В. «Евгений Онегин» (Пушкин и Стерн) // Очерки по поэтике Пушкина. Берлин, 1923. С. 197–220.
15. Шмид В. Нарратология. М., 2003.

REFERENCES

1. Baevskii V.S. *Skvoz' magicheskii kristall: Poetika «Evgeniya Onegina», romana v stikhakh A. Pushkina. Monografiya* [Through the magic crystal: Poetics of “Eugene Onegin”, a novel in verse by A. Pushkin. Monograph]. Moscow, *Prometei Publ.*, 1990. 158 p. (In Russ.)
2. Vaiskopf M. *Agoniia i vrozozhdenie romantizma* [Agony and the revival of romanticism]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie Publ.*, 2022. 600 p. (In Russ.)
3. Vol'pert L.I. Sternianskaya traditsiya v romanakh “Evgenii Onegin” i “Krasnoe i Chernoe” [Sternian tradition in the novels “Eugene Onegin” and “Red and Black”]. *Slavic Almanach*, 2001, vol. 7, no. 10, pp. 77–90. (In Russ.)
4. Karamzin N.M. *Izbrannye sochineniya* [Selected works], in 2 vols., with preface by P. Berkov and G. Makogonenko. Moscow, Leningrad, *Khudozhestvennaya literatura Publ.*, 1964, vol. 1, ed. by P. Berkov. 810 p. (In Russ.)
5. Lann E. *Literaturnaya mistifikatsiya* [Literary mistification]. Moscow, Leningrad, *Gosudarstvennoe izdatel'stvo*, 1930. 232 p. (In Russ.)
6. Lermontov M.Yu. *Sochineniya* [Works], in 6 vols., ed. B.V. Tomashevskii. Moscow, Leningrad, *Izdatel'stvo AN SSSR*, 1957. 900 p. (In Russ.)
7. Lotman Yu.M. *Sotvorenie Karamzina* [Creation of Karamzin], with preface by B.F. Egorov. Moscow, *Kniga Publ.*, 1987. 336 p. (In Russ.)
8. Lotman Yu.M. *Roman A.S. Pushkina «Evgenii Onegin». Kommentarii. Posobie dlya uchitelya* [A.S. Pushkin's novel “Eugene Onegin”. Commentary. Teacher's Manual], in: Lotman Yu.M. *Pushkin. Biografiya pisatelya. Stat'i i zametki, 1960–1990. «Evgenii Onegin». Kommentarii* [Pushkin. Biography of the Writer. Articles and notes, 1960–1990. “Eugene Onegin”. Commentary], with introduction by B.F. Egorov. St. Petersburg, *Iskusstvo-SPB Publ.*, 1995, pp. 472–762. (In Russ.)
9. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Collection of Writings], in 10 vols., ed. B.V. Tomashevskii. 4th ed. Leningrad, *Nauka Publ.*, 1978, vol. 5. (In Russ.)
10. Smirnov I.P. *O poddelkakh A.I. Sulakadzevym drevnerusskikh pamyatnikov (mesto mistifikatsii v istorii literatury)* [About A.I. Sulakadzev's fakes of ancient Russian monuments (a place of hoax in the history of literature)], in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo Doma) AN SSSR* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the USSR Academy of Sciences]. Leningrad, *Nauka Publ.*, 1979, vol. XXXIV, pp. 200–219. (In Russ.)
11. Eikhbaum B. *Lermontov. Opyt istoriko-literaturnoi otsenki* [Lermontov. The Experience of Historical and Literary Evaluation]. Leningrad, 1924. (In Russ.)
12. Eikhbaum B. “Geroi nashego vremeni” [“Hero of our time”], in: Eikhbaum B. *O proze. Sbornik statei* [About prose. Collection of articles], ed. by I. Yampol'skii,

- introduction by G. Byalyi. Leningrad, *Khudozhestvennaya literatura*, 1969, pp. 231–305. (In Russ.)
13. <Shamisso A.> *Chudnye pokhozheniya Petra Shlemilya, sochinenie Adelberta fon Shamisso* [The Wonderful Adventures of Peter Schlemil, by Adelbert von Chamisso], translated by Lev Samoilov. St. Petersburg, Privilegirovannaya tipografiya Fishera. 1841. 146 p. (In Russ.)
 14. Shklovskii V. «*Evgenii Onegin*» (*Pushkin i Stern*) [“Eugene Onegin” (Pushkin and Stern)], in: *Ocherki po poetike Pushkina* [Essays on Pushkin’s Poetics]. Berlin, *Epokha Publ.*, 1923, pp. 197–220. (In Russ.)
 15. Shmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, *Yazyki slavyanskoi kul’tury Publ.*, 2003. 312 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 20.01.2023

Принята к публикации 15.04.2023

Отредактирована 10.05.2023

Received 20.01.2023

Accepted 15.04.2023

Revised 10.05.2023

ОБ АВТОРЕ

Ранчин Андрей Михайлович — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; aranchin@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Andrey Ranchin — Prof. Dr. in Philology, Professor, Department of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University; aranchin@mail.ru

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ СТРАНСТВИЕ: ОСМЫСЛЕНИЕ РОМАНТИЗМА В НОВЕЛЛЕ «МОРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ» Й. ФОН ЭЙХЕНДОРФА

Д.Д. Черепанов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; ddcherep@gmail.com*

Аннотация: В статье рассматривается художественное пространство новеллы «Морское путешествие» (ок. 1836 г.) Й. фон Эйхендорфа. Образ моря достаточно редко встречается в творчестве Эйхендорфа, предпочитавшего образы «текущей воды». Однако существует ряд исключений, среди которых особо выделяются случаи символического отождествления моря с вечностью, «покоящимся» Абсолютом, «обнимающим» и «вбирающим» в себя мир, — представление, для Эйхендорфа не характерное. В данной новелле писатель создает систему аллюзий, отсылающих к широкому кругу художественных текстов, включая его собственные произведения. Будучи связан с мотивом странствия, образ моря перекликается с гораздо более типичными для Эйхендорфа пейзажами, построенными с помощью упоминания о потоках, ручьях, реках и т. п. Одновременно композиция новеллы позволяет сопоставлять это художественное произведение с историко-литературными, апологетическими и автобиографическими работами, которым Эйхендорф посвятил себя в поздние годы жизни. В статье отстаивается точка зрения на данную новеллу как на попытку создания своеобразной художественной «биографии» романтического движения. В отличие от более ранних новелл, в которых писатель полемизирует со старшими романтиками, «Морское путешествие» представляет собой попытку осмыслить судьбы романтического движения, занимая тем самым промежуточное положение между художественными произведениями и историко-литературными работами Эйхендорфа. В различной форме писатель констатирует «завершение» или перерождение литературного романтизма.

Ключевые слова: Й. фон Эйхендорф; А. фон Арним; К. Brentano; К.Д. Фридрих; немецкий романтизм; художественное пространство

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-12

Для цитирования: Черепанов Д.Д. Несостоявшееся странствие: осмысление романтизма в новелле «Морское путешествие» Й. фон Эйхендорфа // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 4. С. 135–144.

AN ABORTIVE VOYAGE: J. VON EICHENDORFF'S *EINE MEERFAHRT* AS A HISTORY OF THE ROMANTIC MOVEMENT

D.D. Cherepanov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; ddcherep@gmail.com

Abstract: This article dwells upon time and space in J. von Eichendorff's *Eine Meerfahrt* (1836). Eichendorff seldom uses the sea as an element of his fictitious landscapes; there are, however, a few prominent cases where the sea becomes a symbol of the Absolute, of an element comprising the entire world. Eichendorff rarely uses such an image; he typically relies upon creeks, rivers, streams, etc. The imagery of the novella *Eine Meerfahrt* provides for an impressive array of allusions to different texts, both by other authors and by Eichendorff himself. In earlier works, Eichendorff used such allusions as a means of discussion, arguing in favor or against certain elements of the worldview expressed in the works of his fellow romanticists. This article suggests that *Eine Meerfahrt* is different in nature, being comparable rather to Eichendorff's later works on literary history. This novella is interpreted as a literary 'biography' of the Romantic movement. *Eine Meerfahrt* speaks of a voyage, or rather two voyages across the ocean, both abortive; these are regarded as a symbolic depiction of the 'promise' and 'failure' of the Romanticism (Eichendorff used these expressions in his autobiographic notes). A change in the narrator's point of view, which is observed in the last lines of the novella, is interpreted as a shift into the point of view of a historian who is detached both from the passed Romantic era and from the new epoch coming in its stead.

Keywords: J. von Eichendorff; A. von Arnim; C. Brentano; C.D. Friedrich; German Romanticism; fictional space

For citation: Cherepanov D.D. (2023) An Abortive Voyage: J. von Eichendorff's *Eine Meerfahrt* as a History of the Romantic Movement. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 135–144.

Поздняя новелла Й. фон Эйхендорфа «Морское путешествие» (*Eine Meerfahrt*, 1836, опубликована посмертно в 1864) относительно редко становится предметом изучения в отечественном литературоведении. Между тем она отмечает собой важный этап в развитии писателя, в чьем творчестве художественные произведения постепенно уступали место работам по истории литературы или религиозно-апологетическим выступлениям [Васкиневич 2021]. Представляется, что центральный образ новеллы, море, был выбран писателем осознанно: образы, связанные с морем, относятся к числу самых узнаваемых в художественном мире романтизма. Это касается и художественной литературы, и живописи: достаточно указать на картины К.Д. Фридриха «Монах у моря» (*Der Mönch am Meer*, 1808–1810), «Меловые скалы на Рюгене» (*Kreidefelsen auf Rügen*,

1818), «Этапы жизни» (*Die Lebensstufen*, 1835). Между тем для прозы и лирики Эйхендорфа морской пейзаж вовсе не типичен. Чаще всего водная стихия у писателя появляется в виде потоков, ручьев и рек; регулярно встречаются фонтаны. Иногда о присутствии текущей воды читатель узнает косвенно, по шуму мельницы [Eichendorff 1970b: 17] или ударам кузнечных молотов [Eichendorff 1970b: 445], приводимых в движение водяным колесом. В художественном мире романов и новелл Эйхендорфа места, где течет вода, часто играют особую роль. Оказавшись в таком месте, герой погружается в раздумье, переосмысливает свою жизнь, подводит итоги. Уместно вспомнить замечание Г. Башляра, утверждавшего, что для поэтического воображения водная стихия неотделима от ощущения изменчивости, подвижности бытия, от мысли о смерти, переходе через некий рубеж, от размышлений об уделе человека, погруженного в поток бытия и потому причастного «судьбе текучих вод» [Башляр 1998: 23]. Именно в таком символическом значении «поток» появляется в ряде произведений Эйхендорфа. «Весеннее путешествие» и плавание по «поющим волнам» некоего потока становятся символом быстро пролетающей жизни. В тех же случаях, когда Эйхендорф упоминает о море, оно используется, чтобы вызвать представление о большом открытом пространстве [см. Alewyn 1966]. Так, например, в стихотворении «Живописец» (*Der Maler*, 1829/1830) пейзаж создается с помощью указаний на крайне обобщенные элементы («горы», «долины», «море», «суша», «воздух») [Eichendorff 1970a: 55]. Даже когда морской пейзаж имеет символическое значение, море остается только *одним из элементов* пейзажа; оно создает объем, оставаясь на заднем плане; иногда при этом выделяется какая-нибудь точка «на самой вершине моря» (*auf der fernsten Höhe des Meeres*), т. е. на горизонте [Eichendorff 1970b: 292]. Но изредка у Эйхендорфа встречается и другой тип пейзажей, в которых море является центральным, а не дополнительным элементом. Один из самых ярких случаев — стихотворение «Заблудившийся музыкант» (*Der irre Spielmann*, до 1817, публ. 1837). Море представлено здесь как «грань», за которой скрываются (дословно — «тонут», “*sinken*”) солнце, луна и корабли, и одновременно — как огромное «тихое», «неподвижное» пространство, в которое стекают все потоки [Eichendorff 1970a: 81]. Для героя стихотворения это гигантское «нечто» отождествляется с вечностью, «покоящимся» Абсолютом, «обнимающим» мир. Схожим образом трактуется море в балладе «Странствие богов» (*Der Götter Irrfahrt*, 1828, публ. 1837): вселенная представлена в ней как остров, окруженный бескрайним морем, из-за которого по ночам долетают призывы божественного отца [Eichendorff 1970a: 302]. Такая трактовка моря может рассматривать-

ся как выражение «романтического томления» (Sehnsucht), которое К. Брентано и А. фон Арним — откликаясь на картину К.Д. Фридриха — образно характеризовали как невыполнимое желание «перелететь через море» [Эстетика немецких романтиков 1987: 363–364]. Обращает на себя внимание, однако, что в обоих произведениях появляется *заблудившийся* герой. Возможно, здесь проявляется неуверенность поэта относительно того, в какой момент служение «пронизывающей и оживляющей весь мир силе», т. е. поэзии [Eichendorff 1976: 761], превращается в «пантеизм», за склонность к которому зрелый Эйхендорф упрекал таких писателей, как Ф. Рюкерт и З. Вернер [Eichendorff 1976: 901, 907].

Практически всегда, когда у Эйхендорфа появляются образы, связанные с водой, вместе с ними возникает и мотив странствия. Однако новелла «Морское путешествие» — и это особый случай — посвящена путешествию *несостоявшемуся*: капитан Альварес, его команда и студент Антонио так и не попадают в Америку, куда они стремились. Вместо того чтобы пересечь Атлантический океан и «силой открыть новые земли» [Eichendorff 1987: 257], они через непродолжительное время с радостью возвращаются обратно «в добрый старый мир» [Eichendorff 1987: 321]. Это обосновано событиями новеллы, но есть и иная мотивировка происходящего, символическая. Давая характеристику эпохе романтизма, Эйхендорф в автобиографических заметках поздних лет писал: «Романтизм вначале был дуновением весны, <...> временем ожидания и обетования. Но он не исполнил этого обетования, а следовательно, должен был исчезнуть» [Eichendorff 1970b: 946]. Эта характеристика могла бы служить кратким планом новеллы. В начале путешествия стремления путешественников полностью соответствуют категории «романтического томления». Альварес, ценящий только «будущее», считающий всякое «здесь и сейчас» скучным и вечно движущийся «к радуге, к еле угадываемым башням городов, скрытых за горизонтом» [Eichendorff 1987: 263], олицетворяет романтическое «бесцельное скитание», мало интересующееся своей целью [Begemann 1990]. Плавание корабля «Фортуна» символически указывает на порыв раннего романтизма, стремившегося «завоевать весь мир» с помощью «духа поэзии» [Eichendorff 1976: 762].

Этот изначальный импульс, направленный «за горизонт», быстро меняет направление под воздействием океана: «быстрое течение», а не ветер, уносит корабль к некоему неизвестному острову. Помимо «дали» (“die Ferne”) у водной стихии обнаруживается еще одно измерение — «глубина» (“der Grund”); оба измерения связаны со «сном». «Из глубин» до поверхности долетает манящий шелест лесной листвы и журчание потоков, текущих мимо замка, хозяин

и сторожа которого погружены в сон. Знакомый читателю по романам Новалиса и Тика мотив предузнавания связывается с этим подводным пейзажем: Антонио кажется, будто он узнает в этом «ночном» или «сумеречном» пейзаже свои родные края, видит «старый сад» и замок, в котором прошло его детство. Прошлое, а с ним и детское счастье, становится предметом грез и поиска: новелла строит систему «зеркальных отражений», подобий, миров-двойников, и то, что безвозвратно ушло в одном из них, еще может, как кажется героям, осуществиться в другом. Воспоминание Антонио о прошлом отсылает вновь к «горизонтальному» измерению водной стихии. Все годы детства сливаются в единую сцену, как в цейтраферной киносъемке: сидя в саду, Антонио и его родные устремляются взглядом *вдаль*, к парусам на горизонте [Eichendorff 1987: 258]. Взрослый Антонио, вырвавшись за пределы узкого сада, и на самом деле отправляется «вдаль». Таким образом, попытка вернуться «вспять», «домой», соединяется со стремлением «за пределы», к новому, неизведанному, манящему; движение в будущее становится возвращением в прошлое.

Нетрудно заметить в видении Антонио аллюзии на мотивы и сюжеты, знакомые по творчеству Новалиса и Тика, а также самого Эйхендорфа: «тихо плывущие лебеди» (“stumme Schwäne”) отчетливо напоминают о спящих лебедях из новеллы Эйхендорфа «Мраморная статуя». Это не случайное совпадение: остров, к которому пристает корабль Альвареса и Антонио, получает название «Остров Венеры». Кольцо капитана Альвареса, выпущенное из мушкета и попавшее на остров прежде своего владельца, оказывается знаком своеобразного «обручения» с этой землей и ее хозяйкой, некой таинственной спящей красавицей. Этот мотив часто встречается у Эйхендорфа: схожим образом герой романа «Предчувствие и действительность», сняв кольцо с пальца, выражает свою любовь одновременно к прекрасной незнакомке, жизни-странствию и всей природе. Флорио, герой «Мраморной статуи», объясняется в любви с помощью серенады, обращенной к разлитому в природе женственному началу. Мотив обручения с природой регулярно сопровождается у Эйхендорфа набором образов, объединяющих запах, цвет и звук: как правило, речь идет о музыке (иногда — об эоловой арфе, иногда о песне, иногда — о пении птиц и т. п.), ярких красках (осенней листве, цветах, драгоценных камнях, гобеленах), несколько реже — о запахе цветов. Все это представлено в «Морском путешествии», герой которого, как и его предшественники, в какой-то момент с ужасом замечает, что он лежит, «будто в могиле», а над ним качаются «огненные маки». Тема «измененного» времени, напоминающего сновидение, тоже знакома по другим новеллам, где она

была связана с образом прекрасной дамы-Венеры: странствие сменяется движением по кругу, символом которого становятся фонтаны, дремой («дремлющие птицы», дремотный полдень). Герой, попавший в такое «зачарованное» пространство, не замечает, как проносятся месяцы и годы.

Такой набор мотивов для Эйхендорфа устойчиво связывался с «глубинным» началом, «зевом» (“Schlund”) волн. Впрочем, и порыв «вдаль» оказывается отравлен, с ним ассоциируется не возвращение «домой», а «прыжок через ограду» сада, побег из дома вслед за «парусами» в далекую, манящую страну, погружение в «светлые, звучные, поющие волны цветущей весны» [Eichendorff 1970a: 90]. Здесь — узел проблемы, вокруг которой построены многие произведения Эйхендорфа: предмет сна или мечты и, соответственно, цель «романтического странствия» начинает как бы двоиться. Эйхендорф-историк позднее писал, что романтическое движение содержало и тоску по «положительной религии», и «тайный пантеизм» [Eichendorff 1976: 901]. Изначальная интуиция героев Эйхендорфа несколько нечеткая, но если обобщать «грезы», которыми они руководствуются, можно сказать, что они стремятся, с одной стороны, вернуться к истокам своего бытия, в «отчий дом» (здесь можно вспомнить Новалиса: “die Lust der Fremde ging uns aus, / Zum Vater wollen wir nach Haus”, шестой из «Гимнов к ночи»), а с другой — в какой-то момент готовы принять за явление Абсолюта любовное чувство, предметом которого одновременно является прекрасная дама-Венера и всякая красота в мире. Музыка, цвета, запахи, «чувственные формы статуй», женские образы — все это сливается в одно целое, и «море» символически отсылает к этой «вечной женственности». Отчасти это происходит с Антонио, которому в глубине моря мерещатся старый сад, замок и дон Диего, на поиски которого он отправился. В новелле «Мраморная статуя» Флорио, оказавшись в замке дамы-Венеры, уверен, что встреча с ней означает для него возвращение «домой», к истокам его бытия: ему кажется, что ее портрет и изображение ее сада он не раз видел в детстве, когда «в душные послеполуденные часы в уединенной беседке сада рассматривал старые изображения» [Eichendorff 1970b: 556]. Это состояние он сравнивает с «целым морем тишины, в котором сердце от печали хотело бы раствориться» [Eichendorff 1970b: 556].

В ранних новеллах («Осеннее волшебство» и «Мраморная статуя») красота, разлитая в природе, воспринималась как источник опасности. С точки зрения автора новелл, художник рискует принять разлитую в мире красоту, насыщенность чувств, «пышно цветущую весну» за «вечное воскресенье», за «отчий дом», т. е. перепутать «божественное» и Бога, мир-творение и Бога-Творца. В поздних

работах по истории немецкой литературы Эйхендорф более положительно оценивал творчество ранних романтиков, считая, что, например, у Новалиса «даже любовь в конечном счете превращается в небесное чувство к Святой Деве», более того, «Мария как символ благодатно преображенной земной красоты — сердце всего его творчества» [Eichendorff 1976: 763]. Похожим образом он характеризовал натурфилософию Шеллинга, считая ее свидетельством о «таинственном золотом фоне (Goldgrund), божественном отблеске», светящемся во всех явлениях [Eichendorff 1976: 534]. Вообще же призвание поэта, по мнению позднего Эйхендорфа, — в том, чтобы «не прятаться, как страус», от «пестрого смешения», вызванного чувственной красотой, влюбленностью, половым влечением и т. д., но «крестить чувственные явления огнем небесной красоты, избавляя их от всего пошлого» [Eichendorff 1976: 907]. «Морское путешествие» занимает здесь промежуточное положение: океан и остров Венеры становятся в этой новелле своего рода «пробным камнем». Это позволяет Эйхендорфу выстроить своеобразную типологию героев, оказавшихся на распутье. Кто-то, как основная часть команды в «Морском путешествии», включая Альвареса, набивает карманы золотом, мало интересуясь тонкими материями или красотой мира, и спешит вернуться обратно в обитаемые края. Другие, как помощник дона Диго, оказываются навсегда в «волшебном круге» Венеры, их затягивает «глубина». Это — герои заблудившиеся, потерявшие и потерявшие счет времени, внутренне раздвоенные и страдающие. Именно к этому типу относится герой «Заблудившегося музыканта»; обращает на себя внимание, что только такие персонажи навсегда принимают для себя мысль о том, что цель жизни — «погрузиться» в глубину моря. Третий тип — сильная, глубокая творческая натура, рыцарь, способный «спуститься» в грот Венеры, преодолеть искушение и после больших страданий завоевать себе место на вершине скалы. Но самый «счастливый», «удачливый» и беззаботный тип героев — тот, к которому относится Антонио, хотя он и не самый сильный духом персонаж и «прорыва» к трансцендентному не совершает. Основные конфликты вокруг Антонио легко разрешаются: выясняется, что любил он не Венеру или языческую царицу, а похожую на последнюю девушку Альму. Это девушка милая, добрая и вполне «христианская» (островитянка оказывается католичкой), в чем-то — незаурядная и даже героическая, но в финале новеллы — вовсе не таинственная.

Однако наблюдается важный момент, отличающий «Морское путешествие» от более ранних произведений, включая роман «Поэты и их подмастерья» (1833), очень похожий на данную новеллу по своему идейному содержанию. В новелле присутствует ярко выра-

женный момент «диахронии», исторического движения. Описаны два путешествия, из которых первое, возглавляемое доном Диего, можно было бы назвать трагическим, серьезным, а второе — шутивным, легковесным, почти сказочным. Капитан, старший помощник и команда второго корабля в значительной мере повторяют судьбы соответствующих персонажей из первой экспедиции. Дон Диего, как после него Альварес, был на острове Венеры, пытался завоевать любовь правительницы этого острова и пережил катастрофу, которая уничтожила построенный им замок, корабль, команду и саму царицу дикарей. Команда Альвареса переживает похожие события, но чудесным образом остается невредимой; даже помощник Альвареса, судьба которого во многом повторяла судьбу помощника дона Диего, в отличие от своего предшественника оживает после смертельных ранений и выздоравливает душевно, причем момент его «воскрешения» не лишен комизма. Типы «творческих людей», представленные на этих двух этапах, отличаются друг от друга. Дон Диего рискует всерьез, пытается навсегда обосноваться на острове, теряет все, но, придя в себя после катастрофы, становится отшельником на соседнем гористом острове, на одной из вершин которого он установил крест, а под крестом разбил сад (устанавливается «вертикальное измерение» художественного мира). Диего при этом показан не как слабый и разбитый человек, но как сильный воин, одержавший победу и «пробившийся» сквозь врагов: в пещере его под распятием висит шпага в роскошных ножнах. Альварес и его спутники от идеи переселиться в Новый Свет легко отказываются, Антонио же был в поиске именно для того, чтобы «вернуться»; он обходится без серьезных потерь и вместе с невестой и спутниками действительно возвращается в Европу, чтобы счастливо жить дома. Характерно, что Диего, отпуская племянника, не может не заметить: «А я бы все же так не поступил, когда был молод». Путешествие Антонио не стало делом жизни, молодому человеку еще лишь предстоит «заслужить шпоры», найти себя и свою «незыблемую скалу» [Eichendorff 1987: 321–322].

В финале новеллы происходит смена точки зрения, на которую обратил внимание О. Зайдлин: вместо прошедшего времени, в котором шло повествование о событиях 1540 года, внезапно появляется настоящее, а также вводится новый субъект, «мы», от имени которого вслед путешественникам звучит пожелание «счастливого пути» [Seidlin 1965: 99–100]. Исследователь видел в этом признак того, что события новеллы следует воспринимать как символы, указывающие на некое «сверх-время», в котором «все, что было, и все, что будет, собирается в одно вечно длящееся настоящее» [Seidlin 1965: 100]. Представляется, однако, что здесь, наоборот, про-

является точка зрения «историка» и одновременно представителя «старого поколения», благожелательно, но отстраненно смотрящего и на уходящую, и на наступающую эпохи. Кажется, что в образе Антонио и его спутников, возвращающихся домой по «плоскому» морю, избавленному от «темных глубин» и осененному крестом, можно видеть намек на переход от позднего романтизма к литературе бидермайера. Антонио, который с песней выбрасывает случайно прихваченные крупницы языческого золота из карманов [Eichendorff 1987: 278], — «легкий человек», не мещанин, но и не целостный герой, ищущий «бесконечного», «безусловного». Диего же принадлежит прошлому; он отказывается возвращаться в Европу, так как стал там чужим. Эта смена эпох в определенном отношении вызвала одобрение зрелого Эйхендорфа, надеявшегося на рождение «серьезного католического умонастроения, которому больше не нужен романтизм» [Eichendorff 1970b: 946]. Но в то же время писатель сожалел о романтизме, который, «как ракета фейерверка, прочертил огненный след, поднимаясь в небо, там <...> рассыпался тысячей звезд и бесследно исчез» [Eichendorff 1976: 752]. Таким образом, «морское плавание» в одноименной новелле становится средством для создания краткой «биографии» романтического движения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баиляр Г.* Вода и грезы: Опыт о воображении материи. М., 1998.
2. *Васкиневич А.И.* Проблема конфессиональной идентичности в работе Йозефа фон Эйхендорфа «Об этическом и религиозном значении новой романтической поэзии в Германии» // *Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов.* 2021. Т. 18. С. 22–39.
3. *Эстетика немецких романтиков / Сост. и пер. А.В. Михайлова.* М., 1987.
4. *Alewyn R.* Eine Landschaft Eichendorffs // *Eichendorff heute.* Darmstadt, 1966. S. 19–43.
5. *Begemann C.* Brentano und Kleist vor Friedrichs «Mönch am Meer»: Aspekte eines Umbruchs in der Geschichte der Wahrnehmung // *Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte.* 1990. Bd. 64. Nr. 1. S. 54–95.
6. *Eichendorff J. von.* Werke. In 5 Bdn. Bd. 1. München, 1970.
7. *Eichendorff J. von.* Werke. In 5 Bdn. Bd. 2. München, 1970.
8. *Eichendorff J. von.* Werke. In 5 Bdn. Bd. 3. München, 1976.
9. *Eichendorff J. von.* Ausgewählte Werke. In 5 Bdn. Bd. 2. München, 1987.
10. *Seidlin O.* Versuche über Eichendorff. Göttingen, 1965.

REFERENCES

1. *Bachelard G.* L'Eau et les Rêves: Essai sur l'imagination de la matière. Moscow: *Izdatelstvo gumanitarnoi literatury Publ.*, 1998. 268 p. (In Russ.).
2. *Vaskinevich A.I.* Problema konfessional'noi indentichnosti v rabote Iozefa fon Eikhendorfa «Ob eticheskom i religioznom znachenii novoi romanticheskoi poezii v Germanii» [The Problem of Confessional Identity in Joseph von Eichendorff's Work *On the Ethical and Religious Significance of the Modern Romantic Poetry in*

- Germany]. *Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossiiskogo soyuza germanistov*, 2021, Vol. 18, pp. 22–39. (In Russ.).
3. Mikhailov A.V. (Ed. and transl). *Estetika nemetskikh romantikov*. Moscow: *Iskusstvo Publ.*, 1987. 736 p. (In Russ.).
 4. Alewyn R. Eine Landschaft Eichendorffs. *Eichendorff heute*. Darmstadt: *Wissenschaftliche Buchgesellschaft*, 1966. S. 19–43.
 5. Begemann C. Brentano und Kleist vor Friedrichs «Mönch am Meer»: Aspekte eines Umbruchs in der Geschichte der Wahrnehmung. *Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte*, 1990, Bd. 64, Nr. 1, S. 54–95.
 6. Eichendorff J. von. Werke. In 5 Bdn. Bd. 1. München: *Winkler*, 1970. 1062 S.
 7. Eichendorff J. von. Werke. In 5 Bdn. Bd. 2. München: *Winkler*, 1970. 995 S.
 8. Eichendorff J. von. Werke. In 5 Bdn. Bd. 3. München: *Winkler*, 1976. 1063 S.
 9. Eichendorff J. von. Ausgewählte Werke. In 5 Bdn. Bd. 2. München: *Nymphenburger*, 1987.
 10. Seidlin O. Versuche über Eichendorff. Göttingen: *Vandenhoeck & Ruprecht*, 1965. 303 S.

Поступила в редакцию 05.03.2023

Принята к публикации 15.04.2023

Отредактирована 10.05.2023

Received 05.03.2023

Accepted 15.04.2023

Revised 10.05.2023

ОБ АВТОРЕ

Черепанов Даниил Дмитриевич — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ddcherep@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Daniil Cherepanov — PhD, Senior Teaching Fellow, Department of History of Foreign Literatures, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; ddcherep@gmail.com

«БЫВАЮТ СТРАННЫЕ СБЛИЖЕНИЯ»: «ОБЩИЕ МЕСТА» В МЕМУАРАХ О ЧЕРНЫШЕВСКОМ И ПИСАРЕВЕ

Т.И. Печерская

*Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск,
Россия; ptatiana9@gmail.com*

Аннотация: В статье сопоставлены «общие места» мемуаров о Чернышевском и Писареве, в которых обнаруживается сходство двух деятелей: от внешности и особенностей поведения, детско-юношеских занятий до манеры письма, способов самовыражения. Проанализированы биографические и типологические основания для сопоставления по принципу сходства и различия обеих фигур. Целью работы является исследование влияния общественной репутации на формирование мемуарного облика Чернышевского и Писарева. В результате сделан вывод, что у мемуаристов существовала модель для создания облика выдающегося общественного деятеля революционного движения, и образы Чернышевского и Писарева изначально были положены в ее основу. Модель формировалась на поэтических образах стихотворений Некрасова, посвященных Белинскому, Добролюбову, Писареву, Чернышевскому, а также с опорой на жанр надгробного слова на публичных похоронах 1860–1870-х годов, заменявших выражение общественного протеста. Сближает источники общность тем: самоотверженное служение общественным идеалам; гений, принесенный в жертву ради людей; безвременная смерть от гнета властей. В мемуарном облике по общей концептуальной канве объединены по сути индивидуальные свойства, акцентирующие общие черты выдающейся личности. Невероятные способности обоих особым образом акцентируют единый «профиль»: высочайшие интеллектуальные природные дарования, положенные на алтарь борьбы. Тема противоречия между ожидаемым — истинным — обликом и реальным демонстрирует колоссальный перевес силы духа, мысли над обычной человеческой природой. Отмеченное сходство рассмотрено также с точки зрения проблемы использования мемуаров как биографического и историко-литературного источников.

Ключевые слова: мемуары; мемуарная агиография; эпоха шестидесятых годов; Н.Г. Чернышевский; Д.И. Писарев; Н.А. Некрасов

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-13

Для цитирования: Печерская Т.И. «Бывают странные сближения»: «общие места» в мемуарах о Чернышевском и Писареве // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 4. С. 145–156.

“THERE ARE STRANGE APPROACHES”: ‘COMMON PLACES’ IN THE MEMOIRS ABOUT CHERNYSHEVSKII AND PISAREV

Tatyana Pecherskaya

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia; ptatiana9@gmail.com

Abstract: The research is based on the materials of memoirs about Chernyshevskii and Pisarev. The ‘common places’ of the memoirs, in which the similarity of the two activists is revealed, are compared. Purpose: to investigate the influence of public reputation on the formation of the memoir image of Chernyshevskii and Pisarev.

Aims: to identify the specifics of the formation of the memoir corpus of famous public and literary activists; to justify the presence of an out-of-text model as a source of commonality of the image angle. Other documentary sources were also involved to identify the reasons for the coincidence and discrepancy of the facts. Contradictions were established in both cases.

Results and conclusions: it is possible to assume, that in the public consciousness of a certain circle there existed a model for creating the image of an outstanding public activist of the revolutionary movement. Both Chernyshevskii and Pisarev not just matched to this model, — their images were originally put in its ground.

The formation of the image model was based on two sources: poetic images of Nekrasov’s poems dedicated to Belinskii, Dobrolyubov, Pisarev and Chernyshevskii; relying on the genre of the eulogies at public funerals of the 1860s–1870s and later, that replaced the expression of public protest. The commonality of themes — selfless service to social ideals; genius, sacrificed for the sake of people; early demise from the oppression of the authorities, — brings both sources together. In the memoir image, according to the general model, essentially individual features are combined, emphasizing the generalized properties of an extraordinary personality. The outstanding abilities of both underline a single ‘profile’ in a special way: the highest intellectual talents, laid on the chancel of struggle. The motive of unrecognition, the contradiction between the expected — true — and the real appearance of a person, demonstrates a great advantage of the fortitude and thought over ordinary human nature.

Keywords: memoirs; memoir hagiography; the era of the sixties; N.G. Chernyshevskii; D.I. Pisarev; N.A. Nekrasov

For citation: Pecherskaya T.I. (2023) “There Are Strange Approaches”: ‘Common Places’ in the Memoirs about Chernyshevskii and Pisarev. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 145–156.

Мемуары как источник сведений самого разного характера являются настолько же ценным ресурсом, насколько и ненадежным. Л.Я. Гинзбург писала о «ферменте недостоверности» как свойстве, заложенном в самой их природе [Гинзбург 1971]. Нас будет интересовать одно из проявлений этого свойства в проекции на целый корпус мемуаров об очень разных людях, объединенных и сближенных со-

временниками по типу общественной значимости. На основе воспоминаний о Чернышевском и Писареве мы попытаемся ответить на вопрос: как при фактической достоверности частного формируется недостоверность целого? В историко-литературном аспекте цель состоит в исследовании влияния общественной репутации на формирование облика общественно значимых литературных деятелей.

Коснемся некоторых внемеуарных оснований сопоставления по принципу сходства и различия обеих фигур. В истории литературы Чернышевский и Писарев объединены «эпохой шестидесятых годов»: тот и другой выступали идеологами общественного демократического движения. Сравним в целом и характер их деятельности: работа в «Современнике» и «Русском слове», главных демократических журналах-конкурентах. Если приблизить картину, на первый план выступают черты различия. Существенна поколенческая разница: Чернышевский — человек пятидесятых годов, Писарев — шестидесятых. Чернышевский формирует идеологию поколения с середины 1850-х годов, Писарев в 1856 году только поступает в университет, а в 1861 году он — выпускник университета и сотрудник журнала для девиц «Рассвет» — только совершает переход из эстетов в демократы и нигилисты. Так, например, его кандидатура как возможного сотрудника «Русской Речи» была отклонена Евгенией Тур: юноша оказался ярким сторонником чистого искусства¹.

Можно отметить сходство другого порядка: линия литературного восхождения и нисхождения похожа. Оба стремительно завоевали первенство в своих журналах, но после ареста журнальная деятельность Чернышевского закончилась; напротив, восхождение Писарева-журналиста по-настоящему только началось. Если воспользоваться стилем мемуаристов, можно сказать, что звезда Чернышевского-журналиста зашла в 1862 году, а звезда Писарева только вошла в зенит. Однако Чернышевский во время заключения

¹ В 1865 г. в «Современнике» было опубликовано письмо матери Писарева Некрасову, где она указывает на сильное влияние Благосветлова на ее сына и формирование его взглядов, в частности, она отмечает: «В январе 1861 года мой сын, бывший в Москве, виделся с г-жой Евгениею Тур и предлагал ей свое сотрудничество для “Русской речи”; заговоривши о литературе, мой сын сказал г-же Тур, что он поклонник чистого искусства, что он считает г. Майкова за величайшего из современных русских поэтов и что он восхищается рассказами г-жи Кохановской. Г-жа Тур не согласилась с ним на этих пунктах и не приняла его в сотрудники, потому что видела в нем юношу, совершенно погрязшего в старой эстетике» (Современник. 1865. № 3. С. 218–220). Письмо должно было «восстановить честь» Благосветлова, снять обвинения в том, что он «загрывает жар чужими руками», то есть пользуется идеями Писарева. В разгаре полемики «Русского слова» и «Современника» застрельщиком обвинений Благосветлова выступал Антонович. По мнению исследователей, это письмо с большой вероятностью было продиктовано самим Писаревым [Кузнецов 1990: 154–158].

в Петропавловской крепости написал роман, что многократно усилило влияние его имени, обеспечило необычайно широкую читательскую аудиторию на последующие десятилетия. В дальнейшем развить подобный успех Чернышевский не смог, но и одного романа оказалось достаточно.

В биографическом и творческом смысле они пересеклись заочно именно в этой высшей точке — в одно время, с разницей в несколько дней, оказались в Петропавловской крепости и на протяжении почти полутора лет одновременно находились в заключении, по выражению Набокова, были со-узниками. Если для Чернышевского этот факт не значил практически ничего, то для Писарева — напротив. Он получил право писать и продолжать работу в журнале, ссылаясь на уже полученное Чернышевским особое разрешение заниматься литературной работой при более тяжком обвинении². Но, может быть, еще важнее было знакомство Писарева с романом Чернышевского³, по поводу которого тогда же была написана апологетическая статья. «Новый тип» если и не затмил в его глазах Базарова, поставлен был очень высоко с точки зрения перспективы разработки нового героя литературы и жизни.

Искать биографическое сходство не побуждает разница, заключенная в самих обстоятельствах жизни. Писарев — юноша из старой дворянской семьи с соответствующим «барским» воспитанием в детстве. Человеком своего круга он оставался до конца жизни, никогда не смешивал «реальность» и журнальный образ, сформированный в «Русском слове» (агрессивный развязный нигилист вроде разночинца Базарова). Чернышевский происходил из духовенства, по идентификации шестидесятых годов — «из семинаристов», разночинец по образу жизни и складу. Разительны также отличия в характере, личном складе. Наконец, разница в продолжительности жизни обоих не позволяет строить биографическое сопоставление: с одной стороны, длительная жизнь Чернышевского, вместившая много событий до и после вхождения в зону расцвета деятельности, с другой — краткая жизнь Писарева, внезапно обрвавшаяся почти в высшей точке.

В означенном биографическом и историко-типологическом контексте не может не привлекать внимания мемуарное сходство столь

² Позже разрешение было получено Н.В. Шелгуновым, М.Л. Михайловым и Н.А. Серно-Соловьевичем. Трое ведущих сотрудников «Русского слова» (Писарев, Шелгунов, Щапов) писали статьи, находясь в заключении. См. подробнее: [Кузнецов 1990: 193–207].

³ Статья «Новый тип» (РС. 1865. № 10), по мнению исследователей, восходит к статье «Мысли о русских романах», написанной сразу после выхода романа и запрещенной цензурой [Кузнецов 1990: 641].

разных фигур. В воспоминаниях самых разных лиц о Чернышевском и Писареве повторяется упоминание целого ряда однотипных личностных черт в близких описаниях. В итоге «общие места» создают неожиданный эффект своеобразного «двойничества» мемуарного облика. В дальнейшем мы намеренно локализуем поле наблюдений и зафиксируем только почти буквальные совпадения.

Выделим несколько тематических направлений по степени частотности повторов. Общим местом становится своего рода *обман ожидания*. Свидетельства о расхождении ожидаемого и реального облика Писарева связаны со временем его выхода из Петропавловской крепости, когда он стал по-настоящему знаменит. А. Волынский пишет: «Казалось, что неумолимый разрушитель эстетики, <...> беспощадный и прямолинейный враг всяких житейских кодексов, должен быть существом грубым, антиэстетическим <...> Люди, не знавшие Писарева в лицо, руководимые ходячею легендою, должны были удивляться <...> Он был совсем не таков, каким его ожидали встретить. Изящный, предупредительный, гладко причесанный и щеголевато одетый, <...> он мог служить образцом изысканно воспитанного молодого человека из состоятельной дворянской семьи» [Волынский 1896: 481–482]⁴. Не столько разочарование, сколько даже приятное удивление испытал Тургенев. Сошлюсь на его впечатление о знакомстве с Писаревым. В письме М.В. Авдееву он пишет с иронией: «Писарев, великий Писарев, бывший критик “Русского слова” зашел ко мне <...> а главное — il a l’air d’un enfant de bonne maison, как говорится, ручки имеет прекрасные, и ногти — следующей длины <рисует ноготь, длине которого позавидовал бы Павел Петрович Кирсанов — Т.П.> — что для нигилиста несколько странно» [Тургенев 1990: 168].

То же разочарование или несовпадение отмечают мемуаристы Чернышевского. Интересно воспоминание Н.Я. Николадзе о выступлении Чернышевского на литературном вечере 2 марта 1862 года, где он говорил о Добролюбове: «...Не верилось, что это был тот самый Чернышевский <...> Ретивейшим из его поклонников показалось, что нам его просто подменили, пользуясь тем, что он почти никогда и нигде не показывался, да и портрета его нигде нельзя было достать» [Николадзе 1958: 394]. Вот как описывает П.Ф. Николаев появление Чернышевского среди политических ссыльных: «При нашем настроении благоговейного трепета мы инстинктивно, сами о том не думая, ждали от Николая Гавриловича чего-то героического. <...> И увидели

⁴ Подобные расхождения приводят В.И. Писарева, Р.А. Гарднер (Коренева), А.М. Скабичевский, И.С. Тургенев, Е.А. Соловьев и др.

самое обыкновенное лицо <...> Часто по нашим погостам попадают дьячки с такою наружностью» [Николаев 1959: 153].

Другой сегмент общих мест касается воспоминаний о детстве и ранней юности. Через целый ряд мемуаров проходит тема исключительных интеллектуальных способностей обоих. Выделяются необычайная тяга к учению, предпочтение книг и занятий детским играм, очень раннее освоение нескольких иностранных языков, включая древние, поразительная и даже уникальная память. Е.А. Соловьев, первый биограф Писарева, называвший свой труд «коллективным», то есть основанным на многих воспоминаниях, пишет: «В таких успехах сказались как громадные способности ребенка, его удивительная память, так и старательность, приложенная матерью в деле воспитания. Без всякого преувеличения можно сказать, что Писарев учился целый день. <...> в три года он бегло читал, в четыре разговаривал как маленький парижанин» [Соловьев 1893: 8].

Перечисляя количество языков, которые знал Чернышевский ко времени поступления в духовную семинарию, Ю.М. Стеклов объединил сведения, почерпнутые из воспоминаний, и выстроил довольно впечатляющий список: «...уже обладал поразительной начитанностью и умственным развитием, феноменальной памятью. Он знал языки: греческий, латинский, еврейский, французский, немецкий, польский и английский» [Стеклов 1909: 3]. Вне списка остались и другие свидетельства: еще он изучал персидский (с местным торговцем) и немецкий. Чаще всего приводятся примеры блестящего владения древними языками. Скажем, А.Н. Пыпин вспоминает об увлеченности юного Чернышевского чтением Цицерона: «...мне ясно припоминается он за чтением старой латинской книги, <...> это было старое, первых годов семнадцатого столетия, издание Цицерона; помню, что он читал его свободно, не обращаясь к словарю» [Пыпин 1958: 61]. Немало подобных примеров из семинарской и университетской жизни. Так же показательны упоминания ситуаций, где тот и другой удивляли преподавателей и товарищей необычайными познаниями. А. Волынский ссылается на воспоминания однокурсника Писарева, П. Полевого: поражала «...его способность <уже на первом курсе — П.Т.> без всякого приготовления переводить перед профессором классических авторов в чистом, литературном выражении» [Волынский 1896: 484].

Сходно описываются склад характера, манера себя вести, даже внешность обоих. Приведу несколько описаний без обозначения объектов⁵: «Мягкий», «застенчивый»; «товарищи звали его красной

⁵ Используются мемуары А.Ф. Раева, Ф.В. Духовникова, И.У. Палимпсестова, А.И. Розанова о Чернышевском; В.И. Писаревой, П.Н. Полевого, А.М. Скабичевского, А.Л. Волынского о Писареве.

девицей», «тихий», «смирный»; «В то время он был довольно высоким юношей с нежным женственным лицом, рыжеватыми волнистыми волосами, тихим голосом, застенчивый, молчаливый и приветливый»; «Волосы имел он светло-рыжие»; «Безукоризненно и тщательно одетый, розовый, гладко причесанный и даже припороженный, он производил впечатление переодетой девочки»; «Наивные простодушные люди, знавшие этого мягкого, простого, доброго и уступчивого юношу, впоследствии изумлялись, как такой человек мог превратиться в потрясателя основ»; «шестнадцатилетний розовый юноша»; «...он удивлял меня своим ребяческим видом: рыженький, розовенький, с веснушками на лице, одетый с иголочки, он глядел вербным херувимчиком». Создается впечатление, что речь идет об одном и том же человеке.

Внимание привлекают свидетельства, касающиеся манеры писать. В них неоднократно отмечается исключительное свойство обоих — писать набело, без черновиков, невероятная продуктивность письма, проще сказать, огромное количество написанного в фиксированный отрезок времени. Точность подсчета обеспечивалась временем пребывания в крепости и отсутствием каких-либо других занятий. Добавим еще и использование гусяного пера в крепости (в обычной жизни оба привыкли пользоваться стальным). Вот как пишет П.Е. Щёголев о Чернышевском, производя опись созданного в крепости за неполные два года: «Кажется невозможным выполнение автоматической переписки такого количества листов в такое время <...> печатных листов по 40 тыс. букв в листе: беллетристика — 68, научные работы — 12, автобиографические — 12, судебные показания и объяснения — 4, компиляции — 11, переводы — 100 листов, всего около 205 печатных листов, или чуть больше 9 1/2 печатных листов в месяц» [Щёголев 1986: 26–27]. Щёголев подсчитывал только беловые рукописи, не беря в расчет черновые. Другими словами, черновые рукописи все-таки существовали. Известна ныне опубликованная большая по объему редакция романа «Что делать?». Версия о писании без черновиков существовала параллельно. Так, не вызывало недоверия предположение насчет причин паники при потере рукописи романа Некрасовым. А.Я. Панаева пишет: «все знали», что Чернышевский писал сразу набело [Панаева 1986: 338].

Те же способности — писать набело и в огромном количестве — называются и в мемуарах о Писареве. Скажем, неоднократно упоминается выпускная диссертация в 15 печатных листов, удостоившаяся серебряной медали («Аполлоний Тианский и его время»), которую Писарев написал прямо набело за два месяца. О диссертации в связи с манерой писать «по обыкновению» набело говорит

и сам Писарев в следственных показаниях. Он сообщает, что его статья, легшая в основу обвинения, «как и большая часть <...> журнальных статей, писана без черновой, прямо набело, под впечатлением минуты» [Лемке 1907: 144]. В количественном отношении написанное в крепости также не может не удивлять. Н.Д. Быховский сообщает о 110-ти печатных листах, написанных примерно за 2,5 года. Здесь, кроме статей о литературе, статьи на естественнонаучные, исторические темы, публицистика, обзоры книг, рецензии и проч. [Быховский 1936]. О наличии или отсутствии черновых рукописей в данном случае судить трудно, во всяком случае о них никогда не упоминается, большая часть статей в академическом издании опубликована по «Русскому слову» и полуприжизненному изданию Ф.Ф. Павленкова (1866–1869), в котором Писарев почти не принимал участия, ссылаясь на отсутствие интереса к своим старым статьям. Г.Г. Елизаветина, комментируя текстологическую часть ПСС Писарева, пишет о критической проверке текстов «по всем доступным первоисточникам — печатным и рукописным — в тех редких случаях, когда они сохранились» [Елизаветина 2000: 403].

Со способностью писать без черновиков вполне увязываются и свидетельства о способности легко говорить большими периодами, излагая мысль правильным литературным стилем, по сути имеется в виду совпадение устной и письменной речи. Высказыванию о Писареве зеркально соответствуют свидетельства и о Чернышевском. Приведу одно на двоих воспоминание, скажем, о Писареве: «...это был никогда не затрудняющийся, не ищущий слов оратор, всегда имеющий в запасе закругленные, безупречно литературные выражения, поражающий в живой речи тем же, чем он изумлял всех, видевших его рукописи: способностью излагать свои мысли прямо набело, без единой поправки и перестановки <...> бестрепетным стилем» [Волынский 1896: 483].

Возникает вопрос — чем можно объяснить столь очевидное сходство? В первую очередь обратимся к сведениям о том, когда был опубликован основной корпус мемуаров о Писареве и Чернышевском. Воспоминания о Чернышевском, кроме небольшого количества вышедших за границу сразу после высылки, начинают публиковаться вскоре после его смерти в конце 1880-х и в 1890-е годы, но особенно широко с 1905 года, как и все другие мемуары о деятелях революционного движения. В количественном отношении свидетельства о Писареве значительно уступают по вполне понятным причинам. Единичные воспоминания о Писареве появляются почти сразу после смерти, в конце 1860-х годов; основной корпус, как и в случае с Чернышевским, публикуется в 1880-х и далее также с 1905 года, то есть параллельно с мемуарами о Чернышевском. Из

этого автоматически не следует, будто писавшие ориентировались друг на друга в буквальном смысле, хотя публикации и находились в общем поле зрения. В частности, если говорить о Чернышевском, известны многие случаи полемики разных авторов, уличавших друг друга в неверной интерпретации тех или иных фактов.

Наша основная версия строится на предположении, что у мемуаристов, то есть в общественном сознании определенного круга людей, уже существовала некая модель для создания облика выдающегося общественного деятеля революционного движения. Оба — Чернышевский и Писарев — не просто ей соответствовали, их образы изначально были положены в ее основу, еще при жизни Чернышевского и сразу после смерти Писарева. Речь идет о поэтических образцах, получивших широкое распространение и многочисленные вариации: это стихотворения Некрасова, посвященные Чернышевскому («Пророк», 1874) и Писареву («Не рыдай так безумно над ним», 1868). Поэтический мартиролог начинают Белинский («Памяти Белинского», 1853) и Добролюбов («Памяти Добролюбова», 1864).

Еще одним источником формирования облика общественно-революционного деятеля могут считаться публичные похороны 1860–1870-х годов и более поздние, заменявшие выражение общественного протеста⁶. В частности, показателен жанр надгробного слова, где акцентировались, как в некрасовских стихотворениях, определенные темы: самоотверженное служение общественным идеалам; гений, принесенный в жертву ради людей; безвременная смерть от гнета властей.

Похороны Писарева и Чернышевского по части речей являются исключениями, в обоих случаях они были запрещены. Краткое слово у могилы Писарева произнесено Благосветловым вопреки запрету, оно известно по агентурной записке и вполне дает представление о характерной риторике: «...Будучи заключен в крепость, он в сыром и душном каземате, окруженный солдатами, под звуки оружия, продолжал заниматься литературою...» [Писарев в воспоминаниях и свидетельствах современников 2015: 337]. Показательны жесты, заменяющие речи и эквивалентные им. Так, например, на гроб Чернышевского одна женщина положила терновый венок (очевидная реплика некрасовского «Пророка»). Основой, определившей последующий образец выступления на публичных похоронах общественного деятеля, борца, можно считать сказанное Чернышевским и Некрасовым на похоронах Добролюбова. Показателен известный эпизод, имеющий несколько мемуарных вариантов,

⁶ О публичных похоронах как форме самоорганизации революционного движения см.: [Корнацкий 2018: 88–98].

мы же воспользуемся свидетельством агента III Отделения — при всех издержках примитивности, с какой пересказана речь Чернышевского: «Чернышевский, оканчивая свою речь, говорил, что вот лежат рядом две литературные знаменитости, умершие в молодости, в самом развитии таланта, и потом, указывая на пустое место, сказал: “Какую же знаменитость тут положить?” На это послышался чей-то ответ из числа присутствовавших: “вероятно, г. Чернышевский”. Многие на это улыбнулись, а г. Чернышевский сконфузился, вероятно, заметив сам неловкость своей последней фразы». Реплика на грани кладбищенского юмора вполне объяснима логикой и пафосом говорившего.

Вернемся к общим местам. Невероятные способности обоих, выделенные в мемуарах, особым образом акцентируют черты выдающейся фигуры. Оба не просто литераторы и даже не столько литераторы, сколько люди высочайших интеллектуальных природных дарований, положенных на алтарь борьбы. В общую модель вписываются и ситуации разочарования, неузнавания. Противоречие между ожидаемым — истинным — обликом и видом реального человека подчеркивает колоссальный перевес силы духа и мысли над обычной человеческой природой. Как и физическая метаморфоза, контрастный переход из нежного возраста в зрелый возраст борца и ниспровергателя («Кто бы мог подумать, что...»).

В качестве постскрипума приведу один комментарий к известному литографическому портрету Писарева 1868 года⁷. По поводу литографии и рисунка, на основе которого была создана литография, В.И. Щербаков замечает: ни то, ни другое не имеет прямого отношения к реальному лицу Писарева: «...исправлена форма носа, увеличен разрез глаз, прибавлено растительности на щеках. <...> он предстает с довольно-таки густой бородой (какой у него никогда не было)» [Щербаков 2015: 51]. В каком-то смысле похожий принцип просматривается в мемуарах, ориентированных на определенный конвенциональный тип общественно значимой фигуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Быховский Н.Д.* Д.И. Писарев в Петропавловской крепости // Литературное наследство: (Чернышевский. Добролюбов. Писарев). Т. 25/26. М., 1936. С. 655–691.
2. *Волынский А.* Русские критики. Литературные очерки. СПб., 1896.
3. *Гинзбург Л.Я.* Мемуары // Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л., 1971. С. 135–282.
4. *Н.А. Добролюбов* в воспоминаниях современников. М., 1986.

⁷ Был опубликован в одном из томов павленковского издания и поныне в нашем восприятии является основным визуальным обликом критика (литография создана А.Э. Мюнстером по рисунку П.Ф. Бореля).

5. *Елизаветина Г.Г.* Примечания // Писарев Д.И. Полн. Собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 1. М., 2000.
6. *Корнацкий Н.Н.* Похороны Д.И. Писарева как несостоявшаяся демонстрация // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 5. С. 88–98.
7. *Кузнецов Ф.Ф.* Круг Д.И. Писарева. М., 1990.
8. *Лемке К.М.* Политические процессы М.И. Михайлова, Д.И. Писарева и Н.Г. Чернышевского. СПб., 1907.
9. *Николадзе Н.Я.* Воспоминания о шестидесятих годах // Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1. Саратов, 1958. С. 391–403.
10. *Николаев П.Ф.* Воспоминания о пребывании Н.Г. Чернышевского в каторге // Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. Саратов, 1959. С. 151–185.
11. *Панаева А.Я.* Воспоминания. М., 1986.
12. Д.И. Писарев в воспоминаниях и свидетельствах современников. М., 2015.
13. *Пыпин А.Н.* Мои заметки // Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1. Саратов, 1958. С. 56–73.
14. *Соловьев Е.А.* Д.И. Писарев. Его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1893.
15. *Стеклов Ю.М.* Н.Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность (1828–1889). СПб., 1909.
16. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. 7. Письма. М., 1990.
17. *Щеголев П.Е.* Алексеевский рavelин. М., 1989.
18. *Щербаков В.И.* Писарев в отзывах современников // Д.И. Писарев в воспоминаниях и свидетельствах современников. М., 2015. С. 3–57.

REFERENCES

1. Bykhovskii N.D. D.I. Pisarev v Petropavlovskoi kreposti [D.I. Pisarev in the Peter and Paul Fortress]. *Literaturnoe nasledstvo: (Chernyshevskii. Dobrolyubov. Pisarev)*. [Literary heritage: (Chernyshevskii. Dobrolyubov. Pisarev)]. Vol. 25/26. Moscow, *Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie Publ.*, 1936, pp. 655–691. (In Russ.)
2. Volynskii A. *Russkie kritiki. Literaturnye ocherki* [Russian critics. Literary essays]. St. Petersburg, *Tipografiya M. Merkusheva Publ.*, 1896. 827 p. (In Russ.)
3. Ginzburg L.Ya. *Memuary [Memoirs]. Ginzburg L.Ya. O psikhologicheskoi proze* [Ginzburg L.Ya. About psychological prose]. Leningrad, *Khudozhestvennaya literatura Publ.*, 1971, pp. 135–282. (In Russ.)
4. N.A. *Dobrolyubov v vospominaniyakh sovremennikov* [N.A. Dobrolyubov in the memoirs of contemporaries]. Moscow, *Khudozhestvennaya literatura Publ.*, 1986. 421 p. (In Russ.)
5. Elizavetina G.G. *Primechaniya [Notes]. Pisarev D.I. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 12 tomakh* [Complete collection of works and letters: in 12 vols.]. Vol. 1. Moscow, *IWL RAS Publ.*, 2000. 510 p. (In Russ.)
6. Kornatskii N.N. *Pokhorony D.I. Pisareva kak nesostoyavshayasya demonstratsiya* [The funeral of D.I. Pisarev as a failed demonstration]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya* [History magazine — researches], 2018, no. 5, pp. 88–98. (In Russ.)
7. Kuznetsov F.F. *Krug D.I. Pisareva* [D.I. Pisarev's circle]. Moscow, *Khudozhestvennaya literatura Publ.*, 1990. 926 p. (In Russ.)
8. Lemke K.M. *Politicheskie protsessy M.I. Mikhailova, D.I. Pisareva i N.G. Chernyshevskogo* [Political processes of M.I. Mikhailov, D.I. Pisarev and N.G. Chernyshevskii]. St. Petersburg, *O.N. Popova Publ.*, 1907. 421 p. (In Russ.)
9. Nikoladze N.Ya. *Vospominaniya o shestidesyatykh godakh* [Memories about the sixties]. *N.G. Chernyshevskii v vospominaniyakh sovremennikov: V 2 tomakh* [N.G. Cher-

- nyshevskii in the memoirs of contemporaries: in 2 vols.]. Vol. 1. Saratov, *Saratovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ.*, 1958, pp. 391–403. (In Russ.)
10. Nikolaev P.F. *Vospominaniya o prebyvanii N.G. Chernyshevskogo v katorge* [Memories of N.G. Chernyshevskii's stay in hard labor]. *N.G. Chernyshevskii v vospominaniyakh sovremennikov: V 2 tomakh* [N.G. Chernyshevskii in the memoirs of contemporaries: in 2 vols.]. Vol. 2. Saratov, *Saratovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ.*, 1959, pp. 151–185. (In Russ.)
 11. Panaeva A.Ya. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow, *Pravda Publ.*, 1986. 508 p. (In Russ.)
 12. *D.I. Pisarev v vospominaniyakh i svidetel'stvakh sovremennikov* [D.I. Pisarev in memoirs and testimonies of contemporaries]. Moscow, *IWL RAS Publ.*, 2015. 450 p. (In Russ.)
 13. Pypin A.N. *Moi zametki* [My notes]. *N.G. Chernyshevskii v vospominaniyakh sovremennikov: V 2 tomakh* [N.G. Chernyshevskii in the memoirs of contemporaries: in 2 vols.]. Vol. 1. Saratov, *Saratovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ.*, 1958, pp. 56–73. (In Russ.)
 14. Solov'ev E.A. *D.I. Pisarev. Ego zhizn' i literaturnaya deyatel'nost'* [D.I. Pisarev. His life and literary activity]. St. Petersburg, *Tipografiya Yu.N. Erlikh Publ.*, 1893. 160 p. (In Russ.)
 15. Steklov Yu.M. *N.G. Chernyshevskii, ego zhizn' i deyatel'nost' (1828–1889)* [N.G. Chernyshevskii. His life and activity (1828–1889)]. St. Petersburg, *Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za"*, 1909. 426 p. (In Russ.)
 16. Turgenev I.S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 tomakh* [Turgenev I.S. Complete collection of works and letters: in 30 vols.]. Vol. 7. Letters. Moscow, *Nauka Publ.*, 1990. 445 p. (In Russ.)
 17. Shchegolev P.E. *Alekseevskii ravelin* [Aleksseevsky Ravelin]. Moscow, *Kniga Publ.*, 1989. 379 p. (In Russ.)
 18. Shcherbakov V.I. *Pisarev v otzyvakh sovremennikov* [Pisarev in the reviews of contemporaries]. *D.I. Pisarev v vospominaniyakh i svidetel'stvakh sovremennikov* [D.I. Pisarev in memoirs and testimonies of contemporaries]. Moscow, *IWL RAS Publ.*, 2015, pp. 3–57. (In Russ.)

Поступила в редакцию 16.02.2023

Принята к публикации 15.04.2023

Отредактирована 10.05.2023

Received 16.02.2023

Accepted 15.04.2023

Revised 10.05.2023

ОБ АВТОРЕ

Печерская Татьяна Ивановна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методологии обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета; ptatiana9@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Tat'yana Pecherskaya — Dr. Habil in Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Methodology of Teaching Literature, Novosibirsk State Pedagogical University; ptatiana9@gmail.com

К ПРОБЛЕМЕ ВНУТРИ- И МЕЖЪЯЗЫКОВОГО РИТМИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ: ПУШКИН (ПЕСНИ «ПИРА ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ») И БЛОК («В ЭТОЙ ЖИЗНИ СЛИШКОМ ТЕМНОЙ...»)

В.С. Поилова

*Институт мировой культуры, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; vera.polilova@gmail.com*

А.С. Белоусова

*Институт мировой культуры, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; Национальный университет
Колумбии, Богота, Колумбия; nastassja.belousova@gmail.com*

Аннотация: Несмотря на то что случаи ритмического влияния регулярно обсуждаются в работах стиховедов, критерии, позволяющие констатировать такое влияние, остаются размытыми. Настоящая статья предлагает рассмотреть процедуры выдвижения гипотез о ритмическом влиянии, как внутри-, так и межъязыковом, и тем самым начать разговор о методологических принципах ритмических сопоставлений. В качестве примеров рассматриваются песни из «Пира во время чумы» (как случай, когда высказанные гипотезы о ритмическом влиянии должны восприниматься с осторожностью) и блоковские эквиметрические переводы 4-стопных хореев Гейне (один из которых — «В этой жизни слишком темной...» (1909) — представляется нам случаем бесспорного ритмического заимствования).

В случае Пушкина обсуждаются гипотезы о наличии в песни Мери и гимне Чуме ритмических реминисценций из Жуковского и Баратынского, а также возможное влияние ритмики английского стиха, выражающееся в тенденции к полнударности. В случае Блока хорей его переводов из Гейне рассматривается на фоне ритмики немецкого источника и оригинальных хореев поэта. Авторы приходят к выводу, что для предположения факта ритмического влияния необходимо не только выявить комплекс исторических, семантических и ритмических факторов, поддерживающих гипотезу о его присутствии в тексте, но и установить связанность этих факторов между собой. Особенно это важно, когда мы судим о небольших стихотворных фрагментах или фрагментах с сильной ритмической поляризацией. В случае межъязыковых сопоставлений необходимо учитывать и тот факт, что сходство отдельных ритмических тенденций может полностью объясняться независимыми языковыми факторами.

Ключевые слова: сравнительная ритмика; ритмическое влияние; поэтический перевод; Блок; Гейне; Пушкин

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-14

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 19-78-10132 в Институте мировой культуры МГУ (<https://rscf.ru/project/19-78-10132/>).

Для цитирования: Полилова В.С., Белоусова А.С. К проблеме внутри- и межъязыкового ритмического влияния: Пушкин (песни «Пира во время чумы») и Блок («В этой жизни слишком темной...») // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 4. С. 157–171.

TO THE PROBLEM OF INTRA- AND INTERLINGUISTIC RHYTHMICAL INFLUENCE: PUSHKIN (THE SONGS FROM *PIR VO VREMYA CHUMY*) AND BLOK (*V ETOJ ZHIZNI SLISHKOM TJOMNOJ...*)

V.S. Polilova

Institute of World Culture, Moscow State University, Moscow, Russia; vera.polilova@gmail.com

A.S. Belousova

Institute of World Culture, Moscow State University, Moscow, Russia; Universidad Nacional de Colombia, Bogotá, Colombia; nastassja.belousova@gmail.com

Abstract: While literary scholars frequently discuss the issue of rhythmical influence, there is still a need to establish clear criteria for determining such influence. This article suggests examining the processes for developing hypotheses about rhythmical influence within and across languages to initiate a discussion on the methodological principles of comparative rhythemics. Examples are provided, such as songs from *Pir vo vremya chumy* by Aleksandr Pushkin, where the rhythmical influence of possible sources is highly hypothetical, and Aleksandr Blok's equimetrical translations of Heine's 4-stressed trochees, including *V etoj zhizni slishkom tjomnoj...* (1909), which is a clear case of rhythmical borrowing.

With Pushkin's works, the discussion focuses on hypotheses regarding the presence of rhythmical reminiscences from Zhukovsky and Baratynsky in the songs of Mary and Walsingham, as well as a possible influence of English verse rhythm. With Blok's trochees, his translations of Heine are considered in comparison with the rhythm of the German source and the poet's original trochees. To assert the fact of rhythmical influence is crucial not only to identify a complex of historical, semantic, and rhythmic factors that support the hypothesis of its presence in the text, but also establish a connection between these factors. It is imperative when dealing with small poetic fragments or fragments with strong rhythmic polarization. When making cross-linguistic comparisons, it is also necessary to consider that independent linguistic factors may fully explain the similarity of individual rhythmic tendencies.

Keywords: comparative rhythemics; rhythmical influence; verse translation; Aleksandr Blok; Heine; Pushkin

Funding: This research is supported by the Russian Science Foundation (Grant No. 19-78-10132; <https://rscf.ru/project/19-78-10132/>).

For citation: Polilova V.S., Belousova A.S. (2023) To the Problem of Intra- and Interlinguistic Rhythmical Influence: Pushkin (the Songs from *Pir vo vremya chumy*) and Blok (*V etoj zhizni slishkom tmomnoj...*). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 157–171.

Эволюция поэтического ритма — магистральная проблема русского стиховедения с момента его возникновения¹. Обнаруженные Андреем Белым различия в ритмике четырехстопного ямба XVIII и XIX веков [1910: 262–263 слл.] дали толчок развитию стиховедческих исследований на целое столетие вперед и предопределили лицо «русского метода», то есть метода лингвостатистического анализа стиха [Bailey 1979].

При исследовании ритма как автономной структуры закономерно встал вопрос о ритмическом влиянии («родстве ритма», «генетической связи»), обсуждавшийся уже у Белого [1910: 331–342, 348–378]. Если ритм обладает самостоятельным значением и способен меняться с течением времени, это значит, что его можно воспринимать, заимствовать, воспроизводить, имитировать с разными художественными целями. Исходя из этой предпосылки, стиховеды делали выводы о связи ритмических стилей разных поэтов и их взаимовлияниях, о зависимости жанровых и ритмических или даже тематических, синтаксических и ритмических характеристик поэтических текстов.

Ученые обсуждали вопросы ритмической эволюции и взаимовлияний не только в рамках национальной традиции, но и на межъязыковом уровне. Особенно плодотворно сравнительная ритмика занималась исследованием процесса становления в России силлаботоники под влиянием германского стиха, а также взаимоотношениями русского и античного гексаметра. Были сделаны и разнообразные более частные наблюдения о межъязыковых ритмических связях [Полилова, Пильщиков, Белоусова 2022: 139–141].

Хотя случаи ритмического влияния регулярно обсуждаются в работах стиховедов, критерии, позволяющие констатировать такое влияние, остаются размытыми. Настоящая статья предлагает рассмотреть процедуры выдвижения гипотез о ритмическом влиянии,

¹ Авторы выражают сердечную признательность С.Е. Ляпину за помощь в работе над статьей, а также благодарят А.А. Добрицына и И.А. Пильщикова, ознакомившихся с текстом в рукописи, за советы и замечания.

как внутри-, так и межъязыковым, и тем самым начать разговор о методологических принципах ритмических сопоставлений. В качестве примеров мы рассмотрим песни из «Пира во время чумы» (как случай, когда высказанные гипотезы о ритмическом влиянии должны восприниматься с осторожностью) и блоковские эквиметрические переводы 4-стопных хореев Гейне (один из которых — «В этой жизни слишком темной...» (1909) — представляется нам случаем беспорядочного ритмического заимствования).

1. Песни «Пира во время чумы»: Жуковский, Баратынский, английский стих

В седьмом томе нового Полного собрания сочинений, включающем пушкинские драматические произведения, Е.В. Хворостьянова, обсуждая ритмический строй песен Мери и Вальсингама, высказывает ряд соображений о содержащихся в них ритмических цитатах и реминисценциях.

В случае песни Мери речь идет о развитии наблюдения С.Б. Рассадина, писавшего о близости песни поэзии Жуковского [Рассадин 1977: 155]. По мнению Хворостьяновой, «усмотреть в этой песне реминисценцию из Жуковского» позволяют не «столько сам размер <...>, сколько его ритмическая и строфическая формы» [2009: 559]. Строфическим аргументом становится частотность у Жуковского восьмистиший Х4, состоящих из четверостиший перекрестной рифмовки (самих по себе типичных для баллады, особенно немецкой), а ритмическим — альтернирующий ритм песни: «На подчеркнутый альтернирующий ритм Жуковского Пушкин неоднократно ориентируется в стихотворениях 1829–1835 гг.² Песня Мери строится с использованием четырех ритмических форм Х4: ХХХХ, ПХХХ, ХХПХ, ПХПХ — опорных в альтернирующем ритме» [там же].

Обсуждая ритмику ямба гимна Чуме, исследовательница предполагает ритмическую цитату из Баратынского: «Пониженная ударность первого икта и предельно высокая второго формирует профиль ударности, находящий аналогию только в лирике Баратынского 1821–1828 гг.» [там же, 560]. Утверждение о возможной ритмической цитате делается на основании сходства профилей средней ударности и «аналогичной разработки темы пира и смерти» в ряде стихотворений Баратынского («Элизийские поля», «Добрый совет», «Череп», «Смерть») [там же, 560, примеч. 100].

² По данным Тарановского, у Пушкина в стихотворениях Х4 1829–1835 годов доминирует альтернирующий ритм. Почему он интерпретируется как ориентация на Жуковского? И почему в песне Мери он становится знаком присутствия старшего поэта?

Как видно, реминисценция устанавливается при наличии сходства ритмических профилей (подчеркнутый альтернирующий ритм, средняя ударность первого и второго икта; при этом данные по песням сравниваются с данными по выборкам, представленными в таблицах Тарановского [1953, 2010]) и подкрепляется наличием в поэзии авторов близких тем, разработанных схожим образом, и иных «улик», например идентичных строфических форм. В этой процедуре обращает на себя внимание апелляция к средним, общим показателям.

Сравнения и сопоставления, делаемые на основе сходства профилей ударности уже не раз становились объектом критики. В 1996 году А.Л. Беглов в работе о ритмике Бродского писал: «усредненные данные по лирике Бродского в целом (или даже по отдельным годам, без учета конкретных произведений) смазывают реальную картину его ритмического своеобразия. Если опираться на суммарные показатели по всему 4-стопному ямбу Бродского <...>, то можно подумать, что этот размер имеет у него ритмический профиль, напоминающий стих XVIII в. Однако, как мы знаем, на самом деле таких стихотворений у Бродского очень мало <...>: в действительности “средний” профиль типа Б есть результат “статистического” наложения <...>. Вопреки теории постмодернизма и практике квантитативного стиховедения, очередной раз филологически неправомерной оказывается точка зрения, отрицающая существование качественной и принципиальной границы между разными текстами: чем бы произведения ни были объединены — автором, жанром, эпохой, языком, размером — их нельзя рассматривать как один текст. Сливая несколько высказываний воедино, мы нивелируем их индивидуальность и уничтожаем их смысл <...>» [1996: 112].

Работы С.Е. Ляпина последних лет со всей убедительностью и на обширном материале доказывают справедливость соображений Беглова: апеллировать к профилю ударности при стиховедческом анализе следует со всей осторожностью, ведь усредненные показатели легко оказываются результатом наложения разных тенденций [Lяpin 2016, 2020; см. также Dobritsyn 2016]. Отсылки к данным Тарановского должны делаться с большой осторожностью также по причине неоднородности его выборок: «в таблице Тарановского [к которой отсылает Хворостьянова, говоря о песни Мери] представлено одно только произведение Жуковского: сказка “Спящая Царевна” — текст нетипичный, астрофический, созданный по случаю в 1831-м (!) году. <...> Стих песеннобалладный у Жуковского совсем другой, — в нем и пропуски ударения на второй стопе встречаются: ...смертную скуделью быть... (“Кассандра”), ...тёрема зубчаты сте-

ны... («Адельстан») etc.» (С.Е. Ляпин, электронное письмо от 28 ноября 2020 года).

Рассмотрим внимательнее ритмический строй песен «Пира». Профиль ударности в песне Мери действительно альтернирующий (%: 53 100 45 100), однако распределение ритмических форм X4 в ней неоднородно (см. Табл. 1). В строфах 1, 2 и 4 доминирует IV ритмическая форма, а в 3-й и 5-й — II.

Таблица 1

Построфное распределение ритмических вариаций X4 в песне Мери

Ритмическая форма/Строфа	1	2	3	4	5
I	1	1	-	3	1
II	1	1	5	1	4
IV	4	4	2	4	1
VI	2	2	1	-	2

Песня начинается двумя строфами, которые создают собственную ритмическую инерцию: тут стопроцентно ударна вторая стопа и часто ударна первая (пропущено 6 метрических ударений из 16):

Было время, процветала	XxXxxxXx
В мире наша сторона:	XxXxxxX
В воскресение бывала	xxXxxxXx
Церковь Божия полна,	XxXxxxX
Наших деток в шумной школе	XxXxXxXx
Раздавались голоса	xxXxxxX
И сверкали в светлом поле	xxXxXxXx
Серп и быстрая коса.	XxXxxxX

и т. д. Эта инерция нарушается в третьей строфе, в которой первая стопа ведет себя иначе:

Поминутно мертвых носят,	xxXxXxXx
И стенания живых	xxXxxxX
Боязливо Бога просят	xxXxXxXx
Упокоить души их.	xxXxXxX
Поминутно места надо,	xxXxXxXx
И могилы меж собой,	xxXxXxX
Как испуганное стадо,	xxXxxxXx
Жмутся тесной чередой.	XxXxxxX

В 4-й строфе преобладают I и IV формы, в пятой же — вторая ритмическая форма X4. Характер ритма меняется от строфы к строфе, но это оказывается закономерно затемнено в усредненных данных.

Профиль средней ударности иктов песни Вальсингама таков (%): 72 100 47 100. Но и здесь ритм меняется от строфы к строфе. В частности, ударность первого икта значительно варьируется на протяжении песни: в первых строфах его ударность высока (в первых двух строфах стопроцентна). А «пониженная» ударность оказывается фантомом усредненных данных. В первых строфах гимна пропуски ударений на иктах есть лишь на третьей позиции, остальные икты сплошь ударны:

Когда могущая Зима,	xXxXxxxX
Как бодрый вождь, ведет сама	xXxXxXxX
На нас косматые дружины	xXxXxxxXx
Своих морозов и снегов,	xXxXxxxX
Навстречу ей трещат каминь,	xXxXxXxXx
И весел зимний жар пиров.	xXxXxXxX

и т. д.

Во второй части гимна Чуме ритм меняется: он своеобразен прежде всего высокой концентрацией шестых форм Я4 с их пеонической каденцией. Вот эти строки:

Есть упоение в бою	XxxXxxxX
И в разъяренном океане	xxxXxxxXx
И в аравийском урагане	xxxXxxxXx
И в дуновении Чумы	xxxXxxxX
Неизъяснимы наслажденья	xxxXxxxXx

Они дают 27,8 % всех форм второй части, в то время как в первой части песни шестая форма употреблена однократно. В сочетании с тремя случаями II формы во второй части гимна возникает эффект снижения ударности первого икта.

Таблица 2

Построфное распределение ритмических вариаций Я4 в песне Вальсингама

Ритмическая форма/Строфа	1	2	3	4	5	6
I	3	3	1	1	2	3
II	–	–	1	–	1	2
IV	3	3	3	1	2	1
VI	–	–	1	4	1	–

Ритмические аргументы в пользу влияния Жуковского и Баратынского слабеют при более детальном анализе. Сравнение усредненных данных по небольшим текстам, в которых присутствует динамическая ритмическая композиция, с усредненными данными по выборкам не позволяет делать фундированных выводов. Одно-

временно отведение ритмической части аргументации ослабляет убедительность сопоставления в целом.

Выше мы упоминали повышенную ударность первых строф песни Мери и гимна Чуме. Эта ритмическая черта могла бы соблазнить исследователя высказать предположение об иноязычном ритмическом влиянии: английский стих, как известно, почти не имеет пропусков ударений на иктах, а «Пир во время чумы» — это сокращенный перевод отрывка из драматической поэмы английского поэта Джона Вильсона *The City of the Plague*. Кроме того, недавно круг источников «Пира» пополнился новым текстом: стихотворение *Winter Song* английского романтического поэта Г.К. Уайта было предложено рассматривать как прототекст первых строф песни Вальсингама [Белоусова 2022]. Могла ли инерция английского стиха, а не ритмика Жуковского и Баратынского, повлиять на Пушкина?

Увы, сама по себе констатация факта повышенной ударности и наличия английских прототекстов создает лишь видимость убедительности. Гипотеза остается волюнтаристской без конкретных ритмических и семантических совпадений в микроконтекстах и без выявления уникальности подобной ритмической композиции для Пушкина. Создание ударного, скандирующего ритма в песенном и балладном зачине характерно для поэта, как и резкая смена ритмического импульса от строфы к строфе при использовании многострочных строф (например, «Утопленник»).

Сочетание историко-литературных и ритмических аргументов, казалось бы, взаимно поддерживающих друг друга, оказывается недостаточным для констатации ритмического влияния из-за изменчивости и динамичности ритма и множественности его возможных интерпретаций. Если в случае редких метров и ритмов подобная процедура может давать положительные результаты, в случае двусложников она ведет к иллюзорной доказательности.

2. Блок и Гейне: 4-стопный хорей в переводе «В этой жизни слишком темной...» (1909)

Итак, для убедительного утверждения факта ритмического влияния необходимо не только выявить комплекс исторических, семантических и ритмических факторов, поддерживающих гипотезу о его присутствии в тексте, но и установить связанность этих факторов между собой. Особенно это важно, когда мы судим о небольших стихотворных фрагментах или фрагментах с сильной ритмической поляризацией [Ляпин, Флоринская 2017: 70], и тогда, когда обсуждается не экзотический, редкий, недавно заимствованный метр и ритм, а двусложники. Кроме того, нельзя забывать, что сходство отдельных ритмических тенденций может полностью объясняться

независимыми языковыми факторами. В наследии Блока есть образец хореического 4-стопника, демонстрирующего бесспорную ритмическую ориентацию на чужой текст — это перевод из Гейне «В этой жизни слишком темной...» (1909). Этот перевод мы рассмотрим в качестве положительного примера ритмического влияния.

Вообще, в случае блоковских переводов из Гейне предполагать особое внимание переводчика к ритмико-фонетической структуре текста вполне естественно: его переводы дольников Гейне демонстрируют высочайший уровень ритмической мимикрии под оригинал, проявляющейся как на уровне средних цифр по ритмике переводов [Bailey 1966], так и построчно.

Рассмотрим структуру интересующего нас хореического перевода:

В этой жизни слишком темной	Xx Xx Xx Xx	I
Светлый образ был со мной;	Xx Xx X xX	I
Светлый образ помутился,	Xx Xx xxXx	IV
Поглощен я тьмой ночной.	xxXx X xX	II
Трусят маленькие дети,	Xx Xxxx Xx	IV
Если их застигнет ночь,	Xx X xXx X	I
Дети страхи полуночи	Xx Xx xxXx	IV
Громкой песней гонят прочь.	Xx Xx Xx X	I
Так и я, ребенок странный,	X xX xXx Xx	I
Песнь мою пою впотьмах;	X xX xX xX	I
Незатейливая песня,	xxXxxx Xx	VI
Но зато разгонит страх.	xxX xXx X	II

Обращают на себя внимание две особенности этого текста. Во-первых, высокий процент реализации метрических ударений (41 из 48, 85,42 %): половина строк полноударны, только один стих — «Незатейливая пѣсня» — содержит два пиррихия. Во-вторых, высокий уровень диерезы³: из 29 словоразделов 20 приходятся на границу стоп. Для полноударных строк русского хорея (прежде всего акаталектического) такая стопобойная структура вполне характерна, об этом подробно писал С.Е. Ляпин [1996: 28–30], подчеркивая стиховой (не-языковой) принцип такой модуляции. Особенно типична такая структура для начальных женских строк, задающих ритмический импульс всему тексту (в том числе у Блока: «В синем небе, в темной глуби...», 1906). Женские стихи, подчеркнем,

³ Он определяется по проценту от общего количества словоразделов, который занимают словоразделы, совпадающие со стопоразделами [Ляпин 1996: 30–31; Шапир 2000: 356–357].

легче принимают такую ритмико-синтаксическую форму («Ирис дымный, ирис нежный», «Алой пылью тихо встанешь», «Если в гости ходит ветер, / Только дикий черный ветер»).

Эти факты говорят о том, что регулярные женские словоразделы в начальных, а также нечетных строках сами по себе не могут однозначно указывать на особое ритмическое задание («В этой | жизни | слишком | темной», «Светлый | образ | помутился», «Трусят | маленькие | дети», «Дети | страхи | полуночи»). Более значимы для подтверждения гипотезы иноязычного влияния на словораздельную структуру мужские стихи, которые по языковым причинам сложнее складываются в диерезный ритм.

В тексте перевода из Гейне можно увидеть тенденцию к женским словоразделам и соответственно диерезной структуре и в мужских стихах: «Светлый | образ | был | со мной» (можно даже допустить скандовку: «Светлый | образ | был со | мной»), «Если | их | застигнет | ночь», «Но зато | разгонит | страх» и особенно «Громкой | песней | гонят | прочь»). Для того чтобы добиться такого ритмического стопобойного эффекта, Блоку, в частности, приходится избегать типичных для русской синтагмы завершающих трехсложных слов амфибрахической структуры — ни одного случая на весь текст перевода.

Ср. ритмическую и словораздельную структуру анализируемого перевода с нейтральным оригинальным блоковским 4-стопным хореем («Июнь 1909», 1914):

Страстью длинной, безмятежной	Xx Xx xxXx	IV
Занялась душа моя,	xxX xX xX	II
Ирис дымный, ирис нежный,	Xx Xx Xx Xx	I
Благовония струя,	xxXxx xX	VI
Переплыть велит все реки	xxX xX xXx	II
На воздушных парусах,	xxXx xxX	VI
Утонуть велит навеки	xxX xX xXx	II
В тех вечерних небесах,	X xXx xxX	IV
И когда предамся зною,	xxX xXx Xx	II
Голубой вечерний зной	xxX xXx X	II
В голубое голубую	xxXx xxXx	VI
Унесет меня волной...	xxX xX xX	II

Приведем еще несколько примеров оригинальных хорейческих блоковских 4-стопников, в которых видны ритмические возможности размера, а также умение Блока с помощью ритмических и словораздельных вариаций добиваться эффекта семантического выделения.

Выразительно ритмически стихотворение «Дикий ветер...» (22.03.1916), где высокая ударность во второй строфе сопровождается обилием мужских антидиерезных словоразделов. В третьей строфе по контрасту нагнетаются женские словоразделы, а в четвертой строфе две полноударные стопобойные строки эффектно контрастируют с финальной строкой с двумя пиррихиями:

Час заутрени пасхальной,	X xXxx xXx	IV
Звон далекий, звон печальный,	X xXx X xXx	I
Глухота и чернота.	xxX xxxX	VI
Только ветер гость нахальный,	Xx Xx X xX	I
Потрясает ворота.	xxXx xxX	VI

За окном черно и пусто,	xxX xX xXx	II
Ночь полна шагов и хруста,	X xX xX xXx	I
Там река ломает лед,	X xX xXx X	I
Там меня невеста ждет...	X xX xXx X	I

Как мне скинуть злую дрему,	Xx Xx Xx Xx	I
Как мне гостя отогнать?	Xx Xx xxX	IV
Как мне милую — чужому,	Xx Xxx xXx	IV
Проклятому не отдать?	xxXx xxX	VI

Как не бросить всё на свете,	X xXx X xXx	I
Не отчаяться во всем,	xxXxx xX	VI
Если в гости ходит ветер,	Xx Xx Xx Xx	I
Только дикий черный ветер,	Xx Xx Xx Xx	I
Сотрясающий мой дом?	xxXxx xX	VI

Есть и пример, где стопобойность в мужском стихе служит для ритмического выделения строки («В тихий вечер мы встречались...», 1910):

В тихий вечер мы встречались	Xx Xx X xXx	I
(Сердце помнит эти сны).	Xx Xx Xx X	I
Дерева едва венчались	xxX xX xXx	II
Первой зеленью весны.	Xx Xxx xX	IV

Примеры показывают, что и высокая ударность, и диерезный ритм используются в оригинальных хорях Блока, однако степень совокупной концентрации этих двух ритмических черт в переводе

из Гейне выше. Объяснение этого обстоятельства — в попытке переводчика скопировать структуру немецкого оригинала, для которого в равной степени характерна чеканность стоп и высокая ударность:

In mein gar zu dunkles Leben	XxX xXx Xx
Strahlte einst ein süßes Bild;	Xx X xXx X
Nun das süße Bild erblichen,	X xXx X xXx
Bin ich gänzlich nachtumhüllt.	Xx Xx xxX
Wenn die Kinder sind im Dunkeln,	X xXx X xXx
Wird beklommen ihr Gemüth,	X xXx X xX
Und um ihre Angst zu bannen,	Xx Xx X xXx
Singen sie ein lautes Lied.	Xx X xXx X
Ich, ein tolles Kind, ich singe	X xXx X xXx
Jetzo in der Dunkelheit;	Xx xxXxX
Ist das Lied auch nicht ergötzlich,	X xX xX xXx
Hat's mich doch von Angst befreit.	Xx X xX xX

В более поздних 4-стопнохореических переводах из Гейне, выполненных Блоком в 1921 году, уже не обнаруживается подобной подчиненности перевода звучанию немецких подлинников, хотя и в них можно заметить попытку передать некоторые особенности оригинальных модуляций.

3. Заключение

Для предположения факта ритмического влияния необходимо не только выявить комплекс исторических, семантических и ритмических факторов, поддерживающих гипотезу о его присутствии в тексте, но и установить связанность этих факторов между собой. Особенно это важно, когда мы судим о небольших стихотворных фрагментах или фрагментах с сильной ритмической поляризацией. В случае межъязыковых сопоставлений необходимо учитывать и тот факт, что сходство отдельных ритмических тенденций может полностью объясняться независимыми языковыми факторами.

Предположение о влиянии не может основываться на сравнении усредненных данных: во внимание должна приниматься конкретная ритмическая композиция. Кроме того, необходимо показать уникальность выявленного ритмического феномена на фоне иных текстов автора, написанных тем же размером. Если эти условия не выполнены, влияние может предполагаться лишь с большой осторожностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беглов А.Л.* Иосиф Бродский: монотония поэтической речи (на материале 4-стопного ямба) // *Philologica*. 1996. Т. 3. № 5–7. С. 109–123.
2. *Белоусова А.С.* А.С. Пушкин и Г.К. Уайт: новонайденные источники «В начале жизни школу помню я...» и «Пира во время чумы» // *Русская литература*. 2022. № 3. С. 9–26.
3. *Белый А.* Символизм: Книга статей. М., 1910.
4. *Ляпин С.Е.* О воздействии синтаксиса на ритм стиха (на примере полноударного 4-стопного хорея пушкинских сказок) // *Philologica*. 1995. Т. 2. № 3/4. С. 115–122.
5. *Ляпин С.Е.* О распределении слов в стихотворной строке // *Славянский стих: Стихovedение, лингвистика и поэтика* / Под ред. М.Л. Гаспарова, Т.В. Скулачевой. М., 1996. С. 24–33.
6. *Ляпин С.Е., Флоринская (Ляпина) М.С.* Русский четырёхстопный хорей: ритм — язык — проблема типологии // *Труды института русского языка им. В.В. Виноградова*. 2017. № 11. С. 63–76.
7. *Полилова В.С., Пильщиков И.А., Белоусова А.С.* Сравнительное стихovedение в России и за рубежом // *Вопросы языкознания*. 2022. № 2. С. 125–150.
8. *Рассадин С.Б.* Драматург Пушкин: Поэтика. Идеи. Эволюция. М., 1977.
9. *Тарановски К.* Руски дводелни ритмови. Београд, 1953.
10. *Тарановский К.Ф.* Русские двусложные размеры; Статьи о стихе / Под ред. В. Тарановской-Джонсон, Дж. Бейли и А.В. Прохорова; пер. с серб. В.В. Сонькина. М., 2010.
11. *Хворостьянова Е.В.* Драматический стих Пушкина // *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.:* в 20 т. Т. 7. СПб., 2009. С. 540–563.
12. *Шанир М.И.* Universum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII–XX веков. Кн. 1. М., 2000.
13. *Bailey J.* Blok and Heine: An Episode from the History of Russian dol'niki // *The Slavic and East European Journal*. 1969. Vol. 13. № 1. P. 1–22.
14. *Bailey J.* The Russian Linguistic-Statistical Method for Studying Poetic Rhythm: A Review Article // *The Slavic and East European Journal*. 1979. Vol. 23. № 2. P. 251–261.
15. *Dobritsyn A.* Rhythmic entropy as a measure of rhythmic diversity (The example of the Russian iambic tetrameter) // *Studia Metrica et Poetica*. 2016. Vol. 3. № 1. P. 33–52.
16. *Liapin S.* The Russian iambic tetrameter: The problem of description (Prolegomena to a new paradigm) // *Studia Metrica et Poetica*. 2016. Vol. 3. № 2. P. 99–127.
17. *Liapin S.* Russian Iambic Tetrameter: The Evolution of Its Rhythmic Structure // *Studia Metrica et Poetica*. 2020. Vol. 7. № 2. P. 7–22.

REFERENCES

1. Beglov A.L. Iosif Brodskij: monotonija poetičeskoj reči (na materiale 4-stopnogo jamba) [Joseph Brodsky: the monotony of poetic speech (based on the material of his iambic tetrameters)]. *Philologica*, 1996, 3, 5–7, pp. 109–123. (In Russ.)
2. Belousova A.S. A.S. Pushkin i H.K. White: novonajdennye istochniki «V nachale zhizni shkolu pomnju ja...» i «Pira vo vremja chumy» [A.S. Pushkin and H.K. White: the newly found sources of «V nachale zhizni shkolu pomniu ia...» and «Pir vo vremia chumy»]. *Russkaja literatura* [Russkaya Literatura], 2022, 3, pp. 9–26. (In Russ.) doi: 10.31860/0131-6095-2022-3-9-26.
3. Belyj A. Simvolizm: Kniga statej [Symbolism: A book of essays]. Moscow, *Musaget Publ*, 1910. 638 p.

4. Liapin S.E. O vozdejstvii sintaksisa na ritm stiha (na primere polnoudarnogo 4-stopnogo horeja pushkinskih skazok) [The problem of the influence of syntax on the rhythm of verse (using the example of fully stressed trochaic tetrameters of Pushkin's verse tales)]. *Philologica*, 1995, 2, 3/4, pp. 115–122. (In Russ.)
5. Liapin S.E. O raspredelenii slov v stihotvornoj stroke [On the distribution of words in a verse line]. *Slavjanskij stih: Stihovedenie, lingvistika i pojetika* [Slavic verse: Verse study, linguistics and poetics]. Moscow, *Nauka Publ*, 1996. 254 p.
6. Liapin S.E., Florinskaja (Liapina) M.S. Russkij chetyrjohstopnyj horej: ritm — jazyk — problema tipologii [The Russian trochaic tetrameter: rhythm — language — problem of typology]. *Trudy instituta ruskogo jazyka im. V.V. Vinogradova* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute], 2017, 11, pp. 63–76. (In Russ.)
7. Polilova V.S., Pilshchikov I.A., Belousova A.S. Sravnitel'noe stihovedenie v Rossii i za rubezhom [Comparative verse studies in Russia and globally]. *Voprosy jazykoznanija* [Voprosy Jazykoznanija], 2022, 2, pp. 125–150. (In Russ.) doi: 10.31857/0373-658X.2022.2.125-150.
8. Rassadin S.B. *Dramaturg Pushkin: Pojetika. Idei. Jevoljucija* [The playwright Pushkin: poetics, ideas, evolution]. Moscow, *Iskusstvo Publ*, 1977. 362 p.
9. Taranovsky K. *Ruski dvodelni ritmovi* [Russian Binary Meters]. Belgrade, *Naučna knjiga Publ*, 1953. 376 p.
10. Taranovsky K.F. *Russkie dvuslozhnye razmery; Stat' i o stihe* [Russian Binary Meters; Essays on verse]. Moscow, *Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ*, 2010. 552 p.
11. Hvorost'janova E.V. Dramaticheskij stih Pushkina [Pushkin's dramatic verse]. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: v 20 t. T. 7. Saint Petersburg, *Nauka Publ*, 2009, pp. 540–563.
12. Shapir M.I. *Universum versus: Jazyk — stih — smysl v ruskoj poezii XVIII–XX vekov* [Universum versus: Language — Verse — Meaning in Russian Poetry of the Eighteenth, Nineteenth and Twentieth Centuries]. Book. 1. Moscow, *Jazyki ruskoj kul'tury Publ*, 2000. 536 p.
13. Bailey J. Blok and Heine: An Episode from the History of Russian dol'niki. *The Slavic and East European Journal*, 1969, 13, 1, pp. 1–22.
14. Bailey J. The Russian Linguistic-Statistical Method for Studying Poetic Rhythm: A Review Article. *The Slavic and East European Journal*, 1979, 23, 2, pp. 251–261.
15. Dobritsyn A. Rhythmic entropy as a measure of rhythmic diversity (The example of the Russian iambic tetrameter). *Studia Metrica et Poetica*, 2016, 3, 1, pp. 33–52. doi: 10.12697/smp.2016.3.1.02.
16. Liapin S. The Russian iambic tetrameter: The problem of description (Prolegomena to a new paradigm). *Studia Metrica et Poetica*, 2016, 3, 2, pp. 99–127. doi: 10.12697/smp.2016.3.2.04.
17. Liapin S. Russian Iambic Tetrameter: The Evolution of Its Rhythmic Structure. *Studia Metrica et Poetica*, 2020, 7, 2, pp. 7–22. doi: 10.12697/smp.2020.7.2.01.

Поступила в редакцию 20.02.2023
 Принята к публикации 15.04.2023
 Отредактирована 10.05.2023

Received 20.02.2023
 Accepted 15.04.2023
 Revised 10.05.2023

ОБ АВТОРАХ

Полилова Вера Сергеевна — старший научный сотрудник Института мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова; vera.polilova@gmail.com

Белусова Анастасия Сергеевна — младший научный сотрудник Института мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова; ассистент-профессор департамента литературы Национального университета Колумбии; nastassja.belousova@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Vera Polilova — PhD, Senior Research Fellow, Institute of World Culture, Lomonosov Moscow State University; vera.polilova@gmail.com

Anastasia Belousova — PhD, Junior Researcher, Institute of World Culture, Lomonosov Moscow State University; Assistant Professor, Department of Literature, Universidad Nacional de Colombia; nastassja.belousova@gmail.com

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ЖЕНСКОГО СОЗНАНИЯ В РОМАНЕ ДИНЫ РУБИНОЙ «СИНДРОМ ПЕТРУШКИ»

Ли Ли, Чжан Лися

*Северо-Западный педагогический университет, Ланьчжоу, Китай;
13893163566@163.com; 1432289102@qq.com*

Аннотация: Исследователи романа Дины Рубиной «Синдром Петрушки» чаще всего обращают внимание на мотивы кукольности и двойничества. Однако содержание этого произведения намного шире. Лингвокультурологическая теория В.В. Воробьёва помогает проанализировать сферу концептов женского сознания, которые представлены в этом романе. Взаимосвязь, взаимовлияние и взаимодействие концептов «материнство», «любовь», «мораль», «патриархальные представления» и «убеждения» позволяют на глубинном уровне проанализировать сознание женщин, воспроизведенное писательницей, а также четко обрисовать особенности женских персонажей. Все это дает совершенно новую точку зрения на уже хорошо исследованное произведение. Проведенная работа позволила выяснить, что лингвокультурологическое поле женского сознания в этом романе образуют культурные концепты «материнство», «любовь» и «мораль». В художественной картине мира Рубиной эти концепты взаимосвязаны и взаимозависимы, они складываются в общее представление о мире женской культуры. В статье обсуждаются также патриархальные представления и убеждения, находящиеся на периферии лингвокультурологического поля романа Рубиной.

Ключевые слова: женское сознание; патриархат, лингвокультурологическое поле; культурная концепция; характеристики женских персонажей

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-15

Для цитирования: Ли Ли, Чжан Лися. Лингвокультурологическое поле женского сознания в романе Дины Рубиной «Синдром Петрушки» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 4. С. 172–184.

LINGUOCULTUROLOGICAL FIELD OF FEMALE CONSCIOUSNESS IN DINA RUBINA'S NOVEL PUNCH SYNDROME

Li Li, Zhang Lixia

*Northwest Normal University, Lanzhou, China;
13893163566@163.com; 1432289102@qq.com*

Researchers of Dina Rubina's novel *Punch Syndrome* most often pay attention to the motives of puppetry and duality. However, the content of this work is much broader. The linguocultural theory of V.V. Vorobyov helps to analyze female consciousness concept sphere, which is most important for this novel. The interrelation, mutual influence and interaction of 'motherhood', 'love', 'morality', 'patriarchal ideas' and 'beliefs' concepts allow us to analyze the consciousness of women reproduced by the writer at a deep level, as well as to outline clearly the features of female characters. All this offers a completely new point of view on an already well-researched work. Conducted research made it possible to find out that the linguistic and cultural field of female consciousness in this novel is formed by the cultural concepts of 'motherhood', 'love' and 'morality'. They connect into the central structure of this field. In Dina Rubina's worldview these concepts are interrelated and interdependent, they form a general idea of women's culture. Patriarchal ideas and beliefs remain on the periphery, and that is also taken into consideration.

Keywords: female consciousness; linguistic and cultural field; cultural concept; characteristics of female characters

For citation: Li Li, Zhang Lixia (2023). Linguoculturological Field of Female Consciousness in Dina Rubina's Novel *Punch Syndrome*. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 172–184.

Творчество Дины Рубиной представляет значительное явление в современной русскоязычной литературе. Ее произведения посвящены актуальным темам, в них поставлены важные проблемы и затронуты непростые мировоззренческие вопросы. И многие из них сходятся в романе «Синдром Петрушки» [Рубина 2022]. Это заключительная часть трилогии «Люди воздуха», в которую входят романы «Почерк Леонардо» и «Белая голубка Кордовы». Вся трилогия сосредоточена на таинственных причинах, которые стоят за внешне понятными событиями и явлениями. Писательница исследует тайны бытия и показывает глубинную подоплеку происходящего. Но при этом в итоге тайна все равно остается тайной, загадку должен разрешить каждый читатель самостоятельно.

Из всей трилогии роман «Синдром Петрушки» выделяется своей сложностью и многоплановостью. Здесь есть и экзистенциальные вопросы, и мотивы оборотничества, и отсылки к трагической истории XX века, и проблемы культурного взаимодействия различных национальностей. Не удивительно, что такое глубокое произведение вызвало большой интерес у исследователей современной литературы. Следует особо отметить, что первые работы о творчестве Дины Рубиной появились еще в середине 1990-х гг. Литературоведы изучают проблематику ее творчества, занимаются анализом культурной символики ее текстов и художественных приемов.

Например, Ю.М. Павлов изучает ее творчество в контексте русской и русскоязычной литературы. Исследователя интересует на-

циональная идентификация и ее проявление в произведениях писательницы. По его мнению, Дина Рубина является не русским автором, а именно русскоязычным, и это обнаруживается в особенностях ее гуманизма, юмора, восприятия чуждого, философии поведения и т. д. [Павлов 2012]. Мультикультурализму в творчестве Рубиной и ее работе с элементами той или иной культуры посвящены многочисленные исследования Т.Н. Бреевой и Д.Д. Зиятдиновой. Одну из ключевых тем Рубиной — образы мудрецов и праведников — исследует Ю.А. Клочкова. Мотивы двойничества в трилогии «Люди воздуха» описаны в работах Т.С. Злотниковой и М.А. Соболевой. И это только малая часть исследований творчества писательницы.

Довольно много работ посвящено именно роману «Синдром Петрушки». В.Ю. Пановица обращает внимание на его метафорический уровень. Исследовательница проанализировала структуру романа и выявила основную метафорическую модель — «Мир — это театр кукол» [Пановица 2013], описав, как она реализуется в тексте. В статье «Роль обратимых метафорических моделей в романе Д. Рубиной “Синдром Петрушки”» этого же автора исследован лингвокогнитивный механизм выражения идеи двойничества и выявлены сферы метафорического моделирования [Пановица 2013]. Эти работы показывают важность применения методов лингвистики при изучении произведений Рубиной.

Многие исследователи обращаются к теме двойников и кукол в этом романе. Е.В. Зарубина рассматривает, как введение двойников помогает создать иную реальность. Особое внимание она обращает на образы кукольника Петра и его жены Лизы [Зарубина 2019]. Ю.В. Несынова использовала мотив кукольности для анализа разных уровней произведения — концептуального, композиционного, сюжетного, образного, выявила типологию образов кукол и кукольников, что позволило определить кукольность в качестве образно-смыслового ядра романа [Несынова 2015].

А.М. Бабаева и Ш.А. Мазанаев увидели в «Синдроме Петрушки» роман-метафору и проанализировали его как типичный пример жанра. Процесс метафоризации, по мнению исследователей, реализуется не только в композиции, но и на лексическом уровне. Особенно важен мотив двоящейся реальности, благодаря которому Рубиной удается создать двойное художественное пространство. Каждая из реальностей имеет свои топосы и четкую детализацию. Авторы выделяют следующие метафорические модели в структуре «Синдрома Петрушки»: «жизнь-театр», «театр-жизнь», «люди-куклы», «куклы-люди», «кукольник-творец», «творец-кукловод» [Мазанаев, Бабаева 2018].

Инфантильность как важнейшее свойство обнаружила у героев романа Н.М. Солнцева: «Гениальная инфантильность, воплотивша-

яся в творческой одержимости, пронзительная восприимчивость в общении с куклами составляют», если следовать теории К. Юнга, «сознательное и бессознательное героя, его самость» [Солнцева 2017: 26]. Но если Лизе, жене Петра, убившей свое подобие, куклу Эллис, и решившей родить ребенка, удастся эту инфантильность преодолеть, то героиня самозабвенно танцует на Карловом мосту в Праге, будто воспроизводит свои прежние танцы с куклой-партнершей.

С некоторых пор интерес к творчеству писательницы возник и в Китае. На китайский язык переведены и опубликованы два романа и шесть рассказов Рубиной. В 2020 году вышло подробное интервью, в котором она рассказала о своем творческом пути и ответила на вопросы китайских читателей [Ma Лян 2020]. Литературовед Чэнь Фан провел комплексное исследование творчества Дины Рубиной, системно описав биографию и обозначив вехи творческого пути [Чэнь Фан 2017]. Ли Нуань проанализировал отражение израильской культуры в произведениях писательницы [Ли Нуань 2019]. Как видим, усиливающийся интерес делает актуальным дальнейшее изучение произведений Рубиной в контексте международных исследований.

Как показывают многочисленные работы, романы Рубиной опираются в первую очередь на европейскую традицию. Использованные ею образы и метафоры работают совершенно по-другому в культурном пространстве Китая с его иным литературным опытом. Поэтому имеет смысл для наилучшего понимания художественной картины мира писательницы использовать лингвокультурологическую теорию В.В. Воробьева и понятие лингвокультурологического поля, которые получили распространение в России и очень популярны в Китае. Эта теория помогает установить связи между культурными дефинициями и их языковыми обозначениями, что особенно важно при воплощении в художественном произведении мультикультурной тематики.

В.В. Воробьев описывает понятие поля как совокупность лингвокультурем. Эти схожие культурные фрагменты составляют органичное целое, в котором можно выделить ядро, центр и периферию [Воробьев 1991]. В основном, правда, исследователи пока занимаются изучением отдельных слов. Но есть и работы, анализирующие лингвокультурологическое поле литературного произведения.

Китайские ученые Пэн Вэньчао, Лю Хун, Сюй Гаоюй и др. исследовали различные аспекты понятия лингвокультурологического поля, подробно описали его структуру [Пэн Вэньчао 2006] и определили различия между лингвокультуремой и логоэпистемой, предположив, что первая способна существовать лишь в иерархической системе [Лю Хун 2018]. Кроме того, была обобщена и систематизи-

рована информация, лежащая в основе теории национальной личности Воробьёва [Сюй Гаоюй 2001]. На плодотворность применения этой теории к произведениям женщин-авторов также было обращено внимание [Чжан Цзяньхуа 2006]. Посредством анализа лингвокультурем можно определить языковые значения, культурную ценность и функции организации текста, которые являются показательными для женского литературного творчества [Лю Хуан 2018].

Анализ женского сознания с точки зрения лингвокультурологического поля позволяет раскрыть эмоциональное содержание образов и особенности характеров героев «Синдрома Петрушки». Анализ сознания героинь этого романа существенен для понимания художественного мира Рубиной и особенно для их интерпретации с точки зрения основных ценностей китайской культуры. Связи между лингвокультурами дают возможность не только сформировать представление о глубинных значениях различных культурных моделей, но также выявить основные параметры стоящей за ними национальной культуры и сравнить таким образом наполнение этих понятий в восприятии русских и китайских читателей.

Комплекс ключевых лингвокультурем охватывает основные понятия и реалии, а также синонимичные и антонимичные отношения. Периферийная структура образуется из лингвокультурем, находящихся на пересечении различных элементов содержания или на границах двух разных лингвокультурологических полей. Взяв в качестве ядра женское сознание, в качестве центральной структуры — концепты «материнство», «любовь» и «мораль», а в качестве периферии — патриархальные представления и убеждения, можно выстроить лингвокультурологическое поле романа.

Важнейшим из концептов, безусловно, является материнство, о котором пойдет речь ниже. Обращение к нему поможет исследовать поликультурную тематику романа, раскрыть образы женских персонажей (а по сходству или контрасту и мужские), проанализировать их характеры. В целом эта методика позволяет достаточно полно реконструировать художественную картину мира Рубиной с точки зрения восприятия ее основных параметров в сфере китайской культуры.

Концепт материнства включает материнский инстинкт, т. е. безусловную любовь к детям, а также присущую большинству женщин способность по-матерински защищать и любить людей или даже некоторые вещи. Это понятие в первую очередь ассоциируется с матерью, которая тепло относится к детям, на протяжении жизни поддерживает их, не может справиться с горем в случае утраты ребенка. Очевидно, материнское сознание — это одно из основных проявлений женской субъективности.

И в «Синдроме Петрушки» Рубина понимает материнство именно таким образом — прежде всего как любовь и защиту. С тех пор как мать Пети, Катя, вышла замуж за Ромку, в ее жизни остались только повседневные заботы. Отношения с мужем, которого интересовали лишь спиртное, женщины и бильярд, у нее не сложились. Зато она беззаветно любит сына, забота о нем стала целью и смыслом ее жизни. Петя плохо учился, он замкнут, нелюдим, не идет на контакт. Отсутствие реакции на задаваемые вопросы и упорное молчание вызвали у учительницы сомнение в психическом здоровье ребенка, и она посоветовала показать Петю психологу. Катя заступилась за сына и решительно отвергла это предложение.

Она нашла способ сгладить противоречия, потому что хорошо знала свое дитя. Петя мог нормально общаться, если в его руке был кусок пластилина, из которого он все время старался что-то вылепить. Материнские любовь и внимание помогли мальчику: «Петина учеба если и не выправилась так, как о том Кате мечталось, то все же постепенно пошла на лад — во всяком случае, ужасные разговоры о спецшколе для дураков больше не возобновлялись» (с. 106). Подобная забота о ребенке и вера в него исходят из материнского инстинкта. Хотя по своему характеру Катя слабая женщина, однако она готова противостоять другим, если нужно защитить сына. В этом проявляется ее материнское чувство.

Также концепт «материнство» означает у Рубиной поддержку и преданность. Бася дарит искреннюю любовь и заботу неродной дочери Кате и внуку Пете. Эта простая, очень добрая и не очень умная женщина с ангельским сердцем воплощает идеал материнства. Бася готова отдать детям буквально все, она полна нежности и любви к внуку. Внук ее умиляет: «Какой милый, не глупый, не заносчивый... какой послушный ребенок» (с. 148). Когда Петя первый раз прилетел в Львов на летние каникулы, Бася приехала заранее и даже заночевала в аэропорту. Она постоянно о нем заботится и переживает за его эмоциональное состояние.

Концепт «материнство» подразумевает самопожертвование. В годы войны Бася под угрозой собственной жизни в тайнике, устроенном в тележке прачки, перевозила еврейских детей из гетто в безопасную зону. Она вышла замуж за отца Кати и заботилась о неродной дочери даже больше, чем в свое время биологическая мать, а потом еще сильнее полюбила внука Петю. И даже на смертном одре она думает только о благополучии внука и старается не быть ему в тягость. Можно сказать, Бася посвятила жизнь детям, полностью забыв о самой себе, что также в полной мере коррелирует с концептом «материнство».

Второй важный концепт лингвокультурологического поля в романе — любовь. Сложно определить содержание этого понятия. У слова «любовь» много разных значений, которые проявляются в зависимости от контекста. В «Словаре русской культуры» академika Ю.С. Степанова такие понятия, как «любовь», «вера», «радость», «София», «разум» и другие, используются для раскрытия национальных духовных особенностей и языковой картины мира русской культуры [Лю Хун 2017]. В «Синдроме Петрушки» Рубина на примере истории главной героини показывает любовь мужчины и женщины как полноценное и постоянно развивающееся взаимное чувство. Эта прекрасная вдохновляющая сила помогает преодолеть трудности жизни, обогащает внутренний мир человека, дарит ему неповторимый эмоциональный опыт и способствует развитию творческого потенциала.

Писательница показывает это чувство как род высокого безумия. Лиза теряет рассудок и чуть ли не сходит с ума, когда ей начинает казаться, что это чувство переносится на куклу Эллис — точную копию самой Лизы. Для Лизы с самого детства в Пете заключен весь мир. Каждое расставание с объектом любви порождало у нее тоску, каждый день разлуки приравнивался ею к трем годам. При встрече с Петром она не удерживалась от того, чтобы броситься ему в объятия. Так проявлялась горячность ее чувства. Все начинает меняться после смерти ребенка и появления Эллис. Но несмотря на все ссоры и разногласия, героиня постоянно думает о Пете и только в нем видит реализацию своих представлений о счастье. Друг Пети Борис, который помогает Лизе прийти в себя, увлечен ее очарованием и однажды пытается за ней поухаживать: «Она не дернулась, не сбросила моей руки, не рассердилась; только обернулась и спокойно проговорила, глядя мне прямо в глаза: “Безнадежно, Боря. Я уже пыталась... Он сделал меня только для себя одного”» (с. 221).

При этом Рубина демонстрирует, что любовь может быть в чем-то даже и эгоистичной. После смерти ребенка Лиза много времени проводит в психиатрической клинике. Она скучает по Пете, но не интересуется тем, что с ним происходит. Лиза постоянно пишет ему мучительные обвиняющие письма и требует расставания. После ее выздоровления ситуация меняется. Нестабильность делает отношения героев напряженными и только усиливает их стремление друг к другу. В этом заключается сила любви: пока любовь существует, будут найдены пути для преодоления разногласий, разрешатся все обиды. Как видим, Рубина находит особые краски для характеристики женского чувства, не скрывая непоследовательности, противоречивости, порою злого кокетства, сосредоточенности на себе. Таким образом она показывает своеобразие внутреннего

мира поглощенной любовью женщины, ее стремление обратить на себя внимание возлюбленного, стать для него центром мира.

Любовь Пети — это с самого начала любовь взрослого человека, хотя когда он впервые увидел Лизу, ему было девять лет, а ей меньше года. Эта любовь более сдержанная и направленная на неизменную поддержку любимой женщины. Петя наблюдает весь процесс взросления Лизы. Он помнит ее еще младенцем, потом она становится тонкой, изящной девушкой. Все это время Петя использует любую возможность быть рядом с ней. Наконец он женится на Лизе, и у них рождается ребенок. Но Петя по-прежнему относится к ней как к маленькой. Он дарит ей тепло, заботу и любовь, в его чувстве даже есть что-то отцовское. Постепенно он заполняет собою всю жизнь Лизы. Она более не может без него обходиться.

Рубина не дает своей, авторской оценки такой всепоглощающей любви, однако постоянно демонстрирует ее силу и таинственную предопределенность, словно герои были предназначены друг для друга задолго до рождения. Вот что говорит о них Борис, один из героев-рассказчиков: «Они были похожи на детей, что пережили оспу, выжили, но навсегда остались с изрытыми лицами. Эти двое стали жертвой особо свирепого вида любви: страстной, единоличной, единственной; остались в живых, но уже навсегда были мечены неумолимо жестокой любовью» (с. 321).

Третий, не менее важный концепт — мораль. Он способен отражать национальные нравственные представления, а также характеризовать под определенным углом мировоззрение и систему ценностей национальной культуры. Моральные установки женских персонажей позволяют судить о нравственных ценностях самого автора, а также дают представление о характере морали в составе культурного сознания персонажей. В романе можно выделить три моральные категории: самопожертвование, сострадание и спасение других ценой собственной жизни, что подразумевает ответственность за судьбу другого человека. Как видим, частично содержание концепта «мораль» пересекается с концептом «материнство».

Первая категория — самопожертвование. Кроме образа Баси, неродной бабки Пети, о которой уже шла речь выше, здесь еще можно отметить Яну — мать Лизы. Эта женщина абсолютно лишена самостоятельности и независимости характера. Вместе с сестрой они в раннем возрасте осиротели, воспитывала их сначала бабушка, а потом дядя Тадеуш Вильковский. За этого дядю, игрока и мота, Яна выходит замуж и рождает от него дочь. Однажды Вильковский проигрывает в карты все их имущество, и Яна вынуждена жертвовать собой, чтобы спасти семью от разорения. Она всю жизнь помогает мужу. А когда обнаруживается, что от него беременна ее

младшая сестра, Яна лишает себя жизни ради защиты своего мужа и семьи: «В глазах ее — смерть, в губах ее — смерть, на лбу ее — смерть...» (с. 249). Эта жертва доказывает самоотверженность слабой женщины, преодолевающей моральные препятствия ради благополучия своих близких.

Вторая категория — сострадание и спасение других — лучше всего раскрывается в образе прачки Баси, второй жены Петинного деда. Бася не может видеть, как невинные дети становятся жертвами. Она многократно рискует собственной жизнью во время войны, чтобы вывезти из опасной зоны еврейских детей. Об этом Петя рассказывает в письме Борису: «Единственный человек, которому она открылась, был мой дед; тот смастерил ей такую хитрую тачку на колесах, якобы для перевозки белья. Под днищем этой тачки было еще одно дно, где мог спрятаться ребенок. Такой вот ящик Пандоры, тележка фокусника. В нем Бася и вывозила еврейских детей из гетто» (с. 352). Благородство, добродетель и одаренность умением любить — ее врожденные качества. Эту героиню можно назвать ангелом или святой, посвящающей свою жизнь другим людям.

Третья категория — ответственность. Она порой проявляется в поведении Пети и особенно его матери Кати, которая всю жизнь выполняла свой долг. Ее муж Ромка — бездельник, любящий только развлечения. Катя же совмещает три ипостаси: жены, матери и педагога. Она берет на себя ответственность за семью. При этом показана и ее общественная деятельность: Катя любит работу учительницы, стремится развивать творческие способности своих маленьких учеников, постоянно ищет новые методы работы. Но и сын не остается обделенным любовью матери, она заботится о нем, уважает его интересы. Именно она поддержала Петю в выборе жизненного пути, когда он решил стать актером-кукольником.

Итак, центральная структура лингвокультурологического поля состоит из концептов «материнство», «любовь», «мораль». Ядром, конечно же, становится концепт материнства, включающий такие лингвокультуремы, как любовь и забота, любовь к ребенку, поддержка, самоотверженность, самопожертвование и т. д. Этот концепт глубоко укоренен как в русской, так и в мировой культуре и является одним из основополагающих для женского сознания. Это вполне отражено и в лексическом составе русского языка. И для художественного мира Рубиной этот концепт стал основным. Но материнство в романе, как видим, показано с разных сторон. Так, Лиза демонстрирует отношение к любви и материнству на новом историческом этапе, когда женщины начали уделять больше внимания своим чувствам и личной независимости. Она является современной женщиной, но в то же время наследует и многовековым

традициям в этой сфере. Дополнительный анализ таких лингвокультурем, как самопожертвование, самоотверженность, сострадание и ответственность, показывает, что семантический смысл категории любви в какой-то степени остается прежним, приближаясь в некоторых своих характеристиках к концепту материнства.

Но в этом романе существует еще и периферийная структура лингвокультурологического поля. И очень важно понять, что его наполняет. Одним из значимых концептов становится патриархат, который в полной мере проявляется в поведении героев-мужчин. Стоит напомнить, что на протяжении долгого времени положение мужчины было несравнимо выше статуса женщины. Женщины подчинялись этому гендерному порядку, и связанные с ними лингвокультуры всегда находились на периферии культурного сознания. Анализ лексического состава фрагментов текста позволяет глубже осознать отраженные в романе патриархатные представления, а также увидеть дополнительные черты в характеристике женского сознания. В то же время глубоко укоренившиеся патриархатные представления проявляются в культурном контексте весьма сложно и скрытно [Чжай Шу 2010]. Чтобы не выходить за рамки этого исследования, укажем только на одного персонажа, в речи которого патриархатная властность бросается в глаза.

Помимо пьяницы Ромки, о котором говорилось выше, есть еще Тедди Вильковский. В языке и поведении обоих героев ярко проявляются особенности патриархатной культуры. И не удивительно, что один из проходных персонажей во время карточной игры говорит следующее: «О, нет, вы ошибаетесь, Вильковский. У вас есть капитал. У вас есть настоящее сокровище — ваша супруга. Ну так что, — “пишем козачка”? Боюсь, только это вас не спасет» (с. 245). Именно тогда Вильковский проиграл в карты свою жену, и Яне в очередной раз пришлось жертвовать собой. Очевидно, что патриархальная культура в определенной степени лишала женщин личной независимости, сковывала их дух, заставляя жить под давлением авторитета, под контролем, не давая выбора.

Также немаловажно уяснить и лингвокультуру «убеждения». Убеждения воплощают жизненные ценности людей, позволяют прояснить внутреннюю работу персонажей над собой, выявляют авторскую аксиологию. Убеждения входят в структуру мировоззрения, способны направлять мысли, определять поступки людей. В романе концепт «убеждения» находится по большей части на периферии лингвокультурологического поля женского сознания. Однако вопрос об основных убеждениях, которых придерживаются героини романа, прояснить все же можно. Например, когда Петя попросил бабушку Басю отвести его ночью на могилу, пожилая

женщина вздрогнула и перекрестилась. Так читатели узнают, что Бася религиозна, хотя этот жест можно рассмотреть и как часть бытового ритуала. Но думается все же, что именно сила веры позволяет ей быть достойным человеком с высокими моральными качествами — способностью сострадать и сопереживать.

Таким образом, многочисленные исследования темы кукол и двойничества в романе Рубиной «Синдром Петрушки» дополняет анализ этого произведения со стороны основных категорий женского сознания. Напомним, что в качестве методологической основы была выбрана лингвокультурологическая теория В.В. Воробьева. Проведенная работа позволила выяснить, что лингвокультурологическое поле женского сознания в этом романе образуют культурные концепты «материнство», «любовь» и «мораль». Они входят в центральную структуру этого поля. В художественной картине мира Рубиной эти концепты взаимосвязаны и взаимозависимы, они складываются в общее представление о мире женской культуры. В периферийной структуре показаны патриархатные представления и убеждения. Они, с одной стороны, отражают положение женщин в обществе, становясь порой исходной точкой для пробуждения женского сознания. С другой стороны, в глубине своего сознания русские женщины сохраняют истинные ценности милосердия и любви. Можно сделать вывод, что внутренним ядром лингвокультурологического поля в указанном романе стало женское сознание, объединившее различные культурные концепты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Воробьев В.В.* К понятию поля в лингвокультурологии (Общие принципы) // Русский язык за рубежом. 1991. С. 101–105.
2. *Зарубина Е.В.* Кукольность как мотив двойничества в романе Дины Рубиной «Синдром Петрушки» // Наука, образование и культура. 2019. № 5 (49). С. 45–47.
3. *Ли Нуань.* Три вида выражения воспоминаний в русскоязычной литературе в Израиле. Пекинский университет иностранных языков, 2019.
4. *Лю Хун, Цао Хуэйлинь.* Женский ум: анализ лингвокультурологического поля в картине мира искусства: на примере романа «Медея и ее дети» Людмилы Улицкой // Русская литература и искусство. 2017. № 4. С. 96–104.
5. *Лю Хун.* Лингвокультура русского языка и межкультурная коммуникация. Пекин, 2018.
6. *Ма Лян.* Я победила жизнь и, наконец, написала ее: интервью с русскоязычной писательницей Израиля Диной Рубиной // Современная иностранная литература. 2020. № 41 (03). С. 160–166.
7. *Мазанцев Ш.А., Бабаева А.М.* «Синдром Петрушки» Дины Рубиной как роман-метафора // Вестник Дагестанского университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2018. Т. 33. Вып. 1. С. 45–50.
8. *Несынова Ю.В.* Мотив кукольности в романе Д. Рубиной «Синдром Петрушки» // Филологический класс. 2015. № 2 (40). С. 75–81.
9. *Павлов Ю.М.* Дина Рубина как русскоязычный писатель // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2012. № 3–4 (55–56). С. 46–50.

10. Пановица В.Ю. Метафорическая модель «жизнь — это театр кукол» в романе Дины Рубиной «Синдром Петрушки» // Вестник науки Сибири. 2013. № 1 (7). С. 258–260.
11. Пановица В.Ю. Роль обратимых метафорических моделей в романе Д. Рубиной «Синдром Петрушки» // Вестник науки Сибири. 2013. № 2 (8). С. 155–160.
12. Пэн Вэньчжао, Чжао Лян. Лингвокультурология. Шанхай, 2006.
13. Рубина Д. Синдром Петрушки. М., 2022.
14. Солнцева Н.М. Репутация куклы. М., 2017.
15. Сюй Гаюй. Новое развитие лингвокультурологических исследований в России: базовое исследование лингвокультурологической теории В.В. Воробьева // Обучение русскому языку в Китае. 2001. № 3. С. 20–25.
16. Тарасова О.Д. Анализ лингвокультурологического поля «эмоции» в сопоставительном аспекте (на материале английского и русского языков). Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГОУ, 2009.
17. Чжай Шу. Действительно ли мы можем освободиться от культурного центризма патриархата? Значение патриархального общества с позиций женской литературы и культурного феномена // Литература Аньхой. 2010. № 9. С. 252–253.
18. Чжан Цзяньхуа. «Культурный поиск матери» в русской национальной истории: женская речь в романе «Медея и ее дети» Людмилы Улицкой // Иностранная литература, 2006. № 5. С. 54–61.
19. Чэнь Фан. Д. Рубина: русскоязычная писательница Израиля // Мировая литература. 2017. № 4. С. 115–123.

REFERENCES

1. Vorobyev V.V. K ponjatiju polja v lingvokulturologii [On the concept of the field in linguoculturology (General principles)]. *Russian language abroad*. 1991, pp. 101–105. (In Russ.)
2. Zarubina E.V. Kukul'nost' kak motiv dvojnichestva v romane Diny Rubinoj «Sindrom Petrushki» [Puppetry as a motive of duality in Dina Rubina's novel "Petrushka Syndrome"]. *Science, Education and Culture*. 2019. N. 5 (49), pp. 45–47. (In Russ.)
3. Li Nuan. *Three Discourses of Memory in Israeli Russian Literature*. Beijing Foreign Studies University, 2019.
4. Liu Hong, Cao Huilin. «Female Mind»: An Analysis of the Linguistic and Cultural Field of the Art World Landscape — Taking Ullitskaya's novel Medea and Her Children as an Example. *Russian Literature and Art*. 2017 (04), pp. 96–104.
5. Liu Hong. *Russian Language Culture and Cross-cultural Communication*. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2018.
6. Ma Liang. «I conquered life and finally described it». An Interview with Contemporary Israeli Russian Writer Dina Rubina. *Contemporary Foreign Literature*. 2020. No. 41 (03), pp. 160–166.
7. Mazanaev Sh.A., Babaeva A.M. «Sindrom Petrushki» Diny Rubinoj kak roman-metafora [«Petrushka syndrome» by Dina Rubina as a novel-metaphor]. *Bulletin of Dagestan University. Series 2. Humanities*. 2018. Volume 33. Issue 1, pp. 45–50. (In Russ.)
8. Nesynova Y.V. Motiv kukul'nosti v romane D. Rubinoj «Sindrom Petrushki» [The motive of puppetry in D. Rubina's novel "Petrushka Syndrome"]. *Philological class*. 2015. No. 2 (40), pp. 75–81. (In Russ.)
9. Pavlov Y.M. Dina Rubina kak russkojazychny pisatel' [Dina Rubina as a Russian-speaking writer]. *Economy. Right. Print. Bulletin of the CSEI*. 2012. No. 3–4 (55–56), pp. 46–50. (In Russ.)

10. Panovitsa V.Y. Metaforicheseskaja model' «zhizn' — eto teatr kukol» v romane Diny Rubinoj «Sindrom Petrushki» [Metaphorical model «life is a puppet theater» in Dina Rubina's novel «Petrushka Syndrome»]. *Bulletin of Science of Siberia*. 2013. No. 1 (7), pp. 258–260. (In Russ.)
11. Panovitsa V.Y. Pol' obratimyxh metaforicheskikh modelej v romane Diny Rubinoj «Sindrom Petrushki» [The role of reversible metaphorical models in D. Rubina's novel «Petrushka Syndrome»]. *Bulletin of Science of Siberia*. 2013. No. 2 (8), pp. 155–160. (In Russ.)
12. Peng Wenzhao, Zhao Liang. *Language and Culturology* [M]. Shanghai: *Shanghai Foreign Language Education Press*, 2006.
13. Rubina D. *Sindrom Petrushki* [Punch Syndrome]. Moscow: *Eksmo*, 2022. 432 p. (In Russ.)
14. Solntseva N.M. *Reputatsija kukly* [Reputation of the doll]. Moscow: *Vodolej*, 2017. 176 p. (In Russ.)
15. Xu Gaoyu. The New Development of Language and Culture Studies in Russia: A Preliminary Study on the Linguistic Culturology Theory of V. Vorobyov. *Russian Teaching in China*. 2001. № 3. Pp. 20–25.
16. Tarasova O.D. *Analiz lingvokulturologicheskogo polja «emotsii» v sopostavitel'nom aspekte (na materiale anglijskogo i russkogo jazykov* [Analysis of the linguoculturological field of «emotions» in a comparative aspect (based on the material of English and Russian languages)]. Moscow, 2009. (In Russ.)
17. Zhai Shu. Can we really get rid of male chauvinistic cultural centralism? — The influence of patriarchal society from the perspective of female literature and cultural phenomenon in the past dynasties. *Anhui Literature (Second Half)*. 2010. № 9, pp. 252–253.
18. Zhang Jianhua. «The Cultural Search for Mother» of Russian National History — Female Discourse in Ulitskaya's novel *Medea and Her Children*. *Foreign Literature*. 2006. № 5, pp. 4–61.
19. Chen Fang. Rubina: An Israeli Russian Writer. *World Literature*. 2017. № 4, pp. 115–123.

Поступила в редакцию 17.02.2023

Принята к публикации 15.04.2023

Отредактирована 10.05.2023

Received 17.02.2023

Accepted 15.04.2023

Revised 10.05.2023

ОБ АВТОРАХ

Ли Ли — кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора института иностранных языков Северо-Западного педагогического университета (КНР); 13893163566@163.com

Чжан Лися — аспирант факультета русского языка института иностранных языков Северо-Западного педагогического университета (КНР); 1432289102@qq.com

ABOUT THE AUTHORS

Li Li — PhD in Philology, Associate Professor, Deputy Director of the Institute of Foreign Languages of the Northwest Normal University (PRC); 13893163566@163.com
Zhang Lixia — postgraduate student of the Russian Language Faculty of the Institute of Foreign Languages of the Northwest Normal University (PRC); 1432289102@qq.com

THE WAYS OF PRESENTING RUSSIAN LITERATURE IN THE 21ST-CENTURY BULGARIA

Natalia Chernikova

University Gymnasium, Moscow, Russia; natti.natt@yandex.ru

Abstract: The article examines the translation of Russian literary works in 21st-century Bulgaria. The reasons for the decline of the process at the beginning of the century are discussed. Reference is made to the editions of new works by authors who are already popular among Bulgarian readers (V. Pelevin, S. Lukyanenko, B. Akunin, S. Minayev, A. Bushkov), as well as writers who are relatively new to the Bulgarian public (E. Vodolazkin, S. Lebedev, A. Salnikov, D. Rubina) and recent translations of the works of authors who started their literary activity back in the 20th century but who have not been published in Bulgaria until recently.

Although modern Bulgarian publishers and translators are mainly interested in Russian prose, we also mention some trends in the reception of poetry and drama and the presence of Russian literature on Bulgarian theatrical stage.

Bulgarian publishers, scholars and translators who popularize contemporary Russian prose are named, as well as the events (such as the annual national award of the Bulgarian Translators' Union), the main objective of which is cultural cooperation of the two countries.

Translations of Russian literary work in Bulgaria during the politically unstable situation (from February 2022 up to present) are considered, as well as the possibility of publishing such translations in our time.

Keywords: Russian prose, poetry, drama; translations into Bulgarian; reception of Russian literature; Bulgarian publishing houses; Union of Translators of Bulgaria

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-16

For citation: Chernikova N. (2023) The Ways of Presenting Russian Literature in the 21st-century Bulgaria. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 185–193.

ПУТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В БОЛГАРИИ XXI ВЕКА

Н.А. Черникова

Университетская гимназия, Москва, Россия; natti.natt@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается рецепция переводов русской литературы в Болгарии XXI века. Обсуждаются причины, вызвавшие спад переводов российских писателей на болгарский язык в начале столетия. Упоминаются издания новых произведений авторов, которые уже пользуются популярностью у болгарского читателя (В. Пелевина, С. Лукьяненко, Б. Акунина, С. Минаева, А. Бушкова); писателей, чье творчество является относительно новым для болгарской публики (Е. Водолазкина, С. Лебедева, А. Сальникова, Д. Рубиной); недавние переводы произведений авторов, начавших свою литературную деятельность еще в XX веке, но до последнего времени не публиковавшихся в Болгарии, и переиздание некоторых произведений; рассматриваются тенденции развития переводной прозы, а также положительные рецензии на книги. Названы издательства Болгарии, популяризирующие современную русскую прозу, и имена переводчиков. Анализируются работы болгарских ученых, которые обращаются к «новейшей» русской прозе и выявляют ряд проблем ее рецепции в переводе. Рассматриваются переводы книг российских авторов в Болгарии в период политической нестабильной ситуации в мире (после февраля 2022 года), равно как и возможность издания таких переводов. Обсуждаются книги о поэзии и драматургии, которые вышли в переводе на болгарский в XXI веке, а также спектакли, поставленные по произведениям русской литературы и представленные в театрах по всей Болгарии. Речь заходит и о ежегодной национальной премии Союза переводчиков Болгарии и других мероприятиях, основной задачей которых становится обмен опытом и взаимодействие двух стран.

Ключевые слова: русская проза, поэзия, драматургия; переводы на болгарский язык; рецепция русской литературы; болгарские издательства; Союз переводчиков Болгарии

Для цитирования: Черникова Н.А. Пути репрезентации русской литературы в Болгарии XXI века // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 4. С. 185–193.

For the Bulgarian people, Russian literature has always been a subject of discussion; the Bulgarian reader till now shows interest both in classical and modern Russian authors.

The beginning of our century is characterized by a decline in translations of fiction from Russian into Bulgarian. Some scholars note that, most likely, this is “due to the desire to get rid of the artificially maintained super-tradition of the influence of Russian literature <...> the laws of the book market and other literatures widely represented on it, which are ‘competitors’ of Russian literature” [Kirova 2009].

N.A. Lunkova agrees with that and states that “the main reason why Russian literature is not represented in Bulgaria as extensively as it was before 1989 is <...> the change in reader interests and the dynamics of the development of the book market as a whole”. At the same time, Lunkova points to a large number of new publications and demonstrates

that the situation with translations from Russian in Bulgaria is developing quite positively since the 2000s and later (up to 2015). Some works were published in Bulgarian almost immediately after publication in Russia, for instance, L. Ulitskaya's and M. Shishkin's novels (for obvious reasons, in contrast, the most important works of underground literature appeared in Bulgarian translations very late, only in the 21st century, i.e. decades after their creation). Lunkova also notes that new translations of classic novels, well-known to Bulgarian reader, appear (*Anna Karenina* (2006), *A Hero of Our Time* (2014), *The Master and Margarita* (2012) [Lunkova 2016: 91, 90, 94–95].

The very first translation of *The Master and Margarita*, made by L. Minkova, was published in Bulgarian back in 1968, has been reprinted several times and is still used by theaters when staging the novel (for example, by the Nikolai Binev Youth Theater in Sofia). The translation of Tatiana Balova presents the novel without censorship amendments; a few years after that another translator, Boyan Stankov, offers his version (published in 2020 by *Helicon*).

Discussing in 2019 the reception of “the most new” Russian prose, Bulgarian scholar A.N. Manchev states that special attention in modern Bulgaria is driven to a number of authors (novels published in Bulgarian translations before 2018 are named): “It is interesting that the most translated modern Russian author is A. Marinina: 38 novels have been translated and published. This is followed by B. Akunin — 32 novels, then S. Lukyanenko — 22 novels, V. Pelevin — 13 novels. The books of D. Glukhovskiy — 7, L. Ulitskaya — 6, S. Minaev — 6, D. Dontsova, T. Polyakova, T. Ustinova, V. Erofeev, L. Puchkova, M. Yudenich — 5–6. <...> The content of the curricula of the philological faculties of Bulgarian universities is a factor in the reception of the newest Russian prose in Bulgaria. <...> The authors studied by philology students are V. Pelevin, B. Akunin, L. Ulitskaya, O. Slavnikova, D. Gutsko, N. Sincere, E. Isaeva” [Manchev 2019: 350, 356].

In 2018–2022 primarily the ‘newest’ Russian authors who have already gained fame were translated, as well as some that were new to the Bulgarian book market. Many of the already mentioned authors of both ‘mass’ and ‘high’ prose continue to be actively published in Bulgaria even now. For example, B. Akunin, A. Marinina, S. Lukyanenko remain among the most translated Russian writers of our time. Widely known in Bulgaria is V. Pelevin.

Authors who are relatively new to the Bulgarian public are also actively published: for example, in 2019, a novel by writer and screenwriter Oleg Roy *Phantom Pain* was released; ‘women’s prose’ enjoys recognition: thus, in 2021, I. Totomanov translated D. Rubina’s novel *The White Dove of Cordoba*, and in 2022 — a thriller-dystopia by Ya. Wagner *To the Lake*, etc.

One of the trends in recent years has been the formation of a circle of translators and publishers who prefer a particular writer. “Russian detectives are mainly published in the publishing houses *Hermes* and *Trud*” [Lunkova 2016: 91]. The publishing house *List* works with Vodolazkin, *Krug* presents novels by S. Lebedev, *Gaia-Libris* publishes Pelevin, *Labyrinth* — Rubina, etc.

P. Totev, a well-known Bulgarian publisher, literary critic and journalist, founder of the *Perseus* publishing house specializing in fiction, notes that he often “opens up” to the Bulgarian audience the work of new writers, whose books are subsequently released in huge editions: “I prefer different literature, which may not be so popular in the book market. I enjoy discovering new authors. <...> This happened to the Russian writers Alexander Bushkov and Sergey Minaev” [Totev 2022]. *Perseus* publishing house played a big role in the promotion of these two. Minaev’s popularity is due to the demand for mass literature. Kirova notes: “The author with the loudest success at the beginning of the 21st century seems to be Sergey Minaev. <...> *The Heifers*, released in 2009, can also be considered a bestseller on the Bulgarian market with a circulation of 5,000 copies. With Sergey Minaev, we actually moved to a new thematic direction: Russian mass literature and its ability to conquer Bulgarian readers” [Kirova 2009].

Bulgarian translators and publishers did not immediately pay attention to significant authors writing complex prose. Thus, V. Sharov’s novel *Rehearsals* (published in Russia back in 1992) was published in Bulgarian (translated by Z. Petrova) at the year of the writer’s death. But it is necessary to highlight the success of E. Vodolazkin, one of the most discussed authors in Russia, who was translated into Bulgarian for the first time only in 2020 (the novel *Aviator* was published in translation by Z. Petrova, the novel *Laurus* was translated by A. Pencheva). It is important to note that, despite the difficult political situation, new translations from Russian still appear after February 2022. For example, Vodolazkin’s novel *Justification of the Island* was published in Bulgarian in March 2022. E. Krasteva, the editor of the book, on the air of radio *Sofia*, says: “Evgeniy Vodolazkin sends us to another era, he talks about the Middle Ages, but the book is published today, during the war and troubles, and it seems that it was written yesterday. <...> There are many references to the Bible in the book, this is a novel about the search for the righteous today and that the way to overcome crises, conflicts and extermination is ultimately love, forgiveness, the way to find what unites us” [Elena Krasteva 2022]. During this period, works by other writers are also translated into Bulgarian: in November 2022, A. Salnikov’s novel *Department* was published in translation by B. Darakchieva, and in July 2022, a novel of comparative novelty for both Russian and Bulgarian literature, *Debutant* by S. Lebedev.

Lebedev has made himself known in Russia in the last decade, but has already found his reader in Bulgaria. His debut novel *The Limit of Oblivion*, translated into different languages and presented in different categories of literary awards, was translated into Bulgarian in 2020 by the Russian translator D. Korobko. For the translation of the book, Korobko became the winner of the prestigious annual competition of the Bulgarian Translators' Union. The publishing house *Krug* presented an interview with Korobko, where he mentioned his plans to continue translating Lebedev into Bulgarian [Korobko 2020]. Lebedev's work has gathered numerous positive reviews; A. Apostolova notes: "Lebedev could write an action-packed, almost detective novel. Or a dramatically touching story that reveals in detail everyday life in the camps <...> Or create a Russian copy of one of the many recent novels with the tag "Auschwitz". But the writer chooses a different approach". Apostolova compares Lebedev with another Russian writer, M. Stepanova, who is also relatively new to the Bulgarian reader: "All the time reading the novel, I drew an inevitable parallel with the large-scale work *In Memory of Memory* by Maria Stepanova (publishing house *Janet 45*, 2019), in which, too, although from a different angle and in a different key, the problem of memory is considered" [Apostolova 2020]. Bulgarian writer Ya. Radeva states that *Limit of Oblivion* "is not a novel about the GULAG, but a novel about a person's place in the world, about the answer to the question of what we forget in the limit of oblivion, about the future, which cannot happen without the past" [Radeva 2021: 6].

One of the directions of the reception of the 21st-century Russian literature in Bulgaria is the search for the most suitable strategies for the translation of postmodernist authors. For example, A.I. Pencheva examines the difficult-to-translate episodes of Pelevin's novel *Love for the Three Zuckerbrins* and states that the intertextuality of the writer's prose requires additional knowledge from translators. Pencheva also examines a fragment of the text of the novel, where Pelevin refers to Yerofeyev's poem *Moscow-Petushki* (the translation was made by the famous translator B. Misirkov). As the researcher notes, the reference to this work is "recognizable" for the Russian reader, however, "according to the editor of the Bulgarian translation of the work, this culturally marked phenomenon may not be recognized by many Bulgarian readers" [Pencheva 2020: 75, 78].

If we turn to the reception of drama, it is worth noting that some works are published in Bulgaria for the first time only in the 21st century, for example, D.I. Kharmis, including his play *Circus Shardam*. In 2021, in the book *Drama. Aesthetics of Theater*, for the first time in Bulgarian, in new translations, all the texts of Pushkin devoted to theater and drama were collected: his plays, unfinished dramatic excerpts, as well as articles, notes

and letters. Bulgarian directors actively stage performances based on the works of Russian authors. Preference is given to classics, although adapted to the modern audience, but directors also turn to the works of the authors of the 21st century. Noteworthy is the modern reading of M. Gorky's *Summer Residents* by one of the most famous Bulgarian directors I. Panteleeva (National Theater *Ivan Vazov*, staged in 2018). Different theaters present performances based on the works of Bulgakov *The Master and Margarita* and *Morphine* (the Nikolai Binev Youth Theater in Sofia); A. Vampilov *Provincial Anecdotes* (Aleko Konstantinov National Satire Theater in Sofia), V.M. Shukshin *Energetic People* (Geo Milev Drama Theater in Staraya Zagora), etc. The works of modern Russian authors are also popular: the plays of A. Dyachenko *The Dream of an Idiot* (the Bulgarian Army Theater in Sofia) and P. Gladilin *Moth* are staged. Numerous reviews were collected by the production *The Peculiarity of Russian Love* based on the play by A. Galin *Siren and Victoria* (Drama Theater *Stefan Kirov* in Sliven).

As for poetry, the number of poetic translations is still decreasing: "Publishing houses that willingly print novels by Pelevin, Akunin, Marinina, prose by Yerofeyev, Yuz Aleshkovsky, Ev. Popov, hesitate in relation to the idea of printing modern Russian poets or anthology-like collections of poems <...>" [Kostova-Panayotova 2018: 598]. One of the main events in the world of translated Russian poetry in Bulgaria was the publication of *Anthology of Russian Classical Poetry of the 12–21st Centuries* (2012), composed by the famous poet and translator K. Kadiyski. Such a large-scale publication (poems by more than 150 authors are presented) appeared in Bulgaria for the first time in 1983. The Kadiyski anthology includes both poems that have already been translated into Bulgarian and new ones that have not been translated before. Of particular interest is the fact that the translator combines in the collection poems by authors who have received worldwide recognition and works by lesser-known poets, on large chronological scale, from *The Song of Igor's Campaign* up to Yu. Moritz and others.

Other lyrical collections are also appearing. For example, in 2015, Simonov's and Vysotsky's poems about Great Patriotic War translated by H. Bondokov were published in Bulgaria as a separate book *Tsenata na Pobedata* (*The Price of Victory*). These poets in the Soviet era were well known and loved by the Bulgarian public (Simonov visited Bulgaria in 1944 as a war correspondent, and Vysotsky in 1975 came as part of the Taganka Theater troupe).

Another collection, *Rekata na vremeto* (*River of Times*), was published in 2020 and contained work of M. Shandurkova, one of the most famous translators of Russian classical and modern poetry into Bulgarian. The title of the book, as noted by the author in the preface, is the first verse of

Derzhavin's last poem. The collection includes lyrics by Derzhavin, Pushkin, Lermontov; Lermontov is presented on the largest scale, with more than 40 short poems, as well as the poem *Demon*.

Various events related to the support of translation activities are held in Bulgaria and Russia. For example, in 2018, Moscow hosted the 5th International Congress of Translators of Fiction, which was attended by about 400 translators from around the world. In the category *Poetry*, the winner was Kadiysky for the translation of Tyutchev's lyrics.

Russian translator I. Totomanov, the author of numerous publications of postmodern Russian literature in Bulgarian, was awarded "for inspired translations of works of Russian and Russian-language prose of the 20th and 21st centuries, for the long and dedicated work of the editor, professionalism and enrichment of Bulgarian culture" at the annual National Award of the Union of Translators in Bulgaria in September 2022.

Various events were held in different cities of Bulgaria with the support of the Russian World Foundation. For example, in 2020, the Russian Center of the Plovdiv University named after Paisii Hilendarsky celebrated his tenth anniversary. The university has an international Academic and practical seminar on translation for Russian students, which is attended by students, teachers, and well-known Bulgarian and Russian translators.

In 2021, the Balkan Center of Russian Studies was opened in Varna, in the Kamchia wellness complex, with the support of the Ministries of Education of Russia and Bulgaria. Kamchia has become the largest educational center of the two peoples, as well as a place of interaction between the Russian language, literature and culture: literary meetings, exhibitions, and various cultural events are held here on a regular basis. International Literary Assemblies are held annually on the basis of the complex, where writers, translators and cultural figures of the two countries meet.

REFERENCES

1. Apostolova A. "Predel na zabravata" na Sergej Lebedev — zabraveno ili ne, minaloto nikoga ne svrshva. [Limit of oblivion by Sergey Lebedev — forgotten or not, the past never ends]. URL: <https://literaturnirazgovori.com/bookreviews/2020/07/22/11-58-предел-на-забравата> (accessed: 22.07.2020).
2. *Balkanski centr po rusistika be otkrit v „Kamchiya“* [A Balkan Center for Russian Studies was opened in "Kamchia"]. URL: <https://kamchia-corporate.com/балкански-център-по-русистика-ще-бъде/> (accessed: 15.09.2021).
3. *Godishni nacionalni nagradi na SPB za prevod — 2022* [Ezhegodnaya nacional'naya premiya SPB v oblasti perevoda 2022] [SPB Annual National Translation Award 2022]. URL: <https://www.bgtranslators.org/index.php/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D0%B8.html> (accessed: 30.09.2022).
4. *Interv'yu s P. Totevym* [Interview with Plamen Totev]. URL: <https://duma.bg/plamen-totev-trapka-mi-e-da-otkrivam-i-nalagam-novi-avtori-n261618> (accessed: 05.08.2022).

5. *Interv'yu s D. Korobko* [Interview with D. Korobko]. URL <https://kryg.eu/2020/10/01/denis-korobko-v-prevoda/> (accessed: 01.10.2020).
6. Kirova M. *Ruskata literatura v Blgariya sled 1989* [Russian literature in Bulgaria after 1989]. URL: <http://newspaper.kultura.bg/bg/article/view/16285> (accessed: 11.19.2009).
7. Kostova-Panjtova M. *Russkaya literatura v Bolgarii posle 1989 g.: problemy prepodavaniya i perevoda* [Russian literature in Bulgaria after 1989. Problems of teaching and translation]. *Russian language and culture in the mirror of translation*. Moscow, 2018, № 1, pp. 597–603.
8. Lunkova N.A. *Russkaya literatura na bolgarskom knizhnom rynke v XXI v.* [Russian literature on the Bulgarian book market in the 21st century]. *Literary translation and its role in the literary process of Central and South-Eastern Europe*. Moscow, 2016, pp. 89–97.
9. Manchev A.N. *Novejshaya russkaya proza v Bolgarii* [The latest Russian prose in Bulgaria]. *Languages. Culture. Translation*. Moscow, 2019, № 1, pp. 348–358.
10. *Intervyu s Elena Krasteva "Opravdaniето na ostrova" na Evgenij Vodolazkin izliza na nashiya pazar* [Interview with Elena Krasteva. Evgeny Vodolazkin's "Justification of the Island" is coming to our market]. URL: <https://bnr.bg/sofia/post/101621310/opravdaniето-na-ostrova-na-evgenii-vodolazkin-izliza-na-nashia-pazar> (accessed: 24.03.2022).
11. Pencheva A.I. *Intertekstual'nost' kak perevodcheskaya problema (na primere romana Viktora Pelevina «Lyubov' k trem cukerbrinam»* [Intertextuality as a translation problem (on the example of Viktor Pelevin's novel "Love for Three Zuckerbrins")]. *Bulgarian-Russian studies*. Sofia, 2020, № 1, pp. 71–83.
12. Pencheva A.I. *Aspekty perevoda leksiki s nacional'no-kul'turnym komponentom v romane «Lavr» Evgeniya Vodolazkina na bolgarskij yazyk* [Aspects of the translation of vocabulary with a national cultural component in the novel "Laurus" by Evgeny Vodolazkin into Bulgarian]. *Bulgarian Russian studies*. Sofia, 2021, № 1, pp. 73–82.
13. Radeva Y.A. *Kakvo zabravayame, kogato preminem predela na zabravata* [What do we forget when we cross the threshold of oblivion]. *Literary Messenger*. Sofia, 2021, № 4, p. 6.
14. *Centrt za ruski ezik i kultura otpraznuva 10 godini* [The Center for Russian Language and Culture celebrated 10 years]. URL: <https://uni-plovdiv.bg/news/news/834/> (accessed: 06.03.2020).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апостолова А. «Предел на забравата» на Сергей Лебедев — забравено или не, миналото никога не свършва [Електронный ресурс]. URL: <https://literatur.pirazgovori.com/bookreviews/2020/07/22/11-58-предел-на-забравата> (дата обращения: 22.07.2020).
2. Балкански център по русистика бе открит в «Камчия» [Електронный ресурс]. URL: <https://kamchia-corporate.com/балкански-център-по-русистика-ще-бъде/> (дата обращения: 15.09.2021).
3. Годишни национални награди на СПБ за превод — 2022 [Електронный ресурс]. URL: <https://www.bgtranslators.org/index.php/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D0%B8.html> (дата обращения: 30.09.2022).
4. Интервью с П. Тотевым [Електронный ресурс]. URL: <https://duma.bg/plamen-totev-trapka-mi-e-da-otkrivam-i-nalagam-novi-avtori-n261618> (дата обращения: 05.08.2022).
5. Интервью с Д. Коробко [Електронный ресурс]. URL: <https://kryg.eu/2020/10/01/denis-korobko-v-prevoda/> (дата обращения: 01.10.2020).

6. *Кирова М.* Руската литература в България след 1989 [Электронный ресурс]. URL: <http://newspaper.kultura.bg/bg/article/view/16285> (дата обращения: 19.11.2009).
7. *Костова-Панайтова М.* Русская литература в Болгарии после 1989 г.: проблемы преподавания и перевода // *Русский язык и культура в зеркале перевода.* М., 2018. № 1. С. 597–603.
8. *Лунькова Н.А.* Русская литература на болгарском книжном рынке в XXI в. // *Художественный перевод и его роль в литературном процессе Центральной и Юго-Восточной Европы.* М., 2016. С. 89–97.
9. *Манчев А.Н.* Новейшая русская проза в Болгарии // *Языки. Культуры. Перевод.* М., 2019. № 1. С. 348–358.
10. Интервю с Елена Кръстева «Оправданието на острова» на Евгений Водолазкин излиза на нашия пазар [Электронный ресурс]. URL: <https://bnr.bg/sofia/post/101621310/opravdaniето-na-ostrova-na-evgenii-vodolazkin-izliza-na-nashia-pazar> (дата обращения: 24.03.2022).
11. *Пенчева А.И.* Интертекстуальность как переводческая проблема (на примере романа Виктора Пелевина «Любовь к трем цукербринам») // *Болгарская русистика.* София, 2020. № 1. С. 71–83.
12. *Пенчева А.И.* Аспекты перевода лексики с национально-культурным компонентом в романе «Лавр» Евгения Водолазкина на болгарский язык // *Болгарская русистика.* София, 2021. № 1. С. 73–82.
13. *Радева Я.* Какво забравяме, когато преминем предела на забравата // *Литературен вестник.* София, 2021. № 4. С. 6.
14. Центърът за руски език и култура отпразнува 10 години [Электронный ресурс]. URL: <https://uni-plovdiv.bg/news/news/834/> (дата обращения: 06.03.2020).

Поступила в редакцию 15.11.2022

Принята к публикации 15.02.2023

Отредактирована 10.05.2023

Received 15.11.2022

Accepted 15.02.2023

Revised 10.05.2023

ABOUT THE AUTHOR

Natalia A. Chernikova — teacher at University gymnasium of Lomonosov Moscow State University; natti.natt@yandex.ru

ОБ АВТОРЕ

Черникова Наталья Александровна — преподаватель Университетской гимназии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; natti.natt@yandex.ru

ЛОНГИТЮДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЪЕМА РАБОЧЕЙ ПАМЯТИ У СТУДЕНТОВ-СИНХРОНИСТОВ

Н.В. Рыбакова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; natryb77@gmail.com

Аннотация: Синхронный перевод — это одно из сложнейших когнитивных заданий, в котором восприятие, обработка и порождение речи происходят практически одновременно. Помимо чисто языковых компетенций в синхронном переводе задействовано множество когнитивных функций, в том числе и рабочая память (РП). Одной из главных проблем изучения корреляции синхронного перевода и рабочей памяти является подтверждение гипотезы о преимуществе объема рабочей памяти у синхронных переводчиков (обнаруживаются спорные данные), а также выявление ее причины: природная это способность или приобретенная в силу обучения определенным навыкам и профессионального опыта. Цель данной статьи — проанализировать ряд работ, отражающих лонгитюдные исследования рабочей памяти у студентов, обучающихся синхронному переводу. Подобный подход к исследованию РП у синхронных переводчиков относительно нов и остается актуальным до сих пор. Обычно в таких исследованиях сравниваются студенты в начале обучения и по его завершении, контрольные группы при этом могут включаться, а могут и отсутствовать.

Что касается результатов лонгитюдных исследований, то можно отметить следующий факт: преимущество студентов-синхронистов не наблюдается в самом начале обучения. Остальные результаты весьма противоречивы. Так, некоторые работы демонстрируют показатели в пользу улучшения объема РП, другие же это ставят под сомнение. Также параллельно с РП может измеряться и кратковременная память в начале и конце обучения, однако не всем удается подтвердить ее улучшение у синхронных переводчиков после прохождения обучения. Основные причины противоречивых результатов кроются в различных выборках испытуемых и контрольных групп, а также варьирующихся методах проведения тестов на память. Перспективным видится проведение лонгитюдных исследований с учетом опыта и ошибок предыдущих экспериментов для возможности проведения последующих метаанализов и выявления статистической значимости полученных результатов.

Ключевые слова: синхронный перевод; рабочая память; лонгитюдные исследования; билингвизм

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-17



Для цитирования: Рыбакова Н.В. Лонгитюдные исследования рабочей памяти у студентов-синхронистов // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 4. С. 194–207.

LONGITUDINAL STUDIES OF WORKING MEMORY CAPACITY IN SIMULTANEOUS INTERPRETING STUDENTS

Nataliia V. Rybakova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; natryb77@gmail.com

Abstract: Simultaneous interpreting is one of the most difficult cognitive tasks where the comprehension, processing and production of speech occur almost at the same time. In addition to linguistic competencies, simultaneous interpreting involves many cognitive mechanisms, including working memory (WM). One of the main issues in studying the correlation of simultaneous interpreting and WM is confirming the hypothesis about the interpreters' advantage in working memory (controversial data are presented), as well as identifying its cause — if it is a natural phenomenon or acquired by virtue of learning certain skills and professional experience. The purpose of this article is to analyze a number of works that reflect longitudinal studies of working memory in students studying simultaneous interpreting. This approach to the study of WM among simultaneous interpreters is relatively new and still relevant. Usually, such studies compare students at the beginning and at the end of their training, while control groups may or may not be included.

As for the results of longitudinal studies, the following fact can be noted: the advantage of interpreting students is not observed at the very beginning of training. The rest of the results are very inconsistent. Thus, some works demonstrate indicators in favor of WM improvement, while others cast doubt on this. Also, short-term memory can be measured in parallel with WM at the beginning and end of training, but not all research is able to confirm its improvement in simultaneous interpreters after training. The main reasons for the conflicting results lie in the different samples of participants and control groups, as well as varying methods of conducting memory tests. It seems promising for future longitudinal studies to take into account the experience and errors of previous experiments, in order to be able to present subsequent meta-analyses and identify the statistical significance of the results.

Keywords: simultaneous interpreting; working memory; longitudinal studies; bilinguals

For citation: Rybakova N.V. (2023) Longitudinal Studies of Working Memory Capacity in Simultaneous Interpreting Students. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 194–207.

Введение

Устный перевод, в частности синхронный перевод, представляет собой сложную когнитивную задачу, предъявляющую особые тре-

бования к ресурсам памяти. Мгновенное переключение языка и характеристики многозадачности (например, прием информации, хранение, извлечение, переключение кода и т. д.) синхронного перевода создают большие проблемы для ресурсов памяти переводчиков [Zhang, Yu 2018]. Таким образом, взаимосвязь между памятью и переводом (главным образом взаимодействие между рабочей памятью (далее РП) и синхронным переводом (далее СП)) стала одной из интереснейших задач современной когнитивной психологии, психолингвистики и исследований в области переводоведения [Gile 2015].

СП требует обработки данных исходного языка при производстве на другом, целевом языке. Кроме того, переводчикам необходимо параллельно переформулировать поступающую информацию на язык перевода. Самой большой проблемой для этой сложной задачи является одновременность выполнения многих процессов, что требует выдающейся системы когнитивного контроля (в отличие от последовательного перевода, при котором процессы прослушивания и воспроизведения происходят последовательно). Для достижения успешного СП переводчикам необходимо координировать два языка. Кроме того, им также необходимо сохранять и обрабатывать значительные объемы информации [Morales et al. 2015].

Результаты различных исследований подтверждают гипотезу о том, что РП способствует успешному переводу [Christoffels et al. 2003; Darò, Fabbro 1994; Tzou et al. 2012 и др.]. Большинство моделей РП согласны с тем, что РП включает в себя компоненты хранения и систему управления, отвечающую за координацию хранимой информации. Например, влиятельная модель А. Бэддели [Baddeley 1996, 2000] предполагает, что РП состоит из двух временных хранилищ памяти (фонологической петли и визуального блокнота), эпизодического буфера для репетиции хранимой информации и центрального исполнителя, который координирует активное содержание и отвечает за него для когнитивной деятельности высокого уровня, такой как планирование, координация и обновление потока информации, а также извлечение содержимого из долговременной памяти [Baddeley 1996]. Эти центральные исполнительные процессы отвечают за мониторинг релевантной для задачи информации и тесно связаны с функцией обновления (updating), предложенной Мияке [Miyake et al. 2000] в качестве одного из основных компонентов его авторитетной модели исполнительного контроля.

О важной роли памяти говорят многие исследования СП [напр., Darò, Fabbro 1994; Gile 2002; Mizuno 2005 и др.]. Так, память в контексте СП может пониматься как кратковременная память (далее КВП) [Gile 2002], которая отвечает за способность человека удержи-

вать информацию в уме и обычно оценивается с помощью простых заданий (simple span tasks), где нужно запомнить набор вербальных или невербальных стимулов (слова, цифры, геометрические фигуры).

РП также считается одним из важных процессов при СП, включающим не только хранение, но и обработку информации [Baddeley 2000; Conway et al. 2005; Cowan 2008]. РП обычно оценивается сложными заданиями (complex span tasks), то есть чтение / слушание + понимание / арифметические операции / оценка симметрии в дополнение к задаче временного хранения информации [напр., Conway et al. 2005; Dong, Zhong 2019]. Важно отметить, что когнитивные способности, в т. ч. РП, профессиональных переводчиков могут отличаться от других билингов, поскольку переводчики должны не только управлять двумя языками, но и одновременно их активировать, чтобы манипулировать ими.

В целом можно выделить три направления исследований РП у синхронных переводчиков: 1) исследования, пытающиеся выявить больший объем рабочей памяти у синхронных переводчиков в сравнении с менее опытными переводчиками и непереводчиками; 2) исследования взаимосвязи рабочей памяти с подготовкой переводчика; 3) исследования, где рассматривается проблема рабочей памяти как одного из вспомогательных навыков (вместе с другими навыками), который задействован при синхронном переводе [Dong, Cai 2015].

Основой для всех исследований в этой области служит так называемая гипотеза о преимуществе синхронных переводчиков (interpreter advantage hypothesis) в объеме РП по сравнению с другими билингвами и контрольными группами [García 2014]. Однако остается вопрос о том, отражают ли заявленные преимущества синхронных переводчиков в РП общее преимущество с точки зрения исполнительного контроля или это преимущество связано с процессами памяти (хранением информации). Одним из новейших подходов к решению данной проблемы являются лонгитюдные исследования. Цель статьи — обзор работ в данной сфере.

Лонгитюдные исследования

Одним из главных и до сих пор нерешенных вопросов в исследованиях РП при СП является причина преимущества в РП у синхронных переводчиков. Выбирают ли люди уже с большим объемом РП профессию переводчика или же это обучение СП, развитие определенных навыков и профессиональный опыт способствуют увеличению РП? Некоторые ученые [напр., Tzou et al. 2012; Dong, Cai 2015] предлагают решать эту проблему с помощью проведения лонгитюдных исследований.

Под лонгитюдными исследованиями в контексте корреляции между СП и РП обычно понимаются исследования, в которых сравниваются результаты по различным тестам студентов-переводчиков с контрольной группой в два разных момента времени (до и после обучения) [Nour et al. 2020]. Несмотря на то, что данный вид исследований призван разрешить противоречия в результатах предыдущих исследований, на данный момент подобных экспериментов в этой области не так уж много. Это может быть связано с определенными трудностями, например с возможной потерей испытуемых и сложностью практической реализации нескольких временных срезов [Menard 2008].

Й. Донг и Р. Цай [Dong, Cai 2015] утверждают, что первым исследованием подобного рода можно считать работу В. Чжан [Zhang 2008], в которой на примере китайско-английских студентов-переводчиков было показано, что обучение СП влияет на увеличение объема РП [Dong, Cai 2015].

Первым действительно известным лонгитюдным исследованием памяти у переводчиков жестового языка можно назвать работу Б. Макнамара и А. Конвэй [Macnamara, Conway 2015]. Переводчики проходили тесты на КВП и РП в начале и конце своего двухлетнего обучения. Испытуемые показали лучшие результаты в заданиях на запоминание цифр в обратном порядке (backward digit span, далее BDS) по сравнению со сложными задачами: задачей на объем чтения (reading span, далее RS) и задачей на математические операции (operation span, далее OS). Таким образом, уместно говорить о возможности тренировки навыков КВП. Исследователи объяснили эти результаты тем, что СП не включает в себя процессы, связанные со сложными задачами, такими как хранение и обработка информации, и не требует сохранения информации при обработке несвязанной задачи [Macnamara, Conway 2015]. Возможно, имелась в виду специфика перевода с и на язык жестов, однако особенности перевода жестовых языков являются темой отдельного исследования.

Исследование А. Хмель [Chmiel 2016] считается первым лонгитюдным исследованием вопроса увеличения РП у синхронных переводчиков. В исследовании приняли участие 24 профессиональных синхронных переводчика, 20 переводчиков-студентов и 24 билингва, не имеющих отношения к профессиональному переводу. Родной язык (first language, далее L1) всех участников — польский, второй язык (second language, далее L2) — английский. Было проведено два эксперимента. В первом эксперименте испытуемые проходили автоматизированный тест RS [Unsworth et al. 2009] в его английской версии. Студенты-переводчики проходили тест два раза: в начале и конце двухгодичного обучения. В начале обучения результаты

студентов не отличались от контрольной группы, в то время как профессиональные переводчики продемонстрировали свое преимущество. Однако в конце обучения студенты даже немного превзошли профессионалов. Также была отмечена корреляция между объемом РП и финальными результатами экзамена, который включал в себя четыре переводческих задания: последовательный перевод с L1 на L2 и с L2 на L1 и синхронный перевод с L1 на L2 и с L2 на L1. У студентов с большим объемом рабочей памяти получился более качественный перевод.

Второй эксперимент включал тех же профессиональных переводчиков и контрольную группу непереводчиков. В этот раз было два теста: задание на аудирование (listening span, далее LS) и RS. Стоит упомянуть, что в RS нужно было запомнить буквы в строгом порядке и при этом оценить смысл предложений, а в тесте на LS нужно было запомнить слова в любом порядке. Переводчики превзошли контрольную группу в обоих тестах. Важно отметить, что результаты переводчиков и по LS, и по RS оказались одинаково высокими. Однако результаты теста на родном языке оказались выше, чем результаты на втором языке (см. первый эксперимент).

Таким образом утверждается, что у студентов-переводчиков нет изначального преимущества в РП, а это скорее влияние профессиональной подготовки и обучения синхронному переводу. Тем не менее стоит упомянуть, что на качество перевода могло повлиять развитие других когнитивных функций, а также повышение уровня владения иностранным языком и предварительные знания о тексте, может быть даже долговременная память. В исследовании никак не объясняется выбор L2 для первого эксперимента. Можно предположить, что даже в первоначальном тесте на РП, который был бы проведен на родном языке, результаты студентов-переводчиков были бы выше, чем их результат на втором языке, так как давно известна корреляция между языковой компетенцией и РП [Service et al. 2002]. Удивительным кажется отсутствие более высоких результатов в тесте на слуховую модальность. Казалось бы, в силу особенностей процесса СП преимущества переводчиков в тестах на LS должны быть очевидны. По мнению Б. Кёпке и Т. Синьорелли [Körke, Signorelli 2012], тоже заметивших данную особенность, это несколько неожиданно и представляет интерес для дальнейших исследований.

В работе [Babcock et al. 2017] обсуждаются результаты исследований [Macnamara, Conway 2015] и [Chmiel 2016]: как полагают ее авторы, недостаточно утверждать, что только обучение СП улучшает РП. Они отмечают возможное искажение эксперимента в лонгитюдных исследованиях в силу течения времени и повторения заданий.

Л. Бэбкок с соавторами [Babcock et al. 2017] провели собственное лонгитюдное исследование, в котором приняли участие три группы студентов-магистрантов в начале и в конце обучения: 55 студентов-синхронистов, 21 студент-переводчик (имеется в виду обучение не синхронному переводу), и 51 студент других специальностей, не имеющих отношения к переводу. Были проведены следующие тесты: компьютеризированные версии заданий на запоминание букв (letter span) и задания на запоминание матриц (matrix span tasks) [Kane et al. 2004] на КВП, автоматизированные версии заданий на OS и тест на запоминание симметрий фигур (symmetry span task) [Unsworth et al. 2005] на РП, тест нейросетей внимания (The Attention Network Test) [Fan et al. 2002] и парадигма переключения задач (task switching paradigm) [Rubin, Meiran 2005]. В фазе 1 (начало обучения) студенты-синхронисты не продемонстрировали превосходства ни в одном из тестов, что может указывать на тот факт, что навыки синхронных переводчиков (в т. ч. и память) развиваются в течение обучения. Что касается фазы 2 (конец обучения), то в этой части эксперимента наблюдается увеличение вербальной КВП у студентов-синхронистов, однако это увеличение не распространяется на пространственную КВП. Авторы приходят к выводу, что преимущество синхронных переводчиков в тестах на память не врожденное, а приобретенное. Интересно отметить, что, хотя в настоящем исследовании не было выявлено особого преимущества обучения СП в результатах на OS, в целом в группах наблюдалось улучшение результатов. Можно также отметить, что у студентов-синхронистов и студентов непереводческих специальностей в фазе 2 наблюдалось меньшее количество ошибок в тесте на вербальную РП, чего нельзя сказать о студентах-переводчиках (возможно, это связано с маленькой выборкой студентов-переводчиков в фазе 2). Возможно, все студенты в конце обучения находятся на пике своих когнитивных способностей, поэтому не удалось выявить какого-то заметного превосходства у студентов синхронистов.

В одном из недавних исследований [Ünlü, Şimşek 2018] было показано, что студенты-синхронисты превзошли контрольную группу (студенты-преподаватели иностранного языка) (L1 — турецкий, L2 — английский) в тесте на RS, но не на запоминание цифр (digit span, далее DS). В исследовании принимали участие студенты-переводчики (первый курс — 38 и последний курс — 26) и студенты — преподаватели иностранного языка (первый курс — 38 и последний курс — 32). После первой части исследования оказалось, что студенты-синхронисты последнего курса прошли тест на RS (использовалась адаптированная версия теста [Daneman, Carpenter 1980] на турецком языке — L1 для всех участников) лучше остальных групп.

Однако в тесте на DS значительного преимущества выявлено не было. Во второй части измерялась РП (RS и DS) 14 студентов-переводчиков в начале и конце их обучения. В результате показатели по RS в конце обучения были значительно выше, чем в начале, чего нельзя сказать о результатах в DS (они практически не изменились). Таким образом, авторы делают вывод, что обучение СП положительно сказывается на навыках обработки информации — РП и не влияет на объем хранимой информации — КВП.

Пожалуй, самое последнее лонгитюдное исследование [Nour et al. 2020] ставило перед собой задачу подтвердить гипотезу адаптивного контроля (adaptive control hypothesis) [Green, Abutalebi 2013], которая предсказывает адаптацию механизмов контроля в ответ на интенсивное использование языка у билингвов, у студентов-переводчиков и профессиональных переводчиков. Две группы испытуемых: 17 студентов, обучающихся устному переводу, и 21 студент, обучающийся письменному переводу, — проходили тестирование в начале и в конце обучения. Группа из 21 профессионального синхронного переводчика тестировалась один раз. Всего было проведено три теста: DS; L1 RS; L2 RS (была использована укороченная версия [Daneman, Carpenter 1980], адаптированная для разных языков [Van Den Noort et al. 2008]). Не было выявлено различия в результатах у обеих групп студентов в начале обучения. После обучения результаты в РП улучшились у обеих групп, чего не произошло с КВП. Что касается профессиональных переводчиков, то они превосходили студентов письменного перевода в тестах на РП в начале обучения, но не студентов устного перевода. Таким образом, авторы заявляют о предварительном подтверждении гипотезы адаптивного контроля.

Расхождение результатов можно объяснить применением различных методик измерения РП в разных исследованиях. Так, будущие исследования должны включать разнообразные виды тестов для получения объективных результатов. Также результаты исследований показывают важность включения контрольных групп для большей экологической валидности эксперимента и во избежание поспешных выводов. Встает вопрос о разграничении роли обучения СП и опыта СП. Возможно, заметные результаты превосходства РП появляются с увеличением профессионального опыта.

Открытым остается вопрос о возможной тренировке РП. Из метаанализа [Melby-Lervåg et al. 2016], в котором было рассмотрено 87 исследований со 145 независимыми экспериментами, следует, что существующие инструменты для тренировки РП не имеют долгосрочного эффекта: результаты, полученные спустя несколько месяцев после тренировки, не удерживаются на том же уровне. Более

того, нет серьезных оснований полагать, что тренировка РП оказывает влияние на другие когнитивные функции, такие как невербальные способности, вербальные способности, понимание текста, арифметика. Однако данный метаанализ не имеет непосредственного отношения к исследованиям синхронного перевода.

Заключение

В данном исследовании была сделана попытка осветить актуальные лонгитюдные исследования РП у синхронных переводчиков и связанные с этой темой проблемы. Важно отметить, что в лонгитюдных исследованиях принимают участие студенты — синхронные переводчики в начале и конце обучения и контрольные группы (однако контрольные группы присутствуют не во всех исследованиях или только на одном из этапов). Была выявлена общая закономерность для всех исследований: на начальном этапе показатели студентов-синхронистов практически не отличаются от контрольных групп (если не брать во внимание профессиональных синхронных переводчиков). Таким образом, можно утверждать, что преимущество синхронных переводчиков в РП скорее приобретено в силу развития навыков в результате обучения и накопления опыта.

Можно ли делать выводы об увеличении памяти (в широком смысле слова) в результате обучения СП? Тут данные весьма противоречивы. Некоторые исследования демонстрируют улучшение результатов КВП, но не РП, некоторые же наоборот указывают на увеличение РП, но не отражают изменений в КВП. Противоречивые данные можно попытаться объяснить различием методологии проведения эксперимента (например язык, на котором дан тест) и разницей в самих тестах на РП. Даже классический RS мы наблюдаем в разных версиях от исследования к исследованию.

Что касается выборки испытуемых, то они тоже разнятся, что может сильно влиять на получение противоречивых данных. Отсутствие превосходства по окончании обучения у синхронных переводчиков по сравнению с другими контрольными группами может указывать на в целом повышенный уровень когнитивных способностей у людей разных специальностей. Возможно, превосходство в РП появляется уже в результате непосредственной практики СП. Также могут отличаться программы и сроки обучения СП в разных университетах и странах, что тоже может влиять на результаты.

Важно отметить, что будущие исследования должны учитывать ошибки предыдущих работ и ответственно подходить к методологии тестов, а также тщательно подбирать группы испытуемых с детальным описанием навыков и различных особенностей участников экспериментов (напр., возраст, обучение, опыт) для получения эко-

логически валидных результатов и возможности проведения мета-анализа для получения более статистически значимых результатов (на данном этапе количества лонгитюдных исследований недостаточно для проведения подобных измерений).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Babcock, L., Capizzi M., Arbula S. et al.* Short-Term Memory Improvement After Simultaneous Interpretation Training // *Journal of Cognitive Enhancement*. 2017, № 1, pp. 254–267. <https://doi.org/10.1007/s41465-017-0011-x>
2. *Baddeley A.D.* Exploring the central executive // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 1996, № 49A, pp. 5–28. <http://dx.doi.org/10.1080/713755608>
3. *Baddeley A.* The episodic buffer: A new component of working memory? // *Trends in Cognitive Sciences*. 2000, №4 (11), pp. 417–423.
4. *Chmiel A.* In search of the working memory advantage in conference interpreting — Training, experience and task effects // *International Journal of Bilingualism*. 2016, № 22 (3), pp. 371–384. <https://doi.org/10.1177/1367006916681082>
5. *Christoffels I.K., De Groot A.M.B., Waldorp L.J.* Basic skills in a complex task: A graphical model relating memory and lexical retrieval to simultaneous interpreting // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2003, № 6, pp. 201–211. <http://dx.doi.org/10.1017/S1366728903001135>
6. *Conway A. R., Kane M. J., Bunting M. F., Hambrick D. Z. et al.* Working memory span tasks: A methodological review and user's guide // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2005, №12 (5), pp. 769–786.
7. *Cowan N.* What are the differences between long-term, short-term, and working memory? // *Progress in Brain Research*. 2008, № 169, pp. 323–338.
8. *Daneman M., Carpenter P.A.* Individual differences in working memory and reading // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. 1980, № 19, pp. 450–466.
9. *Darò V., Fabbro F.* Verbal memory during simultaneous interpretation: Effects of phonological interference // *Applied Linguistics*. 1994, № 15 (4), pp. 365–381.
10. *Dong Y., Cai R.* Working memory in interpreting: a commentary on theoretical models. 2015. doi: 10.21832/9781783093595-008
11. *Dong Y., Zhong F.* The intense bilingual experience of interpreting and its neurocognitive consequences // *Schwietzer J.* (ed.) *The handbook of the neuroscience of multilingualism*. Chichester: Wiley-Blackwell, 2019, pp. 685–700.
12. *Fan J., McCandliss B.D., Sommer T.* Testing the efficiency and independence of attentional networks // *Journal of Cognitive Neuroscience*, 2002. Vol. 14, № 3, pp. 340–347. doi: 10.1162/089892902317361886
13. *García A.* The interpreter advantage hypothesis: preliminary data patterns and empirically motivated questions // *Translation and Interpreting Studies*. 2014, 9, pp. 219–238. doi: 10.1075/tis.9.2.04gar
14. *Gile D.* Conference interpreting as a cognitive management problem // *Pöschhacker F., Shlesinger M.* (eds.) *The interpreting studies reader*. London: Routledge, 2002, pp. 162–176.
15. *Gile D.* The contributions of cognitive psychology and psycholinguistics to conference interpreting: A critical analysis. 2015. 10.1075/btl.115.03gil
16. *Green D.W., Abutalebi J.* Language control in bilinguals: The adaptive control hypothesis // *Journal of Cognitive Psychology*. 2013, № 25, pp. 1–16. <https://doi.org/10.1080/20445911.2013.796377>
17. *Kane M. J., Hambrick D. Z., Tuholski S.W., Wilhelm O. et al.* The generality of working memory capacity: a latent-variable approach to verbal and visuospatial memory span

- and reasoning // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2004, № 133 (2), pp. 189–217. doi: 10.1037/0096-3445.133.2.189
18. Köpke B., Signorelli T.M. Methodological aspects of working memory assessment in simultaneous interpreters // *International Journal of Bilingualism*. 2012, № 16 (2), pp. 183–197. <https://doi.org/10.1177/1367006911402981>
 19. Macnamara B.N., Conway A.R.A. Working memory capacity as a predictor of simultaneous language interpreting performance // *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. 2015, pp. 1–9. Advance online publication. doi: 10.1016/j.jarmac.2015.12.001
 20. Melby-Lervåg M., Redick T.S., Hulme C. Working Memory Training Does Not Improve Performance on Measures of Intelligence or Other Measures of “Far Transfer”: Evidence From a Meta-Analytic Review // *Perspectives on Psychological Science*. 2016. Jul. № 11 (4), pp. 512–534. doi: 10.1177/1745691616635612
 21. Menard S. Introduction: Longitudinal research design and analysis. *Handbook of longitudinal research*. Ed. S. Menard. N.Y.: Elsevier, 2008, pp. 3–12.
 22. Miyake A., Friedman N.P., Emerson M.J., Witzki A.H., Howerter A., & Wager T.D. The unity and diversity of executive functions and their contributions to complex “Frontal Lobe” tasks: A latent variable analysis // *Cognitive Psychology*. 2000, № 41, pp. 49–100. doi.org/10.1006/cogp.1999.0734
 23. Mizuno A. Process model for simultaneous interpreting and working memory // *Meta: Translators’ Journal*. 2005, № 50 (2), pp. 739–752.
 24. Morales J., Padilla F., Gómez-Ariza C.J., M. Bajo M.T. Simultaneous Interpretation Selectively Influences Working Memory and Attentional Networks // *Acta Psychologica*. 2015, № 155, pp. 82–91. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2014.12.004>
 25. Nour S., Struys E., Stengers H. Adaptive control in interpreters: Assessing the impact of training and experience on working memory // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2020, № 23, pp. 772–779. <https://doi.org/10.1017/S1366728920000127>
 26. Rubin O., Meiran N. On the origins of the task mixing cost in the cuing task-switching paradigm // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 2005, № 31 (6), pp. 1477–1491. doi: 10.1037/0278-7393.31.6.1477
 27. Service E., Simola M., Metsänheimo O., Maury S. Bilingual working memory span is affected by language skill // *European Journal of Cognitive Psychology*. 2002, № 14 (3), pp. 383–408. doi: 10.1080/09541440143000140
 28. Tzou Y.-Z., Eslami Z. R., Chen H.-C., Vaid J. Effect of language proficiency and degree of formal training in simultaneous interpreting on working memory and interpreting performance: Evidence from Mandarin–English speakers // *International Journal of Bilingualism*. 2012, № 16 (2), pp. 213–227. <https://doi.org/10.1177/1367006911403197>
 29. Unsworth N., Redick T.S., Heitz R.P., Broadway J.M., Engle R.W. Complex working memory span tasks and higher-order cognition: A latent-variable analysis of the relationship between processing and storage // *Memory*. 2009, № 17, pp. 635–654.
 30. Ünlü E.A., Şimşek Ç.S. Testing the impact of formal interpreting training on working memory capacity: Evidence from Turkish–English students-interpreters // *Lingua*. 2018. <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2018.04.003>
 31. Van Den Noort M., Bosch P., Haverkort M., Hugdahl K. A standard computerized version of the reading span test in different languages // *European Journal of Psychological Assessment*. 2008, № 24, pp. 35–42. <https://doi.org/10.1027/1015-5759.24.1.35>
 32. Wen H., Dong Y. How does interpreting experience enhance working memory and short-term memory: A meta-analysis // *Journal of Cognitive Psychology*. 2019, № 31:8, pp. 769–784. doi: 10.1080/20445911.2019.1674857

33. Zhang W. A study of the effect of simultaneous interpreting on working memory's growth potential (in Chinese) // *Modern Foreign Languages*. 2008, № 31 (4), pp. 423–430.
34. Zhang W., Yu D. Can memory training help improve interpreting quality? A case report in China // *The Interpreter and Translator Trainer*. 2018. doi: 10.1080/1750399X.2018.1452121

REFERENCES

1. Babcock, L., Capizzi M., Arbula S. et al. Short-Term Memory Improvement After Simultaneous Interpretation Training. *Journal of Cognitive Enhancement*. 2017, № 1, pp. 254–267. <https://doi.org/10.1007/s41465-017-0011-x>
2. Baddeley A.D. Exploring the central executive. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 1996, № 49A, pp. 5–28. <http://dx.doi.org/10.1080/713755608>
3. Baddeley A. The episodic buffer: A new component of working memory? *Trends in Cognitive Sciences*. 2000, №4 (11), pp. 417–423.
4. Chmiel A. In search of the working memory advantage in conference interpreting — Training, experience and task effects. *International Journal of Bilingualism*. 2016, № 22 (3), pp. 371–384. <https://doi.org/10.1177/1367006916681082>
5. Christoffels I.K., De Groot A.M.B., Waldorp L.J. Basic skills in a complex task: A graphical model relating memory and lexical retrieval to simultaneous interpreting. *Bilingualism: Language and Cognition*. 2003, № 6, pp. 201–211. <http://dx.doi.org/10.1017/S1366728903001135>
6. Conway A.R., Kane M.J., Bunting M.F., Hambrick D.Z. et al. Working memory span tasks: A methodological review and user's guide. *Psychonomic Bulletin & Review*. 2005, № 12 (5), pp. 769–786.
7. Cowan N. What are the differences between long-term, short-term, and -working memory? *Progress in Brain Research*. 2008, № 169, pp. 323–338.
8. Daneman M., Carpenter P.A. Individual differences in working memory and reading. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. 1980, № 19, pp. 450–466.
9. Darò V., Fabbro F. Verbal memory during simultaneous interpretation: Effects of phonological interference. *Applied Linguistics*. 1994, № 15 (4), pp. 365–381.
10. Dong Y., Cai R. Working memory in interpreting: a commentary on theoretical models. 2015. doi: 10.21832/9781783093595-008.
11. Dong Y., Zhong F. The intense bilingual experience of interpreting and its neuro-cognitive consequences // Schwieter J. (ed.) *The handbook of the neuroscience of multilingualism*. Chichester: Wiley-Blackwell, 2019, pp. 685–700.
12. Fan J., McCandliss B.D., Sommer T. Testing the efficiency and independence of attentional networks. *Journal of Cognitive Neuroscience*. 2002. Vol. 14, № 3, pp. 340–347. doi: 10.1162/089892902317361886
13. García A. The interpreter advantage hypothesis: preliminary data patterns and empirically motivated questions. *Translation and Interpreting Studies*. 2014, 9, pp. 219–238. doi: 10.1075/tis.9.2.04gar
14. Gile D. Conference interpreting as a cognitive management problem // Pöchhacker F., Shlesinger M. (eds.) *The interpreting studies reader*. London: Routledge, 2002, pp. 162–176.
15. Gile D. The contributions of cognitive psychology and psycholinguistics to conference interpreting: A critical analysis. 2015. 10.1075/btl.115.03gil
16. Green D.W., Abutalebi J. Language control in bilinguals: The adaptive control hypothesis. *Journal of Cognitive Psychology*. 2013, № 25, pp. 1–16. <https://doi.org/10.1080/20445911.2013.796377>

17. Kane M.J., Hambrick D.Z., Tuholski S.W., Wilhelm O. et al. The generality of working memory capacity: a latent-variable approach to verbal and visuospatial memory span and reasoning. *Journal of Experimental Psychology: General*. 2004, № 133 (2), pp. 189–217. doi: 10.1037/0096-3445.133.2.189
18. Köpke B., Signorelli T.M. Methodological aspects of working memory assessment in simultaneous interpreters. *International Journal of Bilingualism*. 2012, № 16 (2), pp. 183–197. <https://doi.org/10.1177/1367006911402981>
19. Macnamara B.N., Conway A.R.A. Working memory capacity as a predictor of simultaneous language interpreting performance. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. 2015, pp. 1–9. Advance online publication. doi: 10.1016/j.jar-mac.2015.12.001
20. Melby-Lervåg M., Redick T.S., Hulme C. Working Memory Training Does Not Improve Performance on Measures of Intelligence or Other Measures of “Far Transfer”: Evidence From a Meta-Analytic Review. *Perspectives on Psychological Science*. 2016. Jul. № 11 (4), pp. 512–534. doi: 10.1177/1745691616635612
21. Menard S. Introduction: Longitudinal research design and analysis. Handbook of longitudinal research. Ed. S. Menard. N.Y.: Elsevier, 2008, pp. 3–12.
22. Miyake A., Friedman N.P., Emerson M.J., Witzki A.H., Howerter A., Wager T.D. The unity and diversity of executive functions and their contributions to complex “Frontal Lobe” tasks: A latent variable analysis. *Cognitive Psychology*. 2000, № 41, pp. 49–100. doi.org/10.1006/cogp.1999.0734
23. Mizuno A. Process model for simultaneous interpreting and working memory. *Meta: Translators’ Journal*. 2005, № 50 (2), pp. 739–752.
24. Morales J., Padilla F., Gómez-Ariza C.J., M. Bajo M.T. Simultaneous Interpretation Selectively Influences Working Memory and Attentional Networks. *Acta Psychologica*. 2015, № 155, pp. 82–91. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2014.12.004>
25. Nour S., Struys E., Stengers H. Adaptive control in interpreters: Assessing the impact of training and experience on working memory. *Bilingualism: Language and Cognition*. 2020, № 23, pp. 772–779. <https://doi.org/10.1017/S1366728920000127>
26. Rubin O., Meiran N. On the origins of the task mixing cost in the cuing task-switching paradigm. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 2005, № 31 (6), pp. 1477–1491. doi:10.1037/0278-7393.31.6.1477
27. Service E., Simola M., Metsänheimo O., Maury S. Bilingual working memory span is affected by language skill. *European Journal of Cognitive Psychology*. 2002, № 14 (3), pp. 383–408. doi: 10.1080/09541440143000140
28. Tzou Y.-Z., Eslami Z. R., Chen H.-C., Vaid J. Effect of language proficiency and degree of formal training in simultaneous interpreting on working memory and interpreting performance: Evidence from Mandarin–English speakers. *International Journal of Bilingualism*. 2012, № 16 (2), pp. 213–227. <https://doi.org/10.1177/1367006911403197>
29. Unsworth N., Redick T.S., Heitz R.P., Broadway J.M., Engle R.W. Complex working memory span tasks and higher-order cognition: A latent-variable analysis of the relationship between processing and storage. *Memory*. 2009, № 17, pp. 635–654.
30. Ünlü E.A., Şimşek Ç.S. Testing the impact of formal interpreting training on working memory capacity: Evidence from Turkish–English students-interpreters. *Lingua*. 2018. <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2018.04.003>
31. Van Den Noort M., Bosch P., Haverkort M., Hugdahl K. A standard computerized version of the reading span test in different languages. *European Journal of Psychological Assessment*. 2008, № 24, pp. 35–42. <https://doi.org/10.1027/1015-5759.24.1.35>

32. Wen H., Dong Y. How does interpreting experience enhance working memory and short-term memory: A meta-analysis. *Journal of Cognitive Psychology*. 2019, № 31:8, pp. 769–784. doi: 10.1080/20445911.2019.1674857
33. Zhang W. A study of the effect of simultaneous interpreting on working memory's growth potential (in Chinese). *Modern Foreign Languages*. 2008, № 31 (4), pp. 423–430.
34. Zhang W., Yu D. Can memory training help improve interpreting quality? A case report in China. *The Interpreter and Translator Trainer*. 2018. doi: 10.1080/1750399X.2018.1452121

Поступила в редакцию 23.12.2022

Принята к публикации 15.02.2023

Отредактирована 10.04.2023

Received 23.12.2022

Accepted 15.02.2023

Revised 10.04.2023

ОБ АВТОРЕ

Рыбакова Наталия Владимировна — аспирант второго года обучения кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; natryb77@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Nataliia Rybakova — second year PhD student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; natryb77@gmail.com

РЕЦЕНЗИИ

КУЗЬМИНОВА Е.А., ИНЬ СЮЙ. ГРАММАТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ БУКОВНИЦА 1592 Г.: ИЗДАНИЕ И ИССЛЕДОВАНИЕ / ПОД НАУЧ. РЕД. Е.А. КУЗЬМИНОВОЙ. М.: ИЗД-ВО МОСК. УН-ТА, 2022. 654, [2] с.

Т.А. Исаченко

*Российская государственная библиотека, Россия, Москва;
isachenko33@yandex.ru*

Аннотация: Представлено научное лингвистическое издание уникального памятника ранней славянской грамматической традиции из собрания Московской духовной академии (РГБ.Ф.173.1. № 35. Л. 130–235) — первого дошедшего до нас грамматического словаря церковнославянского языка Буковницы Герасима Ворбозомского 1592 г. В рецензии отмечается роль и масштаб этого памятника грамматической мысли, освещаются основные результаты его комплексного лингвотекстологического исследования, подчеркивается значение осуществленного Е.А. Кузьминовой и Инь Сюй фундаментального научного труда для палеославистики.

Ключевые слова: Буковница 1592 г.; история славянской грамматической традиции; грамматический словарь; церковнославянский язык; орфографическая кодификация; грамматическая кодификация

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-18

Для цитирования: Исаченко Т.А. Кузьминова Е.А., Инь Сюй. Грамматический словарь Буковница 1592 г.: издание и исследование / Под науч. ред. Е.А. Кузьминовой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2022, 654, [2] с. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 4. С. 208–211.

KUZMINOVA E.A., YIN XU. GRAMMATICAL DICTIONARY OF BUKOVNICA 1592: PUBLICATION AND RESEARCH / ED. BY E.A. KUZMINOVA. MOSCOW: MOSCOW UNIVERSITY PRESS, 2022. 654 pp.

Т.А. Isachenko

Russian State Library, Moscow, Russia; isachenko33@yandex.ru

Abstract: The review presents a scientific linguistic edition of a unique monument of the early Slavic grammatical tradition from the collection of the Moscow Theological Academy (RSL. F.173.1. No. 35. Fol.130–235) — Bukovnica 1592 by

Gerasim Vorbozomskij, the earliest extant grammatical dictionary of the Church Slavonic language. The review notes the role and scale of this monument of grammatical thought, highlights the main results of its comprehensive linguistic and textual research, emphasizes the importance of the fundamental scientific work carried out by E.A. Kuzminova and Yin Xu for paleoslavistics.

Keywords: Bukovnica 1592; history of the Slavic grammatical tradition; grammatical dictionary; Old Church Slavonic; orthographic codification; grammatical codification

For citation: Isachenko T.A. (2023) Kuzminova E.A., Yin Xu. Grammatical Dictionary of Bukovnica 1592: Publication and Research / Ed. by E.A. Kuzminova. Moscow: Moscow University Press, 2022. 654 pp. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 208–211.

Издательство Московского университета при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований выпустило в свет монументальное издание замечательного памятника ранней славянской грамматической традиции — Буковницу Герасима Ворбозомского. Под этим названием в науке известен первый грамматический словарь церковнославянского языка, дошедший до нас в сборнике 1592 г. из собрания Московской духовной академии (РГБ.Ф.173.1. № 35. Л. 130–235).

Это грамматическое сочинение предоставляет уникальную возможность проследить, как в языковом сознании, сформированном в рамках традиционного подхода и еще не оторвавшемся от образцовых текстов, развивается аналитическое осмысление языка путем систематизации языковых элементов и их организации на основе парадигматического принципа, т. е. проникнуть в суть процесса формирования научной модели описания языка и проследить зарождение аналитической грамматической кодификации. Значение Буковницы определяется еще и тем, что она позволяет с достаточной ясностью увидеть, какие проблемы находились в центре внимания наших далеких предшественников, как несовершенный грамматический аппарат, известный русскому книжнику конца XVI в., использовался им в его деятельности, как абстрактные модели, заимствованные из трактатов «О осмих частех слова» и «О множестве и о единстве», находили свое практическое применение, прилагаясь к конкретному языковому материалу и внедряясь в книжно-языковую практику. Вместе с тем именно масштабность Буковницы, содержащей более 93 тысяч языковых единиц, в докомпьютерную эпоху препятствовала ее комплексному лингвотекстологическому исследованию и полноценному введению в научный оборот.

Благодаря подготовленному известным палеославистом Е.А. Кузьминовой и ее учеником Инь Сюй изданию и исследованию,

раскрывающему значение и масштаб этого памятника, Буковница 1592 г. займет свое место в истории славянской грамматической традиции.

Первая, исследовательская часть монографии «Буковница Герасима Ворбозомского 1592 г. в славянской грамматической традиции» включает четыре главы, представляющие собой завершенные «лингвистические эссе», которые в совокупности формируют целостное полотно. Первая глава посвящена собственно текстологическому исследованию Буковницы, нацеленному на выявление ее структурных особенностей и круга привлеченных ее создателем источников. Было доказано, что источниками первого ряда, ориентация на которые реализуется как на формальном, так и на концептуальном уровнях, являются филологические трактаты «О осмих частех слова», «О множестве и о единстве», «Сила существу книжнаго писма» и Букварь Ивана Федорова. Особое внимание уделено изучению рукописных источников цитатного комплекса, построенного на комбинации фрагментов Священного Писания и Творений Отцов Церкви, который был призван обосновать важность грамматического учения. Результаты текстологического исследования заложили основу, необходимую для той исчерпывающей характеристики филологической программы Герасима Ворбозомского, которую авторы дают во второй и третьей главах. Вторая глава посвящена основополагающему принципу этой программы — принципу антистиха, определившему общую концепцию словаря и направления проведенной в нем орфографической и грамматической нормализации. В третьей главе описана зафиксированная в Буковнице система норм именного и адъективного склонения и установлены принципы организации ее парадигм. В четвертой главе проводится сопоставительный анализ Буковницы со вторым дошедшим до нас рукописным грамматическим словарем «Книга глаголема буквы грамотичнаго учения» (РГБ, ф. 299, № 336, л. 23 об.–57 об.), который позволил выявить набор параметров, характеризующий данный тип грамматического описания церковнославянского языка.

Буковница 1592 г. рассматривается на широком сопоставительном фоне в общем контексте славяно-русской грамматической и лексикографической традиции: от трактата Константина Костенечского «Сказание изъявлено о писменех» до грамматики синодального церковнославянского языка Алипия Гамановича и грамматических словарей А.А. Зализняка и И.К. Сазоновой. Это позволило авторам проследить основные тенденции развития принципа антистиха вплоть до современных изданий церковной печати, выявить различие представлений о «правильности» книжного языка Герасима Ворбозомского и Мелетия Смотрицкого, установить типологическое

сходство грамматических словарей церковнославянского языка кон. XVI — нач. XVII в. со словарями XX — нач. XXI в.

Исследование выполнено на обширном языковом материале, свободно ориентироваться в котором читателю помогают сводные таблицы, схема и диаграммы, лингвистический анализ проведен скрупулезно и филигранно, а его результаты обладают несомненной научной ценностью и новизной и заслуживают пристального внимания исследователей.

Вторая часть монографии содержит наборное лингвистическое издание текста Буковницы, в котором Инь Сюй с максимальной точностью воспроизвел все графико-орфографические особенности оригинала, включая диакритические знаки, разграничение полууставных и скорописных начертаний и т. п. Передача усложненных вариантов письма и надстрочных знаков имеет для грамматического словаря первостепенное значение. Исключительная тщательность выполнения этой кропотливой работы делает честь молодому китайскому ученому. Следует лишь заметить, что этот сверхсложный набор осуществлялся на объеме более чем 400 страниц текста.

Итак, введение в научный оборот лингвистического издания Буковницы 1592 г. в купе с ее фундаментальным исследованием представляется весьма заметным событием в палеославистике. Можно надеяться, что этот впечатляющий труд, который во многих отношениях можно считать образцовым, существенно активизирует всестороннее изучение ранней славянской грамматической традиции.

Поступила в редакцию 28.12.2022

Принята к публикации 15.02.2023

Отредактирована 10.05.2023

Received 28.12.2022

Accepted 15.02.2023

Revised 10.05.2023

ОБ АВТОРЕ

Исаченко Татьяна Александровна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник ФГБУ «Российская государственная библиотека»; isa-chenko33@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Isachenko T.A. — Dr. of Philology, Chief Research Officer of Russian State Library; isa-chenko33@yandex.ru

**РЕЦ. НА КН.: ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО. Т. 107.
В ДВУХ КНИГАХ. ЖУРНАЛ «РУССКОЕ БОГАТСТВО»
Н.К. МИХАЙЛОВСКОГО. ИЗ ПЕРЕПИСКИ ЧЛЕНОВ
РЕДАКЦИИ, АВТОРОВ И СОВРЕМЕННОКОВ. 1890–1903.
Кн. 1: 1890–1899. Кн. 2: 1900–1903. М.: ИМЛИ РАН, 2022. 680 с.,
илл.; 658 с., илл.**

М.В. Михайлова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; mary1701@mail.ru*

Аннотация: В рецензии анализируются составившие 107-й том «Литературного наследства» материалы, связанные с существованием и функционированием журнала «Русское богатство». Подчеркивается актуальность вводимых в научный оборот документов, рисующих напряженную жизнь этого печатного органа, вынужденного вести бесконечную борьбу с цензурными ограничениями. Отмечается, как материалы тома уточняют наши представления о деятельности некоторых журналистов и критиков, в частности А.И. Иванчина-Писарева, П.Ф. Якубовича, А.И. Богдановича, Ф.Д. Батюшкова, не привлекавших прежде пристального внимания, как получают освещение моменты внутриредакционных и межжурнальных столкновений, оттенки и нюансы которых во многом позволяют по-новому представить происходившие в культуре этого времени события.

Ключевые слова: Н.К. Михайловский; В.Г. Короленко; «Русское богатство»; цензура; народничество

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-19

Для цитирования: Михайлова М.В. Рец. на кн.: Литературное наследство. Т. 107. В двух книгах. Журнал «Русское богатство» Н.К. Михайловского. Из переписки членов редакции, авторов и современников. Кн. 1: 1890–1899. Кн. 2: 1900–1903. М.: ИМЛИ РАН, 2022. 680 с., илл.; 658 с., илл. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 4. С. 212–220.

**REVIEW OF THE BOOK: LITERARY HERITAGE. VOL. 107. IN
TWO BOOKS. THE MAGAZINE RUSSIAN WEALTH BY N.K.
MIKHAILOVSKY. FROM THE CORRESPONDENCE OF
EDITORIAL BOARD MEMBERS, AUTHORS AND
CONTEMPORARIES. 1890–1903. BOOK ONE: 1890–1899. BOOK
TWO: 1900–1903. MOSCOW: IMLI RAN, 2022. 680 P., ill; 658 P., ill.**

Maria V. Mikhailova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; mary1701@mail.ru

Abstract: The review analyzes the materials that made up the 107th volume of *Literary Heritage* related to the existence and functioning of the magazine *Russian Wealth*. The relevance of the documents presented, depicting the busy life of this printing body, forced to wage an endless struggle with censorship restrictions, is emphasized. It is noted how the materials of the volume clarify our ideas about the activities of some journalists and critics, in particular A.I. Ivanchin-Pisarev, P.F. Yakubovich, A.I. Bogdanovich, F.D. Batyushkov, who did not attract close attention before; how the moments of intra-editorial and inter-journal clashes receive coverage, the shades and nuances of which in many ways allow us to imagine events that took place in the culture of that time in a new way.

Keywords: N.K. Mikhailovsky; V.G. Korolenko; *Russian Wealth*; censorship; narodnichestvo

For citation: Mikhailova M.V. (2023) Review of the Book: *Literary Heritage*. Vol. 107. In two books. The magazine *Russian Wealth* by N.K. Mikhailovsky. From the correspondence of editorial board members, authors and contemporaries. 1890–1903. Book one: 1890–1899. Book two: 1900–1903. Moscow: IMLI RAN, 2022. 680 p., ill.; 658 p., ill. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 212–220.

Писательница Анастасия Вербицкая, будучи молодой девушкой, лечила сердечные раны чтением статей Н.К. Михайловского, о чем сообщала в своей автобиографии, напечатанной в сборнике «На помощь учащимся женщинам» (М., 1901). А Ариадна Тыркова (1869–1962), известная общественная деятельница и писательница, Михайловскому была обязана... своим счастливым замужеством. Ходили слухи, что она была первой и единственной русской девушкой, которая не обратилась к молодому приехавшему в Россию английскому журналисту Гарольду Вильямсу с вопросом: читал ли он новую статью Михайловского? Этого оказалось достаточно, чтобы англичанин безоглядно в нее влюбился. Выглядит почти неправдоподобно, и так ли было на самом деле — неведомо, но сама по себе байка невероятно показательна. Она говорит о фантастической популярности и авторитете ведущего теоретика-народника, видного критика и публициста. Однако за более чем вековой срок полноценных работ о его жизни и деятельности, особенно литературной, появилось не так уж много, как, впрочем, и о журнале, которым он руководил чуть менее пятнадцати лет¹. Вообще, следует признать,

¹ В 2017 году в Воронеже вышла книга «Н.К. Михайловский: Человек. Мыслитель. Общественный деятель (к 175-летию со дня рождения)», но в ней практически ничего нет ни о литературно-критических взглядах, ни о принципах издательской деятельности.

что поздняя народническая критика и журналистика до обидного мало привлекали внимание ученых (в отличие от периода революционного народничества, который освещен все же достаточно полно, и то с марксистской точки зрения). Есть глава в коллективной монографии «Литературно-эстетические концепции в России конца XIX — начала XX в.» 1975 года, написанная М.Г. Петровой («Эстетика позднего народничества»), работы В.Н. Коновалова, осветившие этапы развития народнической критики, но в основном ограничивающиеся 70–80-ми годами, диссертации С.А. Локтевой и М.А. Денисовой, целиком посвященные позициям отдельных критиков, а также несколько других работ. Михайловский интересует главным образом философов, социологов, культурологов, но не литературоведов. Изучение его литературного наследия остановилось, по сути, на работах Г.А. Бялого, М.Г. Петровой и В.Г. Хороса конца 60-х — начала 90-х годов. То же можно сказать об исследованиях литературно-критического отдела журнала «Русское богатство». За исключением деятельности Короленко как публициста и редактора, филологи журналом не занимаются. И это притом, что он по популярности занимал на рубеже веков первое или второе место. Единственная диссертация о критическом отделе журнала была написана в 1965 г. Ж. Березовской. «Русское богатство» как печатный орган не представлен даже в достаточно полном труде «Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века. 1890–1904. Социал-демократические и общедемократические издания» (1981) (об обстоятельствах «невключения» статьи М.Г. Петровой в этот сборник упоминается в рецензируемом выпуске «Литературного наследия»).

Такое долгое перечисление понадобилось, чтобы яснее стал вклад коллектива ученых (О.Я. Алексеева, И.С. Багдасарян, В.М. Введенская, А.В. Востриков, А.В. Геворкян, М.А. Котова, А.В. Лавров, М.М. Павлова, М.Г. Петрова, В.В. Радзишевский, М.В. Строганов, М.А. Фролов), которые решились представить (в выдержках) обширную переписку членов редакции между собой, а также с писателями, печатавшимися в журнале, и людьми, так или иначе причастными к его появлению в новом виде. Также приведены отзывы современников, упоминавших журнал или публикуемые в нем произведения. В двух томах освещен так называемый «Михайловский период», т. е. то десятилетие, которое принято обозначать как «постнародническое». Материалы расположены по годам: читатель получает полное представление о проблемах и вопросах, которые занимали редакцию, критиков и читателей на определенном отрезке времени. Вскоре должны будут выйти еще два тома, в которых речь пойдет уже

о «Короленко-Анненковском» и «энесовском» (народно-социалистическая партия) периодах, с 1904 по 1918 годы.

Открывает первую книгу двухтомника основательная статья М.В. Строганова «Журнал “Русское богатство” 1892–1903: литература в центре общественной жизни», рассказывающая об истории существования журнала, о его месте в жизни русского общества и умственной атмосфере времени, об оценке в советские годы программы этого печатного органа как недостаточно демократичной, смене его издателей и формировании редакций. Особое место отведено в статье особенностям личности Михайловского, формирование которой началось в Горном институте, где царствовала муштра, применялась порка и где уже проявились строптивые черты характера вождя оригинального идейного направления, раскрывается существо его взглядов в дальнейшем, рассказывается о поисках места работы, накоплении знаний и выработке теоретической платформы в «Отечественных записках», наконец, о неоднократных ссылках и обретении постоянного пристанища в «Русском богатстве», где он наконец сумел проявить свои лидерские качества. Интересна попытка определения «специализации» Михайловского, который, по мнению Строганова, не был ни литературным критиком, ни философом, ни социологом. Возможно, подошло бы наименование «публицист», но автор статьи предпочитает охарактеризовать Михайловского (не без доли иронии) найденным самим деятелем словом «профан», памятуя о его «Записках профана». Строганов размышляет над тем, как соотносились в характере «борца на славном посту» диктаторские замашки и идейная непреклонность, что находит потом подтверждение в прямых высказываниях Михайловского в его письмах. Важна и корректировка устоявшегося мнения о роли Короленко в журнале в первое десятилетие. С фактами в руках Строганов доказывает, что на первых порах Короленко не оказывал сколько-нибудь заметного влияния на политику журнала. Одновременно исследователь берет под защиту беллетристику «Русского богатства» (она обычно оценивается как литература не очень высокого художественного качества), считая, что она, по сути, открывала новый вид литературы, сходный с non-fiction в современном значении понятия, и называет в качестве выдающихся произведений «Из мира отверженных» П.Ф. Якубовича и «Историю моего современника» Короленко. Из этой статьи читатель также узнает о принципах отбора материала для двухтомника, решениях о его расположении, трудностях «извлечений» из эпистолярия и дневников.

Можно ли, однако, согласиться с выводом М. Строганова, что со смертью Михайловского «умерла литература как притягательный

центр общественной жизни» [кн. I, с. 22]? Думается, что это суждение несколько смелое, но авторитета, подобного Михайловскому, в журнально-критической среде действительно больше не появилось. Поэтому естественно, что с именем Михайловского так или иначе связано большинство приводимых документов, откуда мы узнаем и о чертах характера этого журналиста и публициста (о чем уже упоминалось выше), о круге его друзей и единомышленников, о формировании требований, предъявляемых к писателям, которые должны были составить круг «Русского богатства», о внутриредакционной политике, о нескончаемом «романе» с цензурой, об оставлении позиции, о взаимоотношениях с другими органами печати.

И надо признать, что многие страницы читаются с неослабевающим интересом, потому что нередко одно и то же событие предстает увиденным глазами нескольких его участников, отчего приобретает объемность. Так, например, начинает выглядеть инцидент, произошедший между А.И. Богдановичем как фактическим редактором «Мира Божьего» и его издательницей М.К. Иорданской, тщательно и подробно прокомментированный составителями издания, для чего понадобилось привлечь воспоминания М.К. Куприной-Иорданской и дополнить характеристику произошедшего столкновения перепиской Ф.Д. Батюшкова и Короленко. Отчетливые видятся драмы в редакции, в которой назревал раскол, вынудивший уйти соратника-народника С.Н. Кривенко, который все более склонялся к «умеренности и аккуратности», в то время как Михайловский жаждал сохранить боевой дух. Помимо возможности уточнения оценок, касающихся болезненных ситуаций, в которых идейный разлад порождал эмоциональный надрыв, появились данные, позволяющие корректировать устойчивое мнение о Михайловском как о критике, лишенном эстетического чутья. По крайней мере, на фоне прямолинейного Мих. Протопопова он выглядит значительно более внимательным к явлениям, которые не были ему близки. Так, он призывал последнего отказаться от «огульного» осуждения всех поэтов не первого ряда, склонявшихся к неким новациям, призывая выделить Надсона и А. Федорова.

Очень много ценного содержит следующая за вступительной статья народника Н.С. Русанова, работавшего с архивом Михайловского в 1914 г. и буквально разложившего по полочкам сохранившиеся в архиве материалы. Ее републикация была абсолютно необходима, т. к. выстраивала в перспективе деятельность Михайловского до его прихода в «Русское богатство» и собирание им сил для обновленного печатного органа. Примечательно, что отдельно Русановым были выделены «женские письма» как сохраняющие особый колорит. Обнаруживаются обстоятельства личной жизни Михайловского,

проливающие свет на его отношения с сыновьями. Многие из писавших в этих случаях раскрываются с неожиданной стороны, что, конечно, является заслугой адресата, «сердечную сторону» которого многие очень ценят. Однако эти характеристики в свою очередь контрастируют с мнением противников эстетической и идейной позиции Михайловского, для которых он «гальванизированный труп» [кн. I, с. 297], не имеющий привычки читать что-либо, кроме Гл. Успенского (таков был отзыв П.П. Перцова, упрекавшего А. Горнфельда за измену «Северному вестнику»).

Благодаря публикации новых писем многие фигуры, ранее бывшие только лишь силуэтами на литературном небосклоне, вроде А.И. Иванчина-Писарева, выведены из тени. Становится понятно, что Михайловский, советуясь с ним, давая указания и пр., помнил не только о его народническом прошлом, но учитывал и его былую причастность к занятиям литературой. Начинаешь понимать, насколько он был необходим Михайловскому и в чисто бытовых вопросах и насколько политика журнала формировалась при его участии. То же самое можно сказать о Ф.Д. Батюшкове, который, несмотря на выдающуюся свою продуктивность в самых разных филологических областях, пока не занял достойного места в истории русской критики. Его ценнейшие психологические наблюдения за поведением писателей и нравами литературной среды добавляют живые краски в синхронное восприятие произведений, получивших со временем высокую аттестацию (случай Леонида Андреева, к которому сам Батюшков подошел со «сдержанной оценкой» в отличие от А.И. Богдановича, который «закусил удила» и принялся хвалить «не в меру» [кн. 2, с. 370], и восхищенного Куприна). А как ценны в письме к Короленко его общие рассуждения о соотношении в личности литератора художника и человека, хотя они и обращены к конкретному писателю! Хочется привести несколько цитат из этой обширной тирады: «А что касается вопроса об отношении к писателю и человеку, то, во 1-ых, по счастью, в Вас нет той двойственности, как у многих, у которых слова и дела далеко не согласуются; во 2-х <...> в Ваших произведениях я “прозрел” человека еще раньше, чем познакомился с Вами. Когда я узнал Вас ближе — отвлеченный образ оказался облеченным в плоть и кровь. До какой степени мне стал дорог “человек” — Вы это знаете, но пусть личная привязанность, развившаяся на почве благоговения перед художником и уважения к деятелю, сохранит для меня свое возвышающее значение <...>» [кн. II, с. 32].

Проясняется позиция П. Якубовича, который всегда считался проводником обветшалых эстетических установок. Теперь яснее становится стратегия его поведения и оказывается, что он обладал

даже чувством юмора, когда добровольно отдавал себя на растерзание литературной общественности. Так, он пишет Михайловскому о недругах журнала: «Пускай же, на здоровье, поточат об меня зубы в одну из своих “пятниц”» [II, с.10]. В то же время на примере Ан. Вербицкой видно, что журнал стремится сохранить объективность. Несмотря на прекрасные отношения писательницы с Михайловским, тот дал добро на публикацию довольно ядовитой рецензии Якубовича на ее повесть «Первые ласточки», которая представляла собою расширенное издание произведения, написанного почти пятнадцать лет назад и тогда же в усеченном виде появившегося на страницах «Русской мысли» под названием «Разлад». Поэтому Якубович, упрекая автора в наивной горячности, с которой тот высказывается «по поводу женского вопроса», можно сказать, несколько запоздал со своим недовольством и не учел, что писательница захотела наконец предъявить публике полную версию того произведения, которое некогда создала. Однако рецензия все же появилась на страницах журнала, а спустя какое-то время очередная повесть Вербицкой была напечатана в «Русском богатстве». Следовательно, «равновесие» было соблюдено. А приведенный адрес Вербицкой в честь Короленко, в котором она подчеркивает, насколько для нее в облике писателя важно единство слова и дела, добавляет штрих к ее писательской позиции, где наиважнейшим компонентом всегда было «содержание», а не «форма». Кроме того, становится очевидным, что с годами Якубович-критик вообще несколько смягчился. Он сам признавался, что с «острой стороной Гриневича»² [кн. II, с. 29] покончено. Но не тогда, когда речь заходила о сохранении приверженности старым идеалам. Показательна в этом плане его полемика с Е.А. Соловьевым-Андреевичем, что также доказывает широту Михайловского, пригласившего этого критика, явно испытывающего влияние марксизма, стать рецензентом «Русского богатства» в рубрике «Новые книги», что тот и осуществлял с мая 1898 по февраль 1899 г. А почти одновременно в промарксистском журнале «Жизнь» Соловьев-Андреевич опубликовал серию статей под названием «Семидесятые годы», где весьма нелестно отзывался об умонастроении народников, которое именовал «сословной идеологией старого барства», выражающейся в «“кающихся” формах» [кн. II, с. 68]. Этого, конечно, не мог потерпеть Михайловский, назвавший его «моменталистом-трансформистом» и «развязным» человеком³, за

² Под таким псевдонимом он печатал свои критические опусы.

³ См. его ст.: О г. Соловьеве как «моменталисте-трансформисте» и развязном человеке вообще // Русское богатство. 1899. № 7. Октябрь.

что почти сразу получил отповедь⁴. Якубович же чуть раньше в переписке причислил Соловьева-Андреевича к «несчастливым недоумкам» [кн. II, с. 67]. Однако все это не помешало Михайловскому заметить в августе 1898 г.: «отзыв Мельшина⁵ <...> вполне у нас уместен и не помешает С<оловьеву> работать у нас по библиографии» [кн. I, с. 577].

Отдельно стоит упомянуть о принципах работы редакции с молодыми авторами. Михайловский, возможно, нашел почти идеальную пропорцию между строгостью и благожелательностью, что всегда стимулирует начинающего писателя и критика. С одной стороны, важно не погасить пыл, с другой — не дать развиться самолюбию. Яркий тому пример — реакция Горнфельда на отказ Михайловского напечатать его статью о Чехове и запомнившийся ему разговор с редактором «Русского богатства». Горнфельд не только не был обескуражен, но оказался даже вдохновлен: «Домой еду исполненный бодрости и надежд <...> а все — связь с “Русским богатыством”» [кн. I, с. 299].

Даже известные письма начинают звучать по-иному, появившись в окружении других документов. Так, серьезные сомнения Короленко по поводу принятия руководства «Русским богатством», которыми он делится с женой, Евдокией Семеновной Иваницкой, во многом ярко высвечивают их отношения, указывая на глубокую идейную близость, существовавшую между супругами.

К такому основательному, высокопрофессиональному труду сложно предъявлять претензии. Да, заметишь где-то неточность: Короленко «...отстранил Иванчина-Писарева, который при жизни Михайловского был персоной non grata» [кн. I, с. 26]. (На самом деле Михайловским этот деятель был очень любим и привечаем.) Где-то хотелось бы получить более подробные объяснения: почему, например, «современники хорошо чувствовали различие между стихами Тана и самого Якубовича» [кн. II, с. 30], а сегодня разница не очень ощутима? Но при столь обширных, развернутых комментариях, где привлечены свидетельства, мемуары заинтересованных сторон, позволяющие видеть прошедшее в полном объеме, рука не поднимается выискивать «блох». Конечно, вдумчиво осилить этот большой, почти в 1400 страниц труд в один присест нелегко, тем более что представленные на суд читателя факты расшатывают уже сложившиеся в сознании схемы. Уверена, к этому труду будут обращаться и поколения литературоведов, каждый раз находя новые подтверждения возникающим концепциям.

⁴ См. его ст.: О сословном духе литературы. (Ответ гг. Михайловскому, Скабичевскому и др.) // Жизнь. 1899. № 11.

⁵ Псевдоним Якубовича для прозаических произведений.

Отдельно отметим богатый иллюстративный материал. Почти убеждена, что никому, кроме специально занимающихся творчеством Короленко, не были известны его прекрасные (возможно, на взгляд искусствоведов, и несколько академически-ученические) рисунки. Меня же просто подкупила открытка с кошечкой, исполненная акварелью, графитным карандашом и белилами. Интересны и фотографии всех участников литературного процесса того времени (прекрасны женские портреты Л. Маклаковой, Л. Гуревич; с мужскими мы все же лучше знакомы, они встречаются в книгах), фото обложек изданий.

Известно, что работа будет продолжена. Предстоит осветить самый сложный период существования журнала, когда не только не оформилось крепкого беллетристического ядра (беллетристика «Русского богатства» была очень разношерстной и в годы «правления» Михайловского), но и критический отдел «пестрел» фамилиями людей, таких, например, как Горнфельд и А. Редько (писавший в содружестве с женой), предъявляющих литературе различные требования. Предстоит найти точные определения и для общественно-политической платформы журнала в период Первой мировой войны и в преддверии 1917 года. Но уже предъявленный труд служит залогом и будущего свершения.

Поступила в редакцию 29.03.2023

Принята к публикации 15.04.2023

Отредактирована 10.05.2023

Received 29.03.2023

Accepted 15.04.2023

Revised 10.05.2023

ОБ АВТОРЕ

Михайлова Мария Викторовна — доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; mary1701@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Maria Mikhailova — Prof. Dr., Professor, Department of the History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; mary1701@mail.ru

**РЕЦ. НА: ШЕШКЕН А.Г. МАКЕДОНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
XX — НАЧАЛА XXI ВЕКА. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ.
М.: ИНДРИК, 2022. 478 с.**

Е.В. Суворцева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; surovceva-ekaterina@yandex.ru*

Аннотация: В рецензии анализируется монография А.Г. Шешкен по истории македонской литературы. Подчеркнуто, что основное достижение автора состоит в том, что на обширном материале создано первое в отечественной науке комплексное описание и анализ македонской литературы, ее периодов и важнейших представителей. Македонская литература вписана в контекст югославской, отмечается также роль иностранного (в том числе русского) художественного опыта и переводов для ее становления. Большим достоинством книги является освещение достижений российской македонистики.

Ключевые слова: Македония; македонская литература; «ускоренное развитие литературы»; югославская литература; литературоведческая компаративистика

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-20

Для цитирования: Суворцева Е.В. Рец. на: Шешкен А.Г. Македонская литература XX — начала XXI века. Очерки истории. М.: Индрик, 2022. 478 с. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 4. С. 221–226.

**REVIEW OF THE BOOK: SHESHKEN A.G. MACEDONIAN
LITERATURE OF THE 20TH — EARLY 21ST CENTURIES.
ESSAYS ON HISTORY. MOSCOW: INDRIC, 2022. 478 p.**

E. V. Surovtseva

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
surovtseva-ekaterina@yandex.ru*

Abstract: The review analyses the monograph of A.G. Sheshken on the history of Macedonian literature. It is emphasized that the main achievement of the author is the comprehensive description and analysis of Macedonian literature, its periods and most important representatives which is the first in Russian scholarship. The Macedonian literature is placed in the context of the Yugoslavian literature, and the role of foreign (including Russian) artistic experience and translations for its formation is emphasized. The great merit of the book is the coverage of the achievements of the Russian Macedonian studies.

Keywords: Macedonia; Macedonian literature; ‘accelerated development of literature’; Yugoslavian literature; literary comparativism

For citation: Surovtseva E.V. (2023) Review of the Book: Sheshken A.G. Macedonian Literature of the 20th — Early 21st Centuries. Essays on History. Moscow: Indric, 2022. 478 p. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 221–226.

В 2022 году в издательстве «Индрик» вышла книга профессора филологического факультета Аллы Геннадьевны Шешкен «Македонская литература XX — начала XXI века. Очерки истории». Это издание — первое в отечественной славистике, посвященное истории литературы македонского народа в период, когда македонцы обрели государственность (сначала как союзная республика в составе федеративной Югославии, позже как самостоятельное государство), завоевали право на признание национальной идентичности и стали развивать свой язык и культуру. Подобного исследования не предпринималось и в мировой филологической науке.

Анализ самой молодой славянской литературы, уходящей корнями в глубокую древность, базируется на серьезной теоретической основе, разработанной в главе I «Проблема неравномерности (“замедленности”/“ускоренности”) развития национальных литератур. “Ускоренное развитие” македонской литературы. Его особенности и основные факторы». В ней анализируется теория Г.Д. Гачева об основном развитии литературы, отмечается ее актуальность и уязвимые стороны. Алла Геннадьевна опирается также на целый ряд авторитетных отечественных и зарубежных исследователей (Д.С. Лихачёв, А. Флакер, Д. Дюришин, Н.И. Кравцов, П.М. Бицилли, А.А. Гугнин и др.). Важными для исследования закономерностей национального литературного процесса являются положения Г.Н. Поспелова о стадийности развития литературы. Подчеркивается связь культуры и литературы народа с эпохой общественного развития, и намечается «пунктирная линия движения македонской литературы» (с. 51). В результате выявляется природа процессов, позволивших македонской литературе в короткий срок превратиться в интересное самобытное явление, создать свою литературную классику, сформировать современную жанровую систему и занять достойное место среди славянских литератур.

Алла Геннадьевна, опираясь на комплексный подход (сочетая историко-литературный, сравнительно-исторический, контекстуальный и культурологический анализ), рассматривает историю македонской литературы по периодам, анализируя творчество наиболее интересных писателей.

В главе II («Формирование македонской литературы в условиях отсутствия государственности (1880–1945)») проговаривается мысль

о том, что «создание литературы на национальном языке важно для становления национального самосознания» (с. 57), выделяются три исторически обусловленные этапа формирования македонской нации — и каждому из этих этапов соответствует свой тип мировосприятия и, как следствие, тип художественного творчества. Подчеркнута значимость межвоенного периода, вершиной которого стало появление первого национального поэта Кочо Рацина, чья лирика опиралась на фольклорную традицию, но идейно-тематической направленностью была близка общегославскому движению «социальной литературы». Отмечен также вклад русских эмигрантов в культуру македонцев и южнославянских народов в целом, становление македонского театра (Ристо Крле, Антон Панов, Васил Ильоский), роль периодики («Южни преглед», «Луч»). Отдельный раздел посвящен поэзии военного времени и партизанскому театру (В. Малеский).

В главе III («Македонская литература на македонском языке (1945–1955)») подчеркнуты важность признания македонского народа как особой нации, обладающей равными с другими югославянскими народами правами, и значение кодификации языка, что стало основой бурного развития литературы. Появились поэтические сборники Г. Ивановского, С. Яневского, А. Шопова, Л. Каровского. К числу наиболее ярких явлений — памятников революционной эпохи — автор относит поэму Б. Конеского «Мост». В этот же период формируется македонская проза — создаются новеллы на тему борьбы с фашизмом В. Малеского, П. Бошковского, К. Чашуле и пишется первая повесть на македонском языке «Улица» Я. Яневского. В книге указывается, что эстетической основой македонской литературы послевоенного времени был социалистический реализм. На наш взгляд, было бы интересно провести сопоставительный анализ соцреализма македонского (и — шире — югославянского) и русского (советского?). Рубеж 1940–1950-х годов стал для югославянской литературы эпохой перемен, связанной с изменением политического климата в стране, — был объявлен отказ от соцреализма и жесткого идеологического контроля над искусством. В этот период создается «мягкая и нежная» медитативная лирика А. Шопова, резко отличающаяся от лирики военных и послевоенных лет, в том числе и его собственной (такую же творческую эволюцию претерпел и С. Ивановский). Очень интересен раздел этой главы, посвященный македонской литературно-критической мысли.

В главе IV («Новые эстетические задачи (1955–1960-е гг.)») отмечается богатство тем и форм македонской лирики, для которой весьма плодотворным оказалось время «эстетического плюрализма». В данном контексте рассматривается творчество Б. Гюзела, В. Уро-

шевича, Г. Тодоровского. Достигает расцвета и во многом определяет развитие всей македонской поэзии творчество Б. Конеского (сб. «Вышивальщица», 1955). В этот же период в македонской литературе происходит «поэтическая революция», связанная с широким обращением к опыту европейского сюрреализма и сербского надреализма. Ее результатом стал уникальный сплав фольклорной традиции и сюрреализма. В прозе работают С. Янеский, Б. Конеский, Д. Солев, национальный македонский характер и национальные основы бытия пытается постичь Ж. Чинго. Отдельный раздел главы посвящен литературной критике, которая заняла в литературном процессе важное место. Этот период отличается дискуссиями между «реалистами» и «модернистами», особым вниманием к «неортодоксальным» авторам русской литературы XX века (советская же литература перестала служить идейно-эстетическим образцом), повысилось внимание к нереалистическим течениям национальных литератур народов Югославии.

В главе V («1970–1980-е годы. Жанровое и стилевое многообразие») отмечено, что основная задача этого периода — достижение стилевого многообразия, обогащение жанровой системы, а также акцентирование внимания на собственной национальной традиции. В этот период новых высот достигло поэтическое творчество (Б. Конеский, С. Яневский, А. Шопов, Г. Тодоровский и др.). Лейтмотив македонской лирики этого периода — осознание связи с прошлым, его духовной культурой. Активно развивалась и проза, в которой ставились проблемы соотношения универсального и национального (Ж. Чинго), национального характера (С. Яневский, П.М. Андреевский), окончательно сложилась «городская проза» (Д. Солев). Динамично развивались жанры прозы — рассказ и роман. Повысилась роль драматургии (К. Чашуле, Б. Пендовский, Г. Стефановский), широко использовавшей достижения экспериментальной драмы, но не порывавшей с национальным наследием.

В VI главе («Литература независимой Македонии (1991–2010-е гг.)») характеризуются новые политические и общественные реалии, связанные с распадом Югославии и возникновением самостоятельного государства Республики Македония. Отмечена как преемственность с предшествующим этапом, что проявилось в поэзии (Б. Конеский), интенсивном развитии романного жанра (П.М. Андреевский, С. Мицкович и др.), так и новые черты. Поиски национальной литературы новой эпохи во многом связаны с постмодернизмом (В. Андоновский), при этом уже в 2000-е годы появились произведения (например, «Акварин» Т. Урошевич), в которых постмодернистская поэтика была переосмыслена и даже вызвала полемику. Создаются также новые разновидности исторического повествова-

ния, например роман «Маджун» В. Урошевича, имеющий автобиографическую основу. Отдельно в этой главе рассказано о книге М. Гюрчинова «Постижение действительности», созданной в рамках документальной прозы. Кроме того, рассматривается феномен «женского письма». На наш взгляд, этот сюжет раскрывает в перспективе интересные возможности при сопоставлении с русским «женским письмом».

Последняя, VII глава книги («Македонистика») посвящена российской македонистике и истории переводов македонской литературы на русский язык, что ценно само по себе, так как систематизирует богатый и интересный материал.

В рецензируемой книге македонская литература анализируется в контексте инославянских (в том числе русской) и западноевропейских литератур, особо оговорена роль перевода в становлении и развитии жанровой системы македонской литературы. Это обусловлено тем, что ни одна литература не может развиваться в вакууме, без учета чужих художественных достижений, чужого опыта — опыта как предшественников, так и современников, причем наработки предшественников усваиваются не хронологически, а вне времени. Большую роль в развитии македонской литературы сыграла наша русская литература. Имена наших писателей самых разных эпох неоднократно упоминаются на страницах книги (Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, А.А. Блок, В.В. Маяковский, И.Э. Бабель, М.А. Шолохов и мн. др.). Важно, что македонская литература вписана в общегославский литературный и культурный контекст, отмечается как общее, так и национальная специфика македонской литературы, особый «извод» общих процессов. Именно поэтому на страницах книги неоднократно упоминаются имена сербских, хорватских и словенских писателей (И. Андрича, Р. Маринкович, С. Ковела и др.).

Радует тот факт, что книга включает в себя список избранных трудов А.Г. Шешкен (и на русском, и на других славянских языках), чтобы заинтересованный читатель мог по перечисленным в списке работам ознакомиться с теми аспектами македонской литературы, которые не получили подробного освещения в книге.

Автор этих строк, будучи аспирантом филологического факультета МГУ, имел честь слушать лекции Аллы Геннадьевны по русско-югославянским литературным связям в рамках существовавшей тогда специализации «Сравнительное литературоведение» и заниматься по ее учебному пособию¹. Рецензируемая монография зна-

¹ Шешкен А.Г. Русская и югославские литературы в свете компаративистики. М.: МАКС Пресс, 2003.

чительно обогатила наши знания в этой области литературоведения и дала стимул для дальнейших размышлений.

С появлением такого исследования, как «Македонская литература XX — начала XXI века. Очерки истории» А.Г. Шешкен, нашу науку можно только поздравить.

Поступила в редакцию 28.12.2022

Принята к публикации 15.02.2023

Отредактирована 10.04.2023

Received 28.12.2022

Accepted 15.02.2023

Revised 10.04.2023

ОБ АВТОРЕ

Суровцева Екатерина Владимировна — к.ф.н, старший научный сотрудник МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, учебно-научный компьютерный центр, учебно-научная лаборатория компьютерной лексикологии и лексикографии; surovceva-ekaterina@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina Surovtseva — Ph.D., Senior Researcher, Educational and Scientific Computer Centre, Educational and Scientific Laboratory of Computer Lexicology and Lexicography, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University; surovceva-ekaterina@yandex.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

VII МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АЛИСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ» (МГУ, 20 ФЕВРАЛЯ 2023)

О.Ю. Школьникова, А.М. Бибилова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; chkolnikova@icloud.com, alexandra.m.b@mail.ru

Аннотация: Представлен обзор научных докладов, прозвучавших на прошедшей 20 февраля 2023 г. на базе филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова VII Международной научной конференции «Алисовские чтения», посвященной годовщине со дня рождения известного отечественного романиста, одного из основателей итальянистики в России профессора Т.Б. Алисовой. В конференции приняли участие 50 лингвистов, литературоведов, историков, искусствоведов и культурологов из Москвы, Петербурга, других университетских и научных центров России, Белоруссии и Италии.

Ключевые слова: филология; лингвистика; литературоведение; культура; Алисова

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-21

Для цитирования: Школьникова О.Ю., Бибилова А.М. VII Международная конференция «Алисовские чтения» (МГУ, 20 февраля 2023) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 4. С. 227–232.

7TH INTERNATIONAL CONFERENCE ALISOVA'S READINGS (MSU, FEBRUARY 20, 2023)

O. Ju. Shkolnikova, A.M. Bibikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; chkolnikova@icloud.com, alexandra.m.b@mail.ru

Abstract: This is an overview of the reports presented at the International conference on Italian Languages, Literature, and Culture *Alisovskiye chteniya* held on February 20, 2023 at the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. The academic gathering celebrated the anniversary of Professor Alisova, a founder of the italianistics in Russia. More than 50 attendees included language, history, literary, art and cultural experts from Russia, Belarus and Italy.

Keywords: philology; linguistics; literary criticism; culture; Alisova

For citation: Shkolnikova O., Bibikova A. (2023) 7th International Conference Alisova's Readings (MSU, February 20, 2023). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 227–232.

Научная конференция итальянистов «Алисовские чтения», уже в седьмой раз организуемая кафедрой романского языкознания филологического факультета МГУ в память о профессоре Алисовой и посвященная языку, литературе и культуре Италии, в 2023 году прошла в онлайн-формате 20 февраля, в день рождения Татьяны Борисовны. Заседания всех секций транслировались в режиме прямого эфира на канале филологического факультета МГУ. Представительный состав участников и широта охвата тематики прочитанных докладов позволяют говорить об «Алисовских чтениях» как об одном из ведущих международных форумов итальянистов в России. В пятидесяти выступлениях были представлены история и современное состояние итальянского языка, литературы и искусства Италии, их практическое изучение и теоретическое осмысление, актуальные проблемы перевода, издания текстов и методики преподавания. По традиции с докладами выступили не только известные ученые и опытные преподаватели, но и аспиранты, магистранты и студенты старших курсов (МГУ, Московского городского педагогического университета, Минского государственного лингвистического университета).

И.о. декана филологического факультета профессор А.А. Липгарт открыл конференцию, затем участников поприветствовала и.о. заведующей кафедрой романского языкознания профессор О.Ю. Школьникова, доцент кафедры романского языкознания Е.А. Семёнова представила сообщение об истории кафедры.

На заседании **секции «Язык и методика преподавания»** аудитории предлагалось прослушать доклады на разные актуальные темы. Ряд докладов был посвящен терминологии и тенденциям номинации: сообщения *К.М. Табаринцевой-Романовой* (УрФУ) «Accademia della Crusca: неологизмы и глобальные политические тренды и вызовы», *С.А. Сидневой* (МГУ) «Влияние политически корректного языка на номинации итальянских праздников и поздравительные формулы», *Д.А. Шевляковой* (МГУ) «Принципы номинации итальянских вин в начале XXI в.», *А.В. Громовой* (МГУ) «Новые персизмы-кулинаронимы в итальянском языке», *А.Г. Никитюка* (ИИЯ МГПУ) «Специфика использования IT-терминов в итальянских научно-технических текстах», *Н.М. Стремоус* (Минский государственный лингвистический университет) «Функционирование терминологических единиц подсистемы “экономика” на материале итальянских электронных СМИ».

Были заслушаны доклады, связанные с историей итальянского языка и его современным состоянием, некоторые из них касались сопоставительного анализа итальянского и русского языков: доклады *Р.А. Говорухо* (РГГУ) «Аппроксиматоры в итальянском и русском текстах и проблема имплицитности», *Д.А. Кутеко* (МГУ) «Особенности употребления союзов и частиц в комедиях итальянских авторов XVI века», *М.С. Соколовой* (МГУ) «Суффиксы субъективной оценки как один из способов выражения категории интенсивности в итальянском языке», *Е.С. Борисовой* (МГЛУ) «Этикетные формулы в деловой переписке: итало-русские типологические несоответствия», *А.Л. Токаревой* (МГПУ, РГГУ) «Синонимический ряд “tristezza” и метафоры грусти в итальянском языке».

Современная социолингвистическая ситуация в южных регионах Италии освещались в докладах *О.Д. Фаус-Леутской* (Институт этнологии и антропологии РАН) «Язык и идентичность: область Сардиния» и *О.И. Еремичевой* (ГБОУ Школа 1950) «Возможно ли сохранить языки меньшинств? (на примере сардинского языка)». *З.С. Тюрина* (ГАОУ ВО МГПУ) выступила с докладом «Топонимы и национальности в итальянских идиоматических единицах: специфика образов».

Различные аспекты методики преподавания были освещены в докладах *В.А. Кудиновой* (МГУ, НИУ ВШЭ) «Принцип отбора лексического материала и другие методические подходы к составлению пособия по итальянскому языку для продолжающих», *М.Г. Яшиной* (НИУ ВШЭ) и *Пьерпаоло Беттони* (референт ассоциации Anils Mondo) «Универсиада по итальянскому языку: история, перспективы, значение», *Е.В. Охотниковой* (НИУ ВШЭ, МИЭФ) «Реабилитационный потенциал занятий иностранным языком в работе с обучающимися с ОВЗ».

Заседание **секции «Литература, театр, кинодискурс»** открылось сообщениями, сопоставляющими древние памятники итальянской и русской словесности: доклад *М.А. Кедровой* (СПбГУ) «Жанровое и идейно-художественное своеобразие стихотворных житий Алексея, человека Божия, на материале “Ритма о св. Алексее” и “Жития блаженного Алексея” Бонвезина да ла Рива» и выступление *А.В. Топоровой* (ИМЛИ РАН им. А.М. Горького, РГГУ) «Сопоставление средневековых западноевропейских дневников паломничества и русских “хожений”». *С.В. Балаева* (СПГХПА им. А.Л. Штиглица, Санкт-Петербург) выступила с докладом «Генезис страдания в размышлениях Дж. Леопарди». Два доклада секции были посвящены представителям итальянской «скапильятуры»: *А.В. Аксеновой* (МГУ) «Арриго Бойто — последний либреттист Дж. Верди» и *А.М. Бибиковой* (МГУ) «Здоровье и болезнь в короткой прозе И.У. Таркетти».

Без внимания исследователей не остались и современная итальянская поэзия, песенная лирика и кинодискурс: Ю.С. Патронникова (ИМЛИ РАН) представила доклад «Образ Ворона в киноновелле П.П. Пазолини “Птицы большие и малые” (1966)», С.Н. Шевченко (МГЛУ) — «Мир птиц в пространстве итальянской поэзии», И. Дзанолетти (МГПУ) — «Il Movimento per l’Emancipazione della Poesia: analisi di un fenomeno letterario contemporaneo», О.А. Погорецкая (МГИМО) — «Особенности итальянского языка в текстах современных итальянских рэп-исполнителей (на материале творчества Salmo)». Несколько докладов были посвящены прозе и эссеистике итальянских писателей XX–XXI вв.: Е.В. Чесноковой (Минский ГЛУ) «Идейно-жанровая специфика сборника эссе Ч. Павезе “Диалоги с Левко”», Ю.Н. Николаевой (РГГУ) «Антиколониальная рефлексия в романе Э. Флайано “Время убивать”», Т.А. Быстровой (РГГУ) «Рецепция Italiano neostandard в современной литературе Италии», А.А. Цыганковой (МГУ) «Функциональный анализ переключения кодов в текстах Умберто Эко». Завершила работу секции Е.В. Фейгина (МГУ) с докладом «Образ и речи св. Фомы Аквинского в “Божественной комедии” Данте».

В секции «Перевод и книгоиздание» докладчики представили результаты своей практической работы в роли переводчика, комментатора или редактора: А.В. Ямпольская (Литературный институт имени А.М. Горького) выступила с докладом «Опыт подготовки комментированного издания книги М. Осоргина “Очерки современной Италии”», М.А. Козлова (РГГУ) — «“Жажда свободы” Т. Брасса: калейдоскоп жанров и стилей (заметки об опыте перевода)», М.Д. Громыко (СПбГУ, частный переводчик и преподаватель) — «Новая редакция старого перевода. Об опыте повторного редактирования книги Ф. Феллини “Делать фильм” в переводе Ф.М. Двин (изд. “Подписные издания”, 2022)». Другие участники представили результаты своих научных изысканий по истории перевода и современным аспектам переводческой практики: М.Ю. Десятова (ПСТГУ) «Техники перевода и основные направления переводческой деятельности на Сицилии в XIV–XV вв.», Т.Ф. Тенерик (МГУ) «Проблема вольности и точности в переводах греческой трагедии: XIX век», О.Ю. Школьникова (МГУ) «Интенсификация как способ экспрессивизации высказывания в старых романских языках: интерпретация и проблема перевода», К.А. Кузнецова (Московский городской педагогический университет) «Адресованность quarta di copertina как средство продвижения книги», А.А. Куликова (МГУ) «Анализ перевода “Поэмы Воздуха” М.И. Цветаевой на итальянский язык в мультимедийном аспекте».

В секции «История, искусство, архитектура» прозвучали следующие доклады: *А.В. Калашиников* (РГГУ) «Музыка Катерино Кавоса к спектаклю “Буря”», *Е.Г. Грушевская* (МГУ) «Arte propria: между архаикой, классикой и современностью», *М.Е. Кабицкий* (РГГУ, МГУ) «Большие носимые на плечах конструкции в контексте традиционной культуры итальянцев», *Т.С. Дорофеева* (ФГБОУ ВО МГЛУ) «Архитектура Сицилии в контексте дискурса идентичности», *С.А. Никитин-Римский* (РАНХиГС) «Архитектурные языки Вероны и озера Гарда (опыт составления архитектурного путеводителя)», *М.Н. Бахматова* (МГУ) «Плюрализм и диалог” в г. Вероне 1970-х годов: от идеологемы к практике», *Т.Л. Мусатова* (МГУ) «Grand tour императора Николая I по Италии (1845). Неаполь».

В завершение конференции прозвучали итальянские песни в исполнении учащихся магистратуры филологического факультета МГУ.

Важнейшим результатом работы конференции стали многочисленные дискуссии, раскрывшие современные тенденции в эволюции итальянского языка, культуры и общества, а также обозначившие новые направления исследований в рамках итальянистики. В работе всех секций конференции приняли живое участие сотрудники, аспиранты, магистранты и студенты МГУ и других вузов России. Итоги конференции убедительно показывают, что ежегодные «Алисовские чтения» стали авторитетной и востребованной встречей для обмена научными достижениями в области итальянистики, а интенсивное изучение итальянского языка, литературы и культуры, их сопоставительный анализ с русским языком, литературой и культурой продолжается и имеет перспективы для дальнейшего развития.

Поступила в редакцию 21.03.2023

Принята к публикации 16.04.2023

Отредактирована 10.06.2023

Received 21.03.2023

Accepted 16.04.2023

Revised 10.06.2023

ОБ АВТОРАХ

Школьникова Ольга Юрьевна — профессор, и.о. заведующей кафедры романского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; chkolnikova@icloud.com

Бибикова Александра Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры романского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; alexandra.m.b@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Olga Ju. Shkolnikova — Doctor of Philology, Professor, Acting Head of the Department of Romance Linguistics, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University; shkolnikova@icloud.com

Alexandra Bibikova — Ph. D., Associate Professor, Department of Romance Linguistics, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University; alexandra.m.b@mail.ru

ISSN 0130-0075

ISSN для электронной версии 2949-2688 от 02.05.2023

ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 9. ФИЛОЛОГИЯ. 2023. № 4. 1–232.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации № 1555 от 14 февраля 1991 г.